ВЕСТНИК ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Право № 3 (71), 2022

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:
д-р юрид. наук, проф. О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:
Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.

© Тверской государственный университет, 2022

VESTNIK

TVER STATE UNIVERSITY

Series: Law № 3 (71), 2022

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:
Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Tver State University»

Editorial Board of the Series:
Doctor of Law, Professor O.U. Ilina (editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.G. Bezverkhov;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:
Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced without the written permission of the publisher.

© Tver State University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Барткова О.Г.
О взаимосвязи категории «культура» и основных понятий в сфере правового регулирования культурной деятельности с отдельными институтами гражданского права…….7
Жуков Ф.Ф.
Государственный контракт: на пути к диспозитивности…….15
Сапронова Т.П.
Защита прав потребителей в современных условиях……...21
Фиошин А.В.
К вопросу об «интересе ребенка»…….…..26

Актуальные вопросы публичного права

Алешукина С.А.
Культура как фактор консолидации мирового сообщества…….33
Антонова Н.А.
Вариативность форм осуществления как принцип организации местного самоуправления……40
Бауэр В.П., Сухарев А.Н., Чайкина Е.В.
О необходимости согласования решений в системе государственного управления…….47
Захаров Г.Н., Туманова Л.В.
Церковный суд как корпоративное правосудие……....55
Козлова М.В.
Влияние «личностного элемента» на реализацию исключительных прав на произведения……63
Субботин Ю.Б.
Субъективность интерпретации составных товаров во внешнеэкономической деятельности……..……..69
Яковлева Н.Г.
К вопросу об особенностях назначения и производства экспертизы культурных ценностей в уголовном процессе……...73

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Афтахова А.В.
Субъекты защиты прав и законных интересов группы лиц: вопросы терминологии……79
Безверхов А.Г., Никищенкова М.А.
О структуре охранительных норм права……86
Васильчук Ю.В., Жукова О.В.
О некоторых вопросах судебной защиты права на предоставление земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей……..…94

Вобликов А.Б.
Направления актуализации уголовного законодательства о преступлениях в сфере таможенного дела……..……..100
Дронова Ю.А., Огаркова Н.О.
Проблемы соответствия целеполагания и практики применения нормы Уголовного кодекса Российской Федерации об изменении судом категории преступления на менее тяжкую (анализ с использованием статистических данных)…….105
Тарусина Н.Н.
Субъективные заметки о юридических терминах……...…...115

Вопросы истории государства и права

Любовенко Е.С.
Следственный судья: истоки и перспективы внедрения правового института в систему законодательства Российской Федерации……123
Смирнов С.Н.
Система образования России во второй половине XIX века: между прошлым и будущим……..130

Трибуна молодого ученого

Пономарев Д.А.
Член семьи как участник семейного предприятия: к вопросу о составе участников семейного бизнеса……..136
Хохлова Е.В.
Социальная обусловленность уголовной ответственности за преступления, связанные с персональными данными……141

CONTENT

Topical issues of private law

Bartkova O.
About relationships of the category "culture" and basic concepts in the sphere legal regulation of cultural activities with separate civil law institutions……7
Zhukov F.
Public contract: on the way to dispositivity……15
Sapronova T.
Protection of consumer rights in modern conditions…….....21
Fioshin A.
On the question of the «child's interest»…….26

Topical issues of public law

Aleshukina S.
Culture as a factor of consolidation of the world community……..…..33
Antonova N.
Variability of forms of implementation as a principle of the organization of local self-government…….40
Bauer V., Sukharev A., Chaikina E.
On the need to coordinate decisions in the public administration system…..47
Zakharov G., Tumanova L.
Church court as corporate justice……...55
Kozlova M.
The impact of the "personal element" on the realization of exclusive rights to works……..63
Subbotin Y.
Subjectiveness of interpretation of composite goods in foreign economic activities……..69
Yakovleva N.
To the question of the features of the appointment and the examination of cultural values in the criminal process……...73

Topical issues of science and law enforcement practice

Aftakhova A.
Subjects of protection of the rights and legal interests of a group of persons: issues of terminology……..79
Bezverkhov A., Nikischenkova M.
On the structure of protective norms of law……...…86
Vasilchuk Yu., Zhukova O.
About some issues of judicial protection of law for the provision of land plots for citizens with three or more children……..94

Voblikov A.
Directions of updating the criminal legislation on crimes in the field of customs affairs……..…100
Dronova Yu., Ogarkova N.
Problems of compliance with goal-setting and the practice of application of the norms of the Criminal code of the Russian Federation on change of the category of crime to a less severe by the court (analysis using statistical data)……..105
Tarusina N.
Subjective notes on legal terms……....115

Issues of state history and law

Lyubovenko E.
Investigative judge: origins and prospects of implementation into the legislative system of the Russian Federation……123
Smirnov S.
The education system of Russia in the second half of the 19th century: between the past and the future……130

Tribune of young scientist

Ponomarev D.
The family member as a participant in a family business: the problem of determining the list of participants in a family business……..136
Khokhlova E.
Social responsibility for personal data offences……...…141

Актуальные вопросы частного права

УДК 304.4 : 347.1
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.007

О ВЗАИМОСВЯЗИ КАТЕГОРИИ «КУЛЬТУРА» И ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ОТДЕЛЬНЫМИ ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА[1]

О.Г. Барткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Выявлена и доказана связь основных институтов гражданского права с законодательством РФ о культуре. Выражена позиция об отрицательном отношении в акцентировании внимания в правовой науке в понимании содержания «культурные ценности» прежде всего как материальных благ. Сформулированы предложения о внесении изменений в законодательство РФ о культуре для установления более тесных и глубоких, системно-зависимых связей с институтами гражданского права с целью более эффективного правового регулирования и защиты культурных ценностей.

Ключевые слова: *культура, культурные ценности, культурные блага, культурное наследие, объекты гражданских прав, юридические лица, права и свободы человека в области культуры, нематериальные блага, творческая деятельность, интеллектуальная собственность, гражданско-правовой режим, гражданско-правовая охрана.*

Изменение внешнеполитических условий, в которых существует и развивается в настоящее время Россия, и принципов взаимоотношений между большинством современных государств потребовало формирования нового взгляда на понимание такого явления, как культура и, соответственно, культурные ценности. Ни в одном из российских федеральных законов дефиниция категории «культура» не закреплена. Вопрос о том, следует ли устранить этот пробел, носит дискуссионный характер, т. к. понятию «культура» присущ многоаспектный характер, она имеет такую же длительную историю существования, как и человечество, является изменяющейся, зависимой от множества внешних и внутренних объективных и субъективных факторов категорией. Культура как явление исследовалось и исследуется представителями философии, культурологии, социологии, права, искусства и других сфер знаний.

[1] Данная работа выполнена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.05.2019).

© Барткова О.Г., 2022

В связи с этим особое значение для понимания места культуры в системе права приобретают акты публичного права. Они имеют самое прямое влияние на формирование сущностных концептуальных положений о культуре в России и о культурных ценностях, а также о механизме их защиты в случаях нарушения. Во-первых, это положения Конституции РФ с учетом изменений, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ. Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством (ч. 4 ст. 68 Конституции РФ). Во-вторых, это Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400, где защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей посвящен целый раздел (п. 84–93). И в-третьих, в Основах государственной культурной политики, утвержденной Указом Президента РФ 24.12.2014 г. № 808, культура в аспекте поставленных целей и стратегических задач определяется как совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.) (абз. 2, раздел «Общие положения»).

Какова ситуация с исследуемой категорией в специальных федеральных законах, относящихся к законодательству РФ о культуре? И в связи с поставленными автором задачами, какую роль в этом правовом механизме занимает гражданское законодательство РФ и, в частности, Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ).

В ст. 3 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1; далее – Основы о культуре) закреплены основные понятия, используемые в этом законе. Даже исходя из обозначающих их терминов и доктринальных знаний об отрасли гражданского права, они, безусловно, имеют связь с этой отраслью и ее институтами: культурная деятельность, культурные ценности, культурные блага, творческая деятельность, творческий работник, достоинство культур народов и национальных групп, культурное наследие народов РФ, культурное достояние народов РФ.

Содержит ли ГК РФ нормы, которые относятся к этим понятиям, в частности, к ключевым из них – культура и культурные ценности? Ответим на этот вопрос, используя несколько способов исследования. Нами был произведен поиск по тексту всех частей этого кодифицированного акта с использованием слов «культура» и «ценности». Слово «культура» в качестве самостоятельного не используется. Но чаще всего встречаются словосочетания «культурные ценности», а также «организации культуры», «культурные цели», «объекты культурного наследия». В первой части ГК РФ пять таких

упоминаний. Во-первых, в ст. 1, где закреплен один из основополагающих принципов (одно из основных начал гражданского законодательства РФ) касательно недопустимости ограничения перемещения товаров и услуг за исключением оснований, предусмотренных федеральными законами, в частности, если это необходимо для обеспечения охраны культурных ценностей.

Второй фрагмент связан с особым видом движимого имущества, обнаруженного в качестве клада, которое может относиться к культурным ценностям. Для таких случаев установлен особый, специальный порядок возникновения права собственности исключительно у Российской Федерации или субъекта РФ, но не у частного лица (п. 2. ст. 233 ГК РФ).

Два следующих фрагмента в первой части ГК РФ относятся к особому принудительному основанию прекращения права собственности на бесхозяйственно содержимые культурные ценности путем их выкупа (пп. 4 ст. 235, ст. 240).

И наконец, в ст. 349 ГК РФ содержится специальный порядок обращения взыскания на заложенное имущество: обязательность судебной процедуры, если имущество имеет культурную ценность для общества.

Во второй и третьей частях ГК РФ термин «культурные ценности» не используется, а в части четвертой – только один раз. Упоминается он вместе с такими категориями культурных ценностей, как особо ценные объекты культурного наследия народов РФ, объекты всемирного культурного или природного наследия, обозначения которых не могут быть использованы в качестве товарных знаков без согласия собственников таких объектов или уполномоченных собственниками лиц (п. 4 ст. 1483 ГК РФ).

Уже эти приведенные примеры позволяют утверждать, что культурные ценности, во-первых, являются объектами гражданских прав, и, во-вторых, имеют особый гражданско-правовой режим. Но такое обоснование, безусловно, недостаточно. Даже без прямого тождества (совпадения) термина «культурные ценности» с формулировками в тексте ГК РФ для цивилистов очевидно, что значительная часть норм, помещенных в Раздел VII кодекса и относящихся к подотрасли права интеллектуальной собственности, – это нормы, имеющие самую непосредственную связь с исследуемым понятием, т. к. определенные объекты интеллектуальных прав могут обладать признаками культурной ценности. Мы имеем в виду произведения науки, литературы и искусства; исполнения, фонограммы, научные произведения. Такой вывод позволяет нам сделать сопоставление юридически значимых признаков перечисленных объектов и признаков культурных ценностей как прямо закрепленных в международных актах, законодательстве РФ, так и установленных в специальных научных юридических

исследованиях, в том числе в тех, где такие признаки исследуются в аспекте корреляционных связей с философией, историей, культурологией и пр. В этом вопросе, безусловно, значимыми являются труды таких ученых, как д-р юрид. наук, проф. М.М. Богуславский, д-р юрид. наук, проф. А.П. Сергеев, д-р юрид. наук Л.Р. Клебанов, д-р филол. наук, проф., академик Д.С. Лихачев и др.

Следует отметить, что в цивилистической науке нет исследований, посвященных таким нематериальным видам культурных ценностей, как нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы. Вероятно, это связано с тем, что носителями прав на такие ценности рассматриваются, прежде всего, государство, народ, общество, различные социальные сообщества, но не отдельные физические лица, с чем автор не согласен. Знаменательно, что в ст. 3 Основ о культуре эти объекты поставлены на первое место среди прочих культурных ценностей.

Такого рода ценности относятся к формированию личности человека, а значит его частной жизни, влияют на его индивидуализацию и в целом наполняют содержанием целый комплекс принадлежащих ему нематериальных благ (свобод). Реализация потребностей, с которыми имеют связь эти нематериальные блага, происходит, в числе прочего, через участие в личных неимущественных отношениях (п. 1 ст. 2 ГК РФ), а в случаях посягательства на эти блага – путем применения мер гражданско-правовой защиты. Автор полагает, что многие гражданско-правовые споры, связанные с нарушением нематериальных благ, о которых идет речь в ст. 150 ГК РФ, это также споры, направленные на восстановление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, указанных выше культурных ценностей. К ним могут быть отнесены споры о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью; защите чести, достоинства, деловой репутации; собственного доброго имени или доброго имени умерших близких. Связь с этими культурными ценностями можно обнаружить и при совершении сделок – как требование закона к их действительности (например, ст. 169 ГК РФ), а также при выборе вида сделки (например, пожертвование).

В Основах о культуре нет ни одного упоминания о применении гражданско-правовых норм, что, впрочем, не может указывать на отсутствие взаимосвязи и взаимодействия этого закона с ГК РФ и гражданским законодательством РФ в целом. Прилагательное «гражданский» используется в тексте Основ о культуре чаще всего для указания на права граждан в сфере культурной деятельности, которые конкретизируются в разделе «Права и свободы человека в области культуры». Закон относит к ним: право каждого человека на культурную деятельность, право на творчество, личную культурную самобытность, приобщение к культурным ценностям, эстетическое воспитание и

художественное образование, право создавать организации, учреждения и предприятия, общественные объединения в области культуры. Большинство из них являются правами неимущественного характера (свободами), а если перенести это в плоскость цивилистического понятийного аппарата, то их следует рассматривать в качестве нематериальных благ. Опираясь на п. 2 ст. 2 и ст. 150 ГК РФ, можно утверждать, что нарушение таких прав является основанием использования не только публично-правовых механизмов защиты, но и гражданско-правовых средств защиты, в частности, положений ст. 11–16.1, 150–152.2 ГК РФ.

Наделение каждого физического лицами указанными права в области культуры и их осуществление способствуют наполнению содержанием права на частную жизнь, которое не является явлением постоянным и заключающимся только в информационном элементе, характеризующим личность. Кроме того, осуществление названных личных неимущественных прав происходит, в том числе, посредством вступления в личные неимущественные отношения (впрочем, имущественные также не исключаются). Так, в случае создания охраняемого законом результата интеллектуальной деятельности, например литературного произведения, автор совершает прежде всего фактические действия, необходимые для возникновения права авторства, права на авторское имя, неприкосновенность своего произведения, действия по охране таких прав. Он же совершает и юридические действия, в том числе сделки, связанные с распоряжением своим исключительным правом на произведение.

Подтверждением использования института гражданско-правового договора является содержание ч. 4 ст. 52.1 Основ о культуре, из которой следует, что приобретение билетов, абонементов и экскурсионных путевок на проводимые организациями культуры, исполнительских искусств и музеями зрелищные мероприятия осуществляется гражданами на основании гражданско-правовых договоров, заключенных с организациями исполнительских искусств, музеями и иными подобными организациями и уполномоченными ими лицами. Такие договоры, исходя из их предмета, являются договорами возмездного оказания услуг, где гражданин, приобретающий билет (абонемент, путевку и т. п.), должен рассматриваться как потребитель с соответствующими правами, предусмотренными Законом о защите прав потребителей. В системе этих отношений может использоваться также договор поручения (гл. 29 ГК РФ), институты перемены лиц в обязательстве, о чем свидетельствуют положения Основ о культуре.

В ст. 14 Основах о культуре закреплено право собственности человека в области культуры. Объектами его могут быть имеющие историко-культурное значение предметы, коллекции и собрания, здания и сооружения, организации, учреждения, предприятия и иные объекты.

Регулирование порядка приобретения, владения, пользования и распоряжения такими объектами права собственности в области культуры регламентируется законодательством Российской Федерации (ч. 2 ст. 14). Можно утверждать, что речь идет и о гражданском законодательстве РФ, подразумевая его предмет правового регулирования. Право вывозить за границу результаты своей творческой деятельности (ст. 17 Основ о культуре) также реализуется, в частности, с использованием институтов авторского права и права собственности.

Несмотря то, что в ст. 14 Основ о культуре речь идет о праве собственности человека, положения из других разделов (ст. 25, 37, 39, 40) позволяют сделать вывод, что таким правом могут обладать и иные субъекты, которыми в гражданском обороте являются юридические лица и публично-правовые образования. Последняя категория занимает особое место в том смысле, что определенные культурные ценности могут находиться только в публичной собственности. Это обстоятельство указывает на связь со ст. 129 ГК РФ. Так, исключительно федеральной собственностью признаются объекты историко-культурного и природного наследия и художественные ценности, учреждения культуры общероссийского значения, расположенные на территории Российской Федерации (п. 3 Приложения № 1 к Постановлению ВС РФ от 27.12.1991 г. № 3020-1); национальные библиотеки; особо ценные объекты культурного наследия народов РФ, внесенные в специальный Государственный свод. Ранее в тексте Основ о культуре присутствовала ст. 43 «Собственность в области культуры», которая была отменена Федеральным законом от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ. Других норм взамен утратившей силу не было предложено, что можно считать абсолютно неоправданным.

Таким образом, категория «культура», понятие «культурные ценности» и иные, производные от них в сфере правового регулирования культурной деятельности, имеют наиболее тесную связь со следующими положениями (нормами) гражданского права:

– принципами (основными началами гражданского законодательства РФ);

– закрепляющими круг объектов гражданских прав (в частности, со ст. 128–131, 150, 1225 ГК РФ и др.);

– регулирующими: имущественные (вещные) отношения по поводу владения, пользования и распоряжения культурными ценностями как особым видом имущества; обязательственные отношения – в связи с заключением различных сделок, гражданско-правовых договоров, например аренды, безвозмездного пользования определенными культурными ценностями, договоров на выполнение ремонтных, реставрационных работ и иных, направленных на сохранение, создание, распространение культурных ценностей, реализацию прав человека в

области культуры; внедоговорные обязательства, возникающие в связи с фактом причинения вреда культурным ценностям как имуществу или нематериальным благам, которые имеют качества культурной ценности;

– относящимися к юридическим лицам, которые закрепляют организационно-правовые формы, используемые при создании организаций культуры, а также регулируют их деятельность как субъектов гражданского права;

– обеспечивающими закрепление, регулирование и охрану интеллектуальных прав в отношении результатов интеллектуальной деятельности, которые относятся к культурным ценностям.

Анализ действующей редакции Основ о культуре в сопоставлении с новыми публично-правовым актами, принятыми в последние три года, дает основания утверждать о давно назревшей необходимости внесения в этот базовый закон существенных изменений, начиная с Преамбулы. Важным является и закрепление общего порядка, принципов отнесения ценностей к культурным.

Для установления более тесных и глубоких, системно-зависимых связей с институтами гражданского права с целью более эффективного правового регулирования в Основах о культуре необходимо:

1. Предусмотреть основополагающие базовые положения о регулировании отношений собственности на культурные ценности по аналогии с Законом об объектах культурного наследия.

2. Закрепить за гражданином – стороной гражданско-правового договора об оказании услуг для удовлетворения его культурных потребностей – статус потребителя в соответствии с законами о защите прав потребителей.

3. Сформулировать отдельную совокупность систематизированных правовых норм, относящихся к нематериальным культурным ценностям, а также к их защите, не ограничиваясь только указанием на них в составе культурных ценностей.

Об авторе:

БАРТКОВА Ольга Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

ABOUT RELATIONSHIPS OF THE CATEGORY «CULTURE» AND BASIC CONCEPTS IN THE SPHERE LEGAL REGULATION OF CULTURAL ACTIVITIES WITH SEPARATE CIVIL LAW INSTITUTIONS

O.G. Bartkova

Tver State University, Tver

The connection between the main institutions of civil law and the legislation of the Russian Federation on culture has been revealed and proved. A position is expressed about a negative attitude in focusing attention in legal science in understanding the content of "cultural values" primarily as material goods. Proposals have been formulated to amend the legislation of the Russian Federation on culture in order to establish closer and deeper, system-dependent ties with civil law institutions in order to more effectively legally regulate and protect cultural values.

Keywords: *culture, cultural values, cultural goods, cultural heritage, objects of civil rights, legal entities, human rights and freedoms in the field of culture, intangible goods, creative activity, intellectual property, civil law regime, civil law protection.*

About author:

BARTKOVA Olga – PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

Барткова О.Г. О взаимосвязи категории «культура» и основных понятий в сфере правового регулирования культурной деятельности с отдельными институтами гражданского права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 7–14.

УДК 347.44
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.015

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРАКТ: НА ПУТИ К ДИСПОЗИТИВНОСТИ

Ф.Ф. Жуков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируются последние изменения, внесенные в Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и подзаконные акты, выявляется их сущность. Высказывается мнение о постепенном переходе отношений, связанных с исполнением, изменением и расторжением государственного контракта, от императивных методов к диспозитивным.

Ключевые слова: *контрактная система, государственные нужды, государственный заказ, государственный контракт, диспозитивность.*

Поводом к написанию настоящей статьи стала повышенная активность законодателя по внесению в течение 2022 г. в Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон 44-ФЗ) [2] многочисленных изменений. Так, с 01.01.2022 г. Закон 44-ФЗ пережил уже 8 редакций, а с 01.01, 01.04, 01.07.2023 последовательно вступят в силу ещё 3 редакции. Больше – 11 редакций – было только в период первой волны пандемии COVID-19. Но не исключено, что в течение 2022 г. в Закон 44-ФЗ внесут и другие изменения.

Причины активности законодателя как в 2020 г., так и в течение 2022 г. очевидны: необходимость стабилизации и поддержания хозяйственного оборота и удовлетворения публичных интересов в новых экономических условиях. При этом мы не учитываем принятые в целях реализации этой политики подзаконные акты, например, Постановления Правительства России от 27.01.2022 г. № 60 «О мерах по информационному обеспечению контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд…» [3], от 21.03.2022 г. № 417 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [4], и другие.

Мы не ставим своей целью приводить их все, приведём в качестве примеров некоторые из них, чтобы показать значительность изменений: в сфере информационного обеспечения закупочной деятельности – изменены правила формирования и размещения документов в единой

© Жуков Ф.Ф., 2022

информационной системе в сфере закупок (далее – ЕИС), правила регистрации участников в ЕИС; в определении способов закупок отдельных видов товаров – уточнены возможные способы закупки, в том числе расширены случаи закупок у единственного поставщика; по расчётам с государственными заказчиками – упрощены правила сопровождения расчётов, увеличен срок оплаты до 7 дней, появилась обязанность списывать неустойки в ряде случаев и т. д.

Но самое главное (и позитивное) для цивилистов – государственный контракт, пусть и в ряде случаев только в течение определённого срока, стал более «гибким». Можно (допустимо) вносить изменения в условия государственных контрактов (далее – госконтракты):

– любые существенные условия госконтрактов – на основании решения правительства, высшего исполнительного органа региона или местной администрации (ч. 65.1 ст. 112 Закона 44-ФЗ в ред. Федерального закона от 08.03.2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») или госконтрактов на ремонт или содержание автодорог федерального значения [5];

– цены госконтрактов на строительство (п. 3 Постановления Правительства России от 28.07.2022 г. № 1344 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [7]) по соглашению сторон госконтракта;

– объёмы поставок товаров медицинского назначения в пределах 30 % госконтрактов (ч. 65.2 ст. 112 Закона 44-ФЗ в ред. Федерального закона от 28.06.2022 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») по соглашению сторон госконтракта.

Помимо этого, государственный заказчик теперь вправе:

– отклоняться от предельных цен в рамках нормирования госзакупок (т. е. закупать товары, работы, услуги по реальным ценам) [6];

– не требовать от исполнителя по госконтракту обеспечения исполнения обязательств, если по госконтракту не предусмотрено авансирование (п. 64.1 ст. 111.4 Закона 44-ФЗ в ред. Федерального закона от 16.04.2022 г. № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Когда в 2013 г. вступил в силу Закон № 44-ФЗ и утратил силу Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», разработчики Закона 44-ФЗ декларировали создание чёткой, понятной и прозрачной системы государственных и муниципальных закупок, направленной на максимальную экономию бюджетных средств при получении товаров, работ, услуг надлежащего качества.

Увы, само же государство в лице Счётной палаты России констатировало, что действующая система государственных закупок неэффективна [11]. С одной стороны, она является сложной и в значительной степени бюрократизированной, а с другой – обилие многочисленных процедур и требований вовсе не гарантирует качество поставляемых товаров, работ, услуг [12, с. 39].

Помимо указанных Счётной палатой причин, носящих в значительной степени экономический и управленческий характер, которые сам же Закон № 44-ФЗ и породил (например, нормирование, создание дополнительного административно-управленческого аппарата, излишняя сложность закупочных процедур, и т. д.), по нашему мнению, есть ещё одна, немаловажная, – концепция государственных закупок, которая ещё в первой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК) [1] направлена на отграничение поставок для государственных нужд от прочих гражданско-правовых договоров, и далее регулирование отношений в сфере государственных закупок шло по пути обособления от регулирования по общим правилам ГК, что позволило автору статьи ещё в 2010 г. прийти к выводу о том, что государственный контракт, несмотря на кажущуюся на первый взгляд гражданско-правовую природу, де-юре и де-факто является правовым актом [9, с. 9].

Во-первых, предшествующая заключению госконтракта процедура (даже в случае закупки у единственного поставщика/исполнителя) является сложной, вне зависимости от способа закупки.

Во-вторых, была создана «зарегулированность»: принцип свободы договора по отношению к госконтракту применяется только в части положений контракта, прямо не урегулированных законодательством о государственных закупках [10, с. 162], т. е. заказчик ограничен в выборе условий.

В-третьих, законодательство о государственных закупках создало сложности изменения и прекращения государственного контракта (см., например, ст. 95 Закона № 44-ФЗ).

Если сопоставить указанное с результатами оценки эффективности госзакупок, то получается, что у государства не получилось нормами публичного права добиться тех целей, которые оно преследовало, когда вводило в действие Закон № 44-ФЗ.

Безусловно, к договорным отношениям между частными лицами и закупкам для публичных нужд нельзя подходить одинаково. Но тот факт, что в новых экономических условиях помимо мер публичного характера законодатель обратился к частному праву, уже вызывает интерес.

Если раньше госконтракт представлял собой некую «константу», когда заказчик точно знает, на какую сумму он может сделать закупку, то постепенно он становился всё более «гибким», что, по словам респондентов автора, было очень позитивно воспринято участниками

гражданского оборота, особенно в тех отраслях, которые наиболее восприимчивы к изменениям рыночных условий. Особенно это заметно в отношениях строительного подряда для государственных и муниципальных нужд, когда рост цен на строительные материалы сделал работу по уже действующим госконтрактам убыточной [8]. Если меры по либерализации окажутся эффективными, почему бы не пойти по пути развития диспозитивности и реализации воли сторон госконтракта?

Полагаем, пока можно было бы ограничиться тем, что, во-первых, уже введённые меры сделать бессрочными.

Во-вторых, в дальнейшем оставить в сфере регулирования Закона 44-ФЗ только административные процедуры. Все отношения, связанные с исполнением, изменением и прекращением госконтрактов, за исключением финансовых (в т. ч. в части начисления неустоек), отдать под регулирование ГК и других специальных законов (например, в части строительства все отношения можно успешно регулировать с помощью Градостроительного кодекса Российской Федерации и подзаконных актов). Разумеется, это не касается отношений, связанных с государственным оборонным заказом, специфика которого предполагает принципиально иное специфическое регулирование.

В-третьих, разрешить по соглашению сторон изменять существенные условия госконтрактов.

Разумеется, можно возразить, что подобные изменения полезны только для исполнителей и государственные интересы окажутся ущемлёнными. Но будет интересно сравнить эффект от административных мер и от мер по либерализации госконтрактов. Если вторые принесут больше пользы, то нет никаких препятствий системно продолжить работу в этом направлении.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс».

2. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «Консультант Плюс».

3. Федеральный закон от 08.03.2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

4. Постановление Правительства России от 27.01.2022 г. № 60 «О мерах по информационному обеспечению контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, по организации в ней документооборота, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

5. Постановление Правительства России от 21.03.2022 г. № 417 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СПС «Консультант Плюс».

6. Постановление Правительства России от 28.06.2022 г. № 1148 «Об изменении существенных условий государственных контрактов, предметом которых являются ремонт и (или) содержание автомобильных дорог общего пользования федерального значения, и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 09.08.2022» // СПС «Консультант Плюс».

7. Постановление Правительства России от 09.06.2022 г. № 1051 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 20.10.2014 г. № 1084» // СПС «Консультант Плюс».

8. Постановление Правительства России от 28.07.2022 г. № 1344 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

9. Госконтрактам добавили свободы [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5504498 (дата обращения: 18.08.2022).

10. Жуков Ф.Ф. Актуальные проблемы гражданских правоотношений, связанных с поставкой научно-технической продукции для федеральных государственных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 205 с.

11. Кондрат Е.Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. М.: Юстицинформ, 2014. 928 с.

12. Не хватает конкуренции: почему не удается эффективно экономить на госзакупках [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/business/2021/07/07/13709636.shtml?updated (дата обращения: 18.08.2022).

13. Регламентированные закупки в России: как повысить стимулирующую роль расходов бюджетов и регулируемых компаний / отв. ред. С.Б. Авдашева [Электронный ресурс]. URL: // https://icef.hse.ru/data/2020/04/22/1559948012/Регламентированные%20закупки%20v.1304_footnotes%20(1).pdf (дата обращения: 18.08.2022).

Об авторе:

ЖУКОВ Федор Федорович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6959-2925; e-mail: fzhukov@yandex.ru

PUBLIC CONTRACT: ON THE WAY TO DISPOSITIVITY

F.F. Zhukov

Tver State University, Tver

The latest changes made to the Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" and by-laws are analyzed, their essence is revealed. An opinion is expressed about the gradual transition of relations related to the execution, modification and termination of the state contract, from imperative methods to dispositive ones.

Keywords: *contract system, state needs, state order, state contract, dispositivity.*

About author:

ZHUKOV Fedor – PhD in Law, assistant professor at the department of civil law at Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 6959-2925; e-mail: fzhukov@yandex.ru

Жуков Ф.Ф. Государственный контракт: на пути к диспозитивности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 15–20.

УДК 366.543
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.021

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Т.П. Сапронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются вопросы дополнительного правового регулирования отношений, возникающих между продавцом и покупателем по товарам, ввозимым в Российскую Федерацию в рамках параллельного импорта, анализируется ответственность продавца за продажу товара ненадлежащего качества, предлагаются изменения в действующий закон «О защите прав потребителей» в части расширения понятия «продавец», а также увеличения срока предъявления потребителем требований в отношении недостатков товара.

***Ключевые слова**: права потребителей, продавец, параллельный импорт, контрафакт, ретейлеры, гарантийный срок, онлайн-платформы, владелец агрегатора, поставщик, постановление правительства, Конституционный Суд Российской Федерации, ответственность.*

В рамках рабочей программы по дисциплине «Правоведение» со студентами неюридических специальностей изучается Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – ФЗ № 2300-1) [1].

Нет необходимости лишний раз говорить о важности этого закона, поскольку именно он позволяет нам как потребителям, а это фактически каждый гражданин страны, защищать свои права в сфере выполнения работ и оказания услуг, в том числе в суде, получая материальное и моральное возмещение в случае приобретения нами товара ненадлежащего качества.

Представляется, что с учетом происходящих в мире событий, напрямую касающихся нашей страны, важность этого закона на ближайшие 10–15 лет возрастет для россиян многократно. Связано это, в первую очередь, с тем обстоятельством, что немалая часть импортных товаров, к которым мы, безусловно, привыкли, ввозится в страну исключительно в рамках так называемого «параллельного импорта». Нельзя сказать, что данное выражение является чем-то новым для России и появилось в законодательном поле страны исключительно только после введения в отношении Российской Федерации санкций со стороны европейского сообщества в 2022 г.

Следует отметить, что еще в 2018 г. Конституционный Суд Российской Федерации [4] признал незаконным изъятие и уничтожение оригинальных товаров надлежащего качества в случае следования их правообладателей режиму санкций против России. По мнению суда,

© Сапронова Т.П., 2022

такое поведение правообладателей должно рассматриваться как недобросовестное. Иными словами, высшая судебная инстанция страны признала нелигитимным любой запрет правообладателя на ввоз в Российскую Федерацию продукции, использующей его товарный знак, автоматически приостановив в отношении такой продукции и действие отдельных статей Гражданского Кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также ответственность за их нарушение.

С учетом указанной инициативы в марте–мае 2022 г. Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации принят ряд важных экономический решений, в соответствии с которыми и стал возможен ввоз в страну оригинальных иностранных товаров без согласия правообладателей.

Так, в соответствии с постановлением правительства [3] в рамках параллельного импорта в страну ввозится не менее 50 категорий товаров, среди которых автомобили, электронная техника, обувь, одежда, косметика и др. При этом в постановлении особо уточняется, что ввозимая в рамках указанной процедуры продукция должна быть действительно оригиналом, а не контрафактом, должна проходить соответствующие таможенные и контрольные процедуры и подлежать гарантийному обслуживанию. Последнее уточнение является важным, поскольку, по оценкам экспертов, параллельный импорт в России повысит риски ввоза в страну контрафактной продукции в 400 раз [6]. Справятся ли с таким большим количеством вызовов на пути параллельного импорта сами импортеры и продавцы, и как быстро, покажет время.

Для нас же, простых потребителей, во всем этом неизмененным должно оставаться не только право на приобретение оригинальной и качественной продукции, но и право на ее гарантийный ремонт, обслуживание, а также право на беспрепятственное и полное возмещение затрат, в том числе в судебном порядке, в случае приобретения товара ненадлежащего качества.

Мне могут возразить, что действующими на сегодняшний день законодательными актами, и в первую очередь «Законом о защите прав потребителей», уже определены механизмы реализации прав, направленные на урегулирование отношений, возникающих между потребителем и субъектом предпринимательской деятельности. Однако, на мой взгляд, они подлежат определенной корректировке, в том числе и с учетом не совсем стандартной процедуры ввоза в Россию импортной продукции.

О том, что сделать это необходимо как можно скорее, свидетельствует следующий факт. Так, по сообщениям в прессе, ретейлеры, входящие в Ассоциацию компаний интернет-торговли, договорились о гарантийном сроке на бытовую технику, ввезенную ими

в Россию по параллельному импорту, который составит один год [5]. При этом отмечается, что для обеспечения покупателям права на гарантийное обслуживание компании, среди которых «М.Видео», «Эльдорадо», «OZON», «DNS» и другие, создадут запасы товаров на случай их замены, договорятся о проведении ремонта с сервисными центрами, в которых ранее обслуживались поставщики, ушедшие с рынка Российской Федерации в феврале–марте 2022 г.

Иными словами, вопрос окончательно не решен, реальных договоров с сервисными центрами не подписано, и как быстро удастся решить все эти вопросы – неизвестно. А если принять во внимание еще и проблемы логистики, существующие на сегодняшний день, а также никем не отмененные риски по доставке в страну товаров из категории параллельного импорта, то срок гарантийного обслуживания, предлагаемый ретейлерами, выглядит по меньшей мере смешно и неправдоподобно.

Также возникают опросы и по поводу ответственности за продажу контрафактной продукции импортерами-маркетплейсами (владельцами агрегаторов). Согласно постановлению правительства [2], онлайн-площадки, на которых будет осуществляться продажа товаров в Российской Федерации, обязаны с 01.03.2023 г. маркировать товар, который они продают. Таким образом правительство рассчитывает сделать невозможным реализацию через онлайн-платформы немаркированных товаров неизвестного происхождения, т. е. контрафакта.

В то же время в силу абз. 3 п. 2.1 ст. 12 ФЗ № 2300-1 [1] владелец агрегатора несет ответственность лишь за предоставление недостоверной или неполной информации о товаре (услуге) или продавце (исполнителе), если на основании этой информации потребителем был заключен договор купли-продажи или возмездного оказания услуг. При этом владелец агрегатора освобождается от возмещения убытков потребителю, если будет доказано, что такого рода информация была неверно указана самим продавцом или исполнителем.

С учетом изложенного, предлагается расширить положения ФЗ № 2300-1 в части понятия «продавец», рассматривая в качестве такового не только исполнителя, изготовителя, уполномоченную организацию или уполномоченного индивидуального предпринимателя и импортера, но и поставщика и владельца агрегатора. Кроме того, в ст. 19 указанного закона закрепить право потребителя на предъявление требований к продавцу в отношении недостатков проданного ему товара из категории товаров параллельного импорта в течение трех лет с момента приобретения такого товара.

Список литературы

1. Федеральный закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 **(**в редакции от 14.07.2022 г.) «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 04.09.2022).

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.07.2022 г. № 1351 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2019 г. № 1956 и признании утратившими силу отдельных положений акта Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 04.09.2022).

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/403783328/ (дата обращения: 04.09.2022).

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.02.2018 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "ПАГ"» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/documents/2018/02/22/postanovlenie-ks-dok.html (дата обращения: 04.09.2022).

5. «Известия»: ритейлеры дадут год гарантии на ввезенную в Россию по параллельному импорту технику [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5469688 (дата обращения: 04.09.2022).

6. Эксперты оценили риски появления контрафактной техники в России Переход к неавторизованным поставщикам может повысить риск ввоза некачественной продукции в 400 раз [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/04/2022/6244aed39a79478b6159dc2f (дата обращения 04.09.2022).

Об авторе:

САПРОНОВА Тамара Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического права и обеспечение профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8184-3045, AuthorID: 1101269, e-mail: Sapronova.TP@tversu.ru

PROTECTION OF CONSUMER RIGHTS IN MODERN CONDITIONS

T.P. Sapronova

Tver State University, Tver

The article discusses the issues of additional legal regulation of relations arising between the seller and the buyer for goods imported into the Russian Federation as part of parallel imports, analyzes the seller's responsibility for the sale of goods of inadequate quality, proposes changes to the current law "On the Protection of Consumer Rights" in terms of expanding the concept "seller", as well as an increase in the period for the consumer to submit claims regarding product defects.

Keywords: *consumer rights, seller, parallel import, counterfeit, retailers, warranty period, online platforms, aggregator owner, supplier, government decree, Constitutional Court of the Russian Federation, liability.*

About author:

SAPRONOVA Tamara – PhD in Law, assistant professor of the department of environmental law and legal support of professional activity Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 8184-3045, AuthorID: 1101269, e-mail: Sapronova.TP@tversu.ru

Сапронова Т.П. Защита прав потребителей в современных условиях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 21–25.

УДК 347.63
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.026

К ВОПРОСУ ОБ «ИНТЕРЕСЕ РЕБЕНКА»

А.В. Фиошин

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Москва;
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», г. Москва

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов применения законодательной конструкции «интерес ребенка» как оценочного понятия.

Ключевые слова: *интерес ребенка, оценочное понятие, волеизъявление ребенка.*

В современном частном праве проблематика интересов ребенка имеет фундаментальное значение. Категория «интерес» в действующей редакции Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) упоминается 86 раз. Так, СК РФ содержит положения об интересах: «несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи» (п. 3 ст. 1 СК РФ), «других членов семьи и иных граждан» (п. 1 ст. 7 СК РФ), «детей» (п. 1 ст. 23 СК РФ), «одного из супругов» (п. 2 ст. 24 СК РФ), «третьих лиц» (п. 3 ст. 24 СК РФ), «несовершеннолетнего супруга» (п. 2 ст. 29 СК РФ), «несовершеннолетних детей», «семьи» (п. 2 ст. 39 СК РФ), «ребенка» (п. 2 ст. 54), «родителей» (п. 2 ст. 64 СК РФ), «совершеннолетнего недееспособного члена семьи» (ст. 102 СК РФ), «одной из сторон» (п. 1 ст. 83 СК РФ). При этом доминирующими по количественному употреблению являются «интересы ребенка» и «интересы детей» (55 упоминаний).

Интерес понятие многогранное. Основное значение этого слова: «внимание, проявляемое к кому-, чему-либо; преимущественная направленность мысли на какой-либо объект» [12, с. 928]. В контексте реализации положений СК РФ содержанием данного понятия будет: «то, что важно», «то, что имеет значение», «нужда», «потребность», «наибольшая польза» для ребенка [1, 2]. В этом смысле интерес ребенка является понятием оценочным, т. е. относительно-определенной законодательной конструкцией содержание которой выявляется с учетом конкретных жизненных ситуаций.

В зависимости от тех или иных обстоятельств жизни, исторического и социального контекста [9, 10], интерес ребенка может быть разным и выражаться по-разному. Более того, защита интереса ребенка может осуществляться как им самим, так и в случаях и порядке, предусмотренных законом, его родителями (лицами их замещающими), органом опеки и попечительства, прокурором и судом. Думается, что

 © Фиошин А.В., 2022

данный перечень лиц, при определенных обстоятельствах, можно расширить, включив в него нотариуса [5, с. 19].

Аксиоматичной представляется позиция, согласно которой: «Определение интересов ребенка отличается многовариантностью, которая обусловлена воздействием на процесс формирования интересов факторов объективного и субъективного характера. К объективным факторам относятся социально-экономические условия, в которых воспитывается ребенок, направления государственной политики в отношении воспитания детей и т. д. Субъективными факторами могут быть признаны взгляды родителей и иных лиц, воспитывающих ребенка, на цели, формы и средства воспитания, осознание самим ребенком своих интересов, возраст ребенка и т. д.» [3, с. 152].

Важно отметить, что гипотетически допустимы жизненные ситуации, анализ которых позволяет однозначно утверждать о несоответствии интересов ребенка его волеизъявлению. Более того, волеизъявление может и противоречить истинным интересам несовершеннолетнего. При рассмотрении судами дел о расторжении брака супругов, имеющих общего несовершеннолетнего ребенка, встречаются случаи, когда последний в той или иной форме выражает желание проживать после развода с тем из родителей, который ведёт объективно антисоциальный образ жизни. Каким интересам ребенка соответствует его мнение, выраженное суду? Насколько несовершеннолетний осознает, что данный родитель может создать условия для нормального физического, духовного, психического и нравственного развития? Вопросы представляются риторическими.

Субъектом, определяющим наилучшую перспективу разрешения семейно-правового конфликта с точки зрения обеспечения интересов ребенка, является суд. Именно суд, разрешая вопрос о месте жительства ребенка с одним из родителей, будет устанавливать все обстоятельства дела, руководствуясь исключительно целью обеспечения интересов ребенка.

Примечательно, что действующее законодательство не предполагает императивный характер оценки судом мнения ребенка, т. е. волеизъявление несовершеннолетнего судом лишь учитывается.

Так, едва ли суд определит место жительство ребенка с родителем, страдающим алкогольной зависимостью, состоящим на учете в наркологическом диспансере, не имеющим постоянного заработка и ведущего асоциальный образ жизни, даже если ребенок категорично выразил свое намерение жить вместе с этим родителем. При этом судья будет исходить из необходимости обеспечения интересов ребенка [14, с. 115]. Следует отметить, что в подобных ситуациях интерес ребенка защищается даже вопреки его желанию.

Судебная практика применительно к любым социально-экономическим условиям богата примерами разрешения между

родителями споров, связанных с воспитанием детей, но при этом каждый из родителей находится в формально равных условиях.

В подобных ситуациях на волеизъявление ребенка могут влиять различные обстоятельства, в том числе, социально-психологические особенности конфликтной ситуации в семье, установки родителей, степень вовлечения ребенка в родительский конфликт, индивидуально-психологические особенности самого ребенка (зависимость от мнения значимых взрослых), связанные с полом ребенка особенности его отношения к сложным жизненным ситуациям, каковой является высококонфликтный развод [6, 8, 15]. В связи с этим одним из способов установления обстоятельств является назначение по таким делам комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Полагаем, что теория интереса детей в семейном праве может быть расширена, поскольку интересы ребенка тесным образом связаны с исполнением им и определенных обязанностей в пределах семейных правоотношений. Как известно, СК РФ не содержит ни одной нормы, которая устанавливала бы обязанности детей, корреспондирующие родительским правам. Не исключено, что такой подход законодателя обусловлен структурно-содержательными особенностями понятия «родительские права», поскольку речь идет о не только субъективных правах, но и юридических обязанностях родителей.

Вместе с тем сам факт отсутствия у ребенка обязанностей в пределах семейно-правовых отношений создает предпосылки для размышлений о нарушении баланса в содержании понятия «интересы ребенка».

«Если в гражданско-правовой, трудовой, образовательной и процессуальных сферах, – отмечают Л.Б. Ситдикова, А.Л. Шиловская, – государство постепенно готовит несовершеннолетнего гражданина к грядущему с наступлением совершеннолетия объему обязанностей гражданина, то в семейно-правовой сфере обязанности обрушиваются на гражданина с достижением совершеннолетия просто-таки как снег на голову. Очевидно, что в день восемнадцатилетия у новоиспеченного взрослого не произойдет чудесным образом прозрение в сторону осознания ответственного поведения. Несомненно, что человека к этому надо готовить постепенно и с малолетства (хотя бы по аналогии с тем, как это сделано в гражданском и процессуальном законодательстве, – путем введения различных степеней дееспособности)» [11].

Как отмечает О.Ю. Ильина, и родители, и уполномоченные на то органы при рассмотрении семейно-правового спора, затрагивающего интересы ребенка, должны исходить из комплексного понимания данного понятия [4, с. 48]. Применительно к конкретной ситуации перспектива ее разрешения посредством использования формулы «наилучшие интересы ребенка» предполагает учет условий реализации семейных прав ребенка и сохранения семейно-правовых

связей с каждым из родителей, основанных, как минимум, на уважении старшего поколения.

В доктрине семейного права отмечается, что результатом воспитания детей вне сферы обязанностей и ответственности являются крайне негативные последствия. Это и разные девиации [13, с. 27], и злоупотребление правом [7, с. 28], и встречающееся криминальное поведение, и неумение создать и сохранить семью [11].

Целесообразным, в связи с этим видится формирование нового вектора в соответствующей правоприменительной практике, а именно включение в понятие «воспитание» формирование у ребенка правильного представления о взаимосвязи его прав и обязанностей в семье. В порядке научной дискуссии можно рассмотреть вопрос о внедрении в отечественную, семейно-правовую, законодательную материю норм об обязанностях несовершеннолетних. Думается, что появление этой новеллы[2] в какой-то мере может способствовать формированию в семье адекватных условий для воспитания ребенка.

Весьма распространенной является ситуация, когда выбор дополнительного образования (посещение ребенком различных кружков, секций и т. п.) определяется исключительно интересами родителей даже при внешне позитивном волеизъявлении несовершеннолетнего. Как подметила Т.В. Черниговская: «Можно родиться Моцартом, но никогда им не стать» [16]. Становление же личности ребенка – процесс, длительный во времени, сопряженный со значительными физическими и моральными усилиями как со стороны родителей и иных лиц, так и со стороны самого ребенка.

Соответствует ли всё это интересам ребенка при настойчиво-одностороннем родительском целеполагании? С одной стороны, только постоянные, упорные и систематические занятия (в любой сфере жизнедеятельности) дают результат. С другой – перманентное занятие тем или иным видом творческой и/или спортивной деятельности исключительно по настоянию родителей и при отсутствии желания у ребенка, безусловно, может крайне негативно сказаться на его психосоматическом состоянии.

Очевидно, что и в такой ситуации невозможно представить однозначный ответ как алгоритм разрешения. В то же время представляется, что при разрешении подобных вопросов волеизъявление ребенка должно быть в приоритете. Занятие определенным видом

[2] Хотя, как известно, всё новое это хорошо забытое старое. Статья 177 главы 2 раздела 2 книги 1 тома 10 Свода законов Российской Империи закрепляла положение, согласно которому: «дети должны были оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь; служить им на самом деле, отзываться об них с почтением, и сносить родительские увещания и исправления терпеливо и без ропота». Как писал Теренций: Nullum est jam dictum, quod non sit dictum prius (лат.) - Нет ничего сказанного, что не было бы сказано раньше.

деятельности вопреки желанию едва ли будет соответствовать интересам ребенка.

По нашему мнению, «интересы ребенка» как оценочное понятие при регулировании личных неимущественных отношений имеет гораздо более широкие пределы толкования, нежели в сфере имущественных отношений. И обосновано это, прежде всего, невозможностью четкой правовой регламентации отношений по воспитанию ребенка, что и демонстрирует законодатель в гл. 12 СК РФ «Права и обязанности родителей».

В завершении настоящей работы следует отметить, что законодательная конструкция «интересы ребёнка» представляет собой межотраслевое явление. Рассматриваемым понятием законодатель оперирует не только в СК РФ, но и в ст. 285.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, ст. 1167 ГК РФ, ст. 4 Федерального закона от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», ст. 333.36 Налогового кодекса РФ, ст. 5.35 Кодекса РФ об административных правонарушениях, ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ, ст. 63 Уголовного кодекса РФ, ст. 10 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 72 Жилищного кодекса РФ, ст. 55 ФЗ «Об исполнительном производстве», ст. 41 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» и ряде других нормативно-правовых актов.

Список литературы

1. Горбачевич К.С. Словарь синонимов русского языка: более 4000 синонимов: [толкование значений. Сочетаемость с другими словами. Особенности употребления синонимов]. М.: Эксмо, 2009. 601 с.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ; [науч. ред. Л.В. Беловинский]. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 573 с.

3. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. 192 с.

4. Ильина О.Ю. О сложносочиненном и многоподчиненном конфликте интересов в спорах о детях при расторжении брака // Защита прав и охраняемых законом интересов граждан: факультетские Научные чтения им. профессора Р.Е.Гукасяна. Выпуск II. Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2021. С. 48–55.

5. Ильина О.Ю. Учет мнения ребенка при нотариальном удостоверении соглашений, затрагивающих его интересы: аксиома или теорема? // Нотариус. 2019. № 3. С. 18–21.

6. Ильина О.Ю., Русаковская О.А., Туманова Л.В., Чубарова О.Е. Некоторые психолого-юридические вопросы обязательного учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при рассмотрении судами споров о его воспитании [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. DOI:10.17759/psylaw.2020100 (в печати).

7. Матвеева Н.А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 25–28.

8. Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К. Социально-психологические особенности высококонфликтных разводов, сопровождающихся судебным спором о порядке воспитания и месте жительства ребенка // Юридическая психология. 2011. № 3. С. 11–16.

9. Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Русаковская О.А. Зарубежная практика участия специалистов психологов и психиатров в судебных спорах о детях // Юридическая психология. 2009. № 1. С. 38–48.

10. Сафуанов Ф.С., Русаковская О.А. Категория воспитания в семейном праве:культурно-исторический анализ // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 6–15.

11. Ситдикова Л.Б., Шиловская А.Л. К вопросу об обязанностях несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. 2014. № 4. // СПС Консультант Плюс.

12. Словарь русского языка в четырех томах. Т. 1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957 г. 963 с.

13. Фиошин А.В. О правах ребенка до и после рождения // Нотариус. 2021. № 2. С. 24–28.

14. Фиошин А.В. Оценочные понятия наследственного и семейного права сквозь призму судейского усмотрения // Вестник Московской академии следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 2. С. 114–117.

15. Харитонова Н.К., Русаковская О.А. Клинико-психологическая оценка негативного отношения ребенкак отдельно проживающему родителю в судебных спорах о воспитании //Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 2(16) [Электронный ресурс]. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 15.09.2022).

16. Черниговская Т. «Можно родиться Моцартом, но никогда им не стать») [Электронный ресурс]. URL: https://fit4brain.com/11010 (дата обращения: 15.09.2022).

Об авторе:

ФИОШИН Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (117418, г. Москва, улица Новочеремушкинская, дом 69); профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» (125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12), SPIN-код: 3772-3137, e-mail: avfioshin@bk.ru

ON THE QUESTION OF THE «CHILD'S INTEREST»

A.V. Fioshin

Russian State University of Justice, Moscow;
Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow

The article is devoted to the consideration of some aspects of the application of the legislative construction «child's interest» as an evaluative concept.
Keywords: *child's interest, evaluative concept, will of the child.*

About author:

FIOSHIN Alexander – PhD in Law, assistant professor, Associate Professor of the Civil Law Department of the Russian State University of Justice; Professor of civil law disciplines Department of the «Moscow Academy of the Investigative committee of the Russian Federation», e-mail: avfioshin@bk.ru

Фиошин А.В. К вопросу об «интересе ребенка» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 26–32.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 342.7 : 304.4
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.033

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

С.А. Алешукина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Исследуются международные и национальные правовые акты, закрепляющие культурные права и свободы человека, отражается значение культуры для успешного развития социального государства, необходимость поддержания культурного диалога между странами для обеспечения мира и безопасности. Делается вывод о недопустимости дискриминации в вопросах реализации культурных прав по признаку расы, национальности и гражданской принадлежности, подверженности культуры политическим факторам, а также о необходимости придания культуре наднационального характера с целью сохранения многообразия культур и культурной идентичности народов.

Ключевые слова: *культурные права и свободы, дискриминация, культурное наследие, глобализация, иностранные граждане.*

Ежегодно с 2007 г. Президент РФ своим указом посвящает каждый календарный год определенной тематике с целью привлечения к ней всеобщего внимания. Результатом исполнения указов Президента РФ становится принятие календарных планов соответствующих событий как на федеральном, так и региональном уровнях. За более чем 10-летнюю практику такого внимания удостаивались вопросы семьи, молодежи, российской космонавтики, российской истории, культуры, литературы, кино, театра, памяти и славы, науки, культурного наследия народов России и др. Все это так или иначе касается культурного разнообразия, творческого потенциала страны, исторического наследия и культурной идентичности.

Культура и образование являются необходимыми параметрами успешного развития государства. Признав, закрепив и обеспечив реализацию гражданских и политических прав человека, государство и общество обращают свое внимание на социокультурную сферу. Не зря в концепции прав человека, предложенной чешским ученым Карелом Васаком, культурные права относятся ко второму поколению прав наравне с экономическими и социальными правами [9]. Данная группа прав сложилась как результат борьбы за улучшения условий жизни общества. В научной литературе данные права называют позитивными, отражая тем самым необходимость государственного содействия в их осуществлении и наличие комплекса правовых и экономических

© Алешукина С.А., 2022

гарантий реализации таких прав [5]. И Российская Федерация, являясь правовым и социальным государством, закрепила культурные права и свободы как на уровне Основного закона страны, так и в большом массиве иных нормативных актов, призванных содействовать реальному наполнению данных прав. В частности, это и Гражданский кодекс РФ, и Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», и Основы законодательства Российской Федерации о культуре, утв. ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1, и Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», и Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и др.

Права и свободы в области культуры очень многогранны и охватывают право на образование (ст. 43 Конституции РФ); свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества и преподавания (ч. 1 ст. 44 Конституции РФ); право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ч. 2 ст. 44 Конституции РФ). Значение культуры и культурного наследия для государства было лишний раз подтверждено последними изменениями Конституции РФ, которые прямо закрепили ее уникальность и приоритетность сохранения и охраны [1]. Вопросам культуры, а также культурным правам личности стали больше уделять внимания на государственном уровне. В частности, Указом Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 были утверждены Основы государственной культурной политики (далее – Основы). Важным является то, что авторы документа акцентировали внимание на необходимой защите традиционных ценностей российского общества. В Основах говорится, что Россия – страна великой культуры, огромного культурного наследия, многовековых культурных традиций и неиссякаемого творческого потенциала [4]. Не менее значим культурный потенциал и для обеспечения национальной безопасности, что нашло должное отражение в Указе Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

В то же время культура – явление не только национальное, она сопутствует развитию человеческой цивилизации в целом. И группы людей, живущие отдельно друг от друга, создают различные культуры, между которыми происходит частичный обмен. Такой обмен и такое обоюдное проникновение содействуют развитию культуры, ее многообразию и сохранению в веках.

Государства, осознавая необходимость широкого распространения культуры для поддержания человеческого достоинства, признавая культурное разнообразие общим достоянием человечества, а культурный плюрализм залогом международного мира и безопасности, разработали

обширный блок международно-правовых актов, посвящённых культурному взаимодействию. Культурные права и свободы, в том числе закрепленные в Конституции РФ, базируются на положениях Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Международного пакта о социальных, экономических и культурных правах 1966 г. В XXI в. ООН в целом и ее специализированные учреждения, в частности ЮНЕСКО, постоянно обращают свое внимание на проблемы и потенциал культурного диалога разных стран. Так, первое десятилетие нового тысячелетия было объявлено Международным десятилетием культуры мира и ненасилия в интересах детей планеты, далее последовало Международное десятилетие сближения культур. Результатом правотворческой деятельности на международном уровне стали Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г., Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 г. и другие программные документы.

Однако, являясь национальным достоянием отдельных государств, культура народа страны не только им организовывается и культивируется, но и охраняется и делается доступный на условиях и в пределах, санкционируемых государством. Все еще существуют попытки организации автаркического существования государства и нации, что можно увидеть на примере Северной Кореи, частично Китая, ряда стран ближнего Востока, рьяно, подчас воинственно охраняющих свое историческое развитие, культурное наследие и самобытность. В этом контексте приятно осознавать полную открытость и «культурное гостеприимство» РФ, закрепленное на законодательном уровне. В частности, в соответствии ст. 8 Основ законодательства РФ о культуре культурная деятельность является неотъемлемым правом каждого гражданина независимо от национального и социального происхождения, языка, пола, политических, религиозных и иных убеждений, места жительства, имущественного положения, образования, профессии или других обстоятельств. При этом ст. 12 указанных Основ закрепляет право каждого на приобщение к культурным ценностям, доступ к государственным библиотечным, музейным, архивным фондам, иным собраниям во всех областях культурной деятельности. Кроме того, законодатель сделал культурные права интернациональными, не только разрешив отечественным гражданам осуществлять культурную деятельность за рубежом и вывозить за границу результаты своей творческой деятельности, но и предоставив иностранцам в РФ национальный режим в сфере культуры [2].

Однако в реалии имеют место случаи дискриминации иностранных граждан в процессе реализации ими культурных прав. Периодические законодательные инициативы об установлении разной платы за посещение музеев для иностранных граждан и граждан РФ [6, 7],

различная ценовая политика, устанавливаемая исполнительными органами регионов [8] представляются не только противоречащими вышеобозначенным нормативным положениям, но и несущими в себе более значительную угрозу, выражающуюся не столько в излишней охране культуры, сколько в придании ей анклавности. Создавая административные барьеры для распространения культурного наследия РФ, ознакомления иностранцев с объектами культуры, государство тем самым самостоятельно препятствует распространению национальной культуры за пределы страны. В РФ уже имели место случаи установления разных правил посещения музеев иностранцами: так было и в советский период, и в начале 2000-х годов. Вместе с тем такая практика противоречит Рекомендации ЮНЕСКО 1960 г. о мерах обеспечения общедоступности музеев (далее – Рекомендация), согласно которой государства-члены должны принимать все соответствующие меры для того, чтобы музеи, расположенные на их территории, были общедоступны, без различия экономических или социальных условий. И хотя Рекомендация не имеет обязательного характера, государства придерживаются изложенных в ней положений. В частности, и США, и Европа, и Япония до последнего времени признавали факт того, что культурное наследие наднационально и составляет общемировое богатство, доступ к которому может иметь любой человек на планете. Но нынешний год показал, что, как чуть ранее спорт, так и сегодня культура не просто стали политизированы, а выступают прямым элементом давления, политического воздействия и борьбы между странами. Одиозными представляются высказывания зарубежных политиков о запрете распространения русской культуры на Западе и принимаемые в связи с этим меры [3]. Это и запрет показывать в театрах и филармониях произведения великих русских композиторов (П.И. Чайковского, Д. Шостаковича), спектакли по мотивам произведений русских авторов (А.П. Чехов), отмена лекций в государственных университетах, посвященных жизни и творчеству русских поэтов и писателей (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский), несостоявшиеся гастроли Большого театра в Лондоне, а также выступления российских деятелей культуры в Нью-Йоркском «Карнеги-холл», Миланском «Ла-Скала», Лондонском театре «Ковент-Гаден» и др. «Закрываясь» от русской культуры, Запад в свою очередь меняет свой культурный вектор воздействия, ограничивая распространение кинематографического контента и информационного вещания на территории России. А вместе с тем в дни мировых конфликтов и смятений именно обращение к вечным ценностям, неподвластным времени, разрушениям, забвению, нашедшим свое отражение в культуре, должно способствовать выходу из нравственного кризиса, преодолению разрыва, достижению мира и стабильности.

Глобализация как всеобъемлющий процесс создает угрозу установления единых идеалов, постулатов, а также стирания культурных

различий народов мира. Сегодня очевидна тенденция сближения образа жизни людей разных стран и регионов в результате универсализации культуры и человеческих ценностей. Однако во многих странах глобализация приобрела черты вестернизации, и даже больше – американизации общественной жизни. И именно для целей сохранения самобытности, культурного кода страны, культурной идентичности народа крайне важно и необходимо максимально широкое распространение национальной культуры за пределы страны, в том числе и посредством популяризации среди иностранных граждан объектов культурного наследия страны во всех его проявлениях (художественная литература, изобразительное искусство, музыкальные произведения, исторические памятники и др.). И глобализация, являясь внутренне противоречивым явлением, неким современным вызовом культурному разнообразию, в то же время представляет собой обоюдный процесс влияния и проникновения информации. Посредством современных коммуникативных и информационных технологий государства как никогда ранее при должной степени протекционистской политики могут наладить диалог между культурами и цивилизациями, обеспечив сохранение и развитие национальной культуры и ее место в мировом культурном наследии.

К сожалению, под воздействием планомерной политики Запада, внутренних коррупционных проявлений и злоупотреблений в сфере высоких спортивных достижений Российская Федерация утратила свой авторитет на международной спортивной арене. Вследствие чего крайне важным представляется сохранение авторитета страны в культурной сфере. Приоритетными направлениями государственной политики России в области культуры должны стать поддержка русской культуры за рубежом, формирование открытого и позитивного культурного имиджа страны, привлечение иностранных туристов в целях ознакомления с объектами культурного наследия, международное и региональное культурное сотрудничество, налаживание культурного диалога, в первую очередь на постсоветском пространстве. Если данные направления деятельности получат не только программное закрепление на уровне «стратегий развития» или «основ законодательства», а реальное воплощение в государственных программах, национальных проектах, конкретных статьях расхода бюджета разных уровней, то Россия сможет сохранить лидирующие позиции в сфере культуры, а культура, как и прежде, станет играть объединяющую роль в мирном развитии человеческой цивилизации.

Список литературы

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.

3. В Польше запретили Чайковского, а в Италии — Достоевского [Электронный ресурс]. URL: https://eadaily.com/ru/news/2022/03/03/v-polshe-zapretili-chaykovskogo-a-v-italii-dostoevskogo (дата обращения: 27.08.2022).

4. Ивакина Д.С. Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы содержания, методологии и классификации // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 28–41.

5. Киричек Е.В. Сущностная характеристика «поколений прав человека» в конституционно-правовой науке // История государства и права. 2013. № 10. С. 21–24.

6. Люмпены ждут, когда же мы накажем иностранцев [Электронный ресурс]. URL: https://dailystorm.ru/kultura/lyumpeny-zhdut-kogda-zhe-my-nakazhem-inostrancev (дата обращения: 27.08.2022).

7. Минкультуры просят поднять стоимость билетов в музеи для иностранцев [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/news/591127 (дата обращения: 27.08.2022).

8. Цена удовольствия: сколько стоит посещение Тверского Императорского дворца [Электронный ресурс]. URL https:// https://dailystorm.ru/kultura/lyumpeny-zhdut-kogda-zhe-my-nakazhem-inostrancev (дата обращения: 27.08.2022).

9. Vasak K. Human rights: a thirty-year struggle: the sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. Paris: UNESCO, 1977. November.

Об авторе:

АЛЕШУКИНА Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-код: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

CULTURE AS A FACTOR OF CONSOLIDATION OF THE WORLD COMMUNITY

S.A. Aleshukina

Tver State University, Tver

The article examines international and national legal acts that enshrine the cultural rights and freedoms of a person, reflects the importance of culture for the successful development of a welfare state, the need to maintain a cultural dialogue between countries to ensure peace and security. The conclusion is made about the inadmissibility of discrimination in the implementation of cultural rights on the basis of race, nationality and citizenship, the susceptibility of culture to political factors, as well as the need to give culture a supranational character in order to preserve the diversity of cultures and the cultural identity of peoples.

Keywords: *cultural rights and freedoms, discrimination, cultural heritage, globalization, foreign citizens.*

About author:

ALESHUKINA Svetlana – PhD in Law, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-code: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

Алешукина С.А. Культура как фактор консолидации мирового сообщества // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 33–39.

УДК 342.553
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.040

ВАРИАТИВНОСТЬ ФОРМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается сущность принципа вариативности в организации и деятельности местного самоуправления, определяются основные его проявления в современном развитии муниципальной власти.
Ключевые слова: *местное самоуправление, принципы местного самоуправления.*

Местное самоуправление как форма осуществления публичной власти в Российской Федерации основывается на ряде принципов. Согласно п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления относится к совместному ведению России и субъектов Российской Федерации.

Принципы как общие начала, идеи организации местного самоуправления нашли отражение и в законодательстве о местном самоуправлении. Неслучайно Федеральный закон о местном самоуправлении носит название «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а внесенный 16.12.2021 г. в Государственную Думу законопроект о местном самоуправлении назван «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Под общими принципами организации местного самоуправления понимают основополагающие требования, с учетом которых строится система и деятельность [4].

В Конституции РФ местное самоуправление признано в качестве одной из основ конституционного строя. В силу этого оно рассматривается как обязательный элемент конституционного механизма [7, с. 9–18]. А в современных условиях, когда действует конституционное положение о том, что органы государственной власти и местного самоуправления входят в единую систему публичной власти, последнее, т. е. местное самоуправление, его организацию и функционирование следует рассматривать исходя из условий его существования как части этой публичной власти. Отсюда следует, что рассмотрение принципов организации местного самоуправления невозможно в отрыве от сути публичной власти. Современные исследователи понятия «публичная власть» обращают внимание не

© Антонова Н.А., 2022

только на характеристику сущности этого явления, но и на определение принципов функционирования публичной власти. Так, Е.Б. Султанов называет три принципа единства публичной власти: включение органов государственной власти и местного самоуправления в единую систему публичной власти; включение субъектов Российской Федерации в процесс принятия общефедеральных решений; взаимодействие федеральных органов государственной власти [6, с. 9–16].

Принцип включения органов государственной власти и местного самоуправления в единую систему публичной власти имеет значение для определения взаимодействия этих двух видов органов.

И.А. Старостина отмечает, что среди принципов, закрепленных в Федеральном законе от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [1], особое значение в сфере правового регулирования межуровневого взаимодействия имеют: согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти на всех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном; разграничение предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти и гарантии финансового обеспечения разграничения полномочий; признание и гарантированность местного самоуправления [5, с. 27].

Однако следует отметить, что в качестве принципа взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления на современном этапе развития российской государственности выступает вариативность организации местного самоуправления. И это не только принцип организации местного самоуправления, но и принцип его взаимодействия с органами государственной власти.

Первое проявление этого принципа во взаимодействии органов государственной власти и местного самоуправления заключается в том, что правовое регулирование местного самоуправления находится в совместном ведении России и субъектов Российской Федерации. Субъекты Российской Федерации осуществляют правовое регулирование местного самоуправления, хотя и на основе установленных Федеральным законом общих принципов организации местного самоуправления, но все же с учетом своих условий. Так, согласно действующему Закону о местном самоуправлении № 131-ФЗ устанавливать статус городского округа с внутригородским делением может закон субъекта Федерации. В ряде случаев субъекты Федерации закрепляют особенности территориальной организации местного самоуправления. Так, республика Саха (Якутия) предусмотрела в своем законодательстве о местном самоуправлении, что на территориях с низкой плотностью населения и в труднодоступных местностях требования транспортной доступности до административного центра муниципального района и обратно для жителей всех поселений, входящих в муниципальный район, не применяются [2].

Исследователи отмечают, что «новая законодательная модель организации региональной публичной власти предусматривает функциональное и институциональное совершенствование механизма взаимодействия с муниципальной властью. В частности, эта модель предполагает:

– *возможность* (выделено мной – Н.А.) участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления;

– *возможность* (выделено мной – Н.А.) дистанционного взаимодействия органов публичной власти, которое учитывает процессы цифровизации и эпидемиологическую ситуацию;

– *право* (выделено мной – Н.А.) представителей муниципальных органов, наряду с территориальными федеральными органами исполнительной власти, региональными исполнительными органами и их руководителями, по приглашению законодательного органа субъекта Российской Федерации выступать в региональном представительном органе и отвечать на вопросы депутатов, включая дистанционную форму такого участия в заседаниях, на основе регионального законодательства;

– *право* (выделено мной – Н.А.) органов публичной власти обращаться в Государственный Совет в целях обеспечения согласительных процедур и для разрешения разногласий, в том числе между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, включая вопросы передачи полномочий между этими органами, для достижения согласованного их решения на основе федерального закона и законов субъектов Российской Федерации» [5, с. 28].

Другими словами, в любом из приведенных случаев речь идет о *возможном* поведении как органов государственной власти, так и органов местного самоуправления. Выбрать свой вариант поведения они могут, исходя из конкретных условий осуществления своих задач, исходя из развивающихся процессов цифровизации и даже исходя из эпидемиологической обстановки, которая становится фактором, обязательно учитываемым при реализации полномочий публичных органов.

Однако в большей степени принцип вариативности проявляется при организации самого местного самоуправления. Основоположниками науки муниципального права давно был обозначен принцип многообразия форм осуществления местного самоуправления, который в большей или меньшей степени проявлялся всегда в организации власти на местах. Степень этого проявления по большей части зависела от характера правового регулирования муниципальных отношений. Так, в наибольшей степени он проявился в период действия Федерального закона № 154 «Об общих принципах организации местного самоуправления», который был рамочным правовым актом, на

федеральном уровне закреплявшем самые общие положения о местном самоуправлении и оставлявшем субъектам Федерации возможность правового регулирования муниципальных отношений, исходя из их особых условий. Такой самостоятельный широкий взгляд субъектов Федерации на организацию местного самоуправления, к сожалению, привел в итоге к печальным последствиям, которые выразились в принятии в ряде субъектов Федерации законов, противоречащих по признанию Конституционного Суда РФ Конституции страны [3].

С принятием Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» содержание принципа многообразия форм осуществления местного самоуправления несколько сократилось, и ограничилось, по сути, возможностью выбирать населением различные формы участия в местном самоуправлении.

Принцип вариативности в организации местного самоуправления, на наш взгляд, является более широким понятием, нежели принцип многообразия организационных форм осуществления местного самоуправления, поскольку собственно под организационными формами понимаются формы непосредственной и представительной демократии, в которых реализуется местное самоуправление. Вариативность же, как принцип организации и функционирования местного самоуправления, означает:

– разные формы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления;

– разные способы формирования органов местного самоуправления;

– возможность закреплять в уставе свою систему органов местного самоуправления;

– разные формы взаимодействия органов местного самоуправления между собой;

– множественность форм участия населения в осуществлении местного самоуправления и возможность выбирать из тех форм, которые обозначены законом, и закреплять в уставе свою систему форм участия населения в осуществлении местного самоуправления;

– возможность закреплять в уставе муниципального образования иные формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, помимо тех, которые предусмотрены в Федеральном законе.

Так, говоря о таком проявлении принципа вариативности, как разные способы формирования органов местного самоуправления, следует отметить, что согласно действующему закону о местном самоуправлении в муниципальном районе представительный орган муниципального образования может формироваться двумя способами: либо избираться населением на муниципальных выборах, либо формироваться из глав поселений, входящих в муниципальный район и депутатов, избираемых

по равной норме представительства от каждого поселения, входящего в состав такого муниципального района. Наибольшее проявление вариативности имеет место при избрании главы муниципального образования, который согласно действующему законодательству может быть избран одним из следующих способов: избирается на муниципальных выборах, либо представительным органом муниципального образования из своего состава, либо представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса (п. 1 ч. 2 ст. 36). Кроме того, в поселении, в котором полномочия представительного органа муниципального образования осуществляются сходом граждан, глава муниципального образования избирается на сходе граждан и исполняет полномочия главы местной администрации.

Но разнообразие в избрании и организации деятельности такого должностного лица этим не ограничивается. Федеральный закон предусматривает, как известно, и разные варианты реализации полномочий главы муниципального образования в зависимости от порядка его избрания.

Вариативность как принцип проявляется не только и не столько в том, что предусмотрены многообразные формы осуществления местного самоуправления, способы избрания главы муниципального образования или формирования представительного органа местного самоуправления, сколько в том, что из имеющихся «предложений» Федерального закона муниципальное образование может выбрать свой вариант. И здесь возникает другой вопрос: исходя из чего муниципальное образование должно определять тот вариант организации местного самоуправления на своей территории, который будет более уместен в его случае. На сегодняшний день муниципальные образования идут, скорее, дорогой проб и ошибок, зачастую испытывая на себе давление «старшего брата» – субъектовой власти – в выборе варианта организации публичной власти на своей территории.

В этих условиях необходима разработка концепции определения критериев, необходимых для выбора конкретного варианта организации муниципальной власти в том или ином муниципальном образовании. При этом в число таких критериев должны входить: тип муниципального образования; численность населения, особенность территориальной организации; вопросы местного значения, решаемые муниципальным образованием; полномочия, осуществляемые в пределах таких вопросов; традиции, сложившиеся в муниципальном образовании; национальные особенности; состав населения и иные.

Следует отметить, что внесенный в Государственную Думу законопроект о местном самоуправлении в единой системе публичной власти также основывает организацию местного самоуправления, его

взаимодействие с органами государственной власти на принципе вариативности. Даже в том случае, когда допускается участие органов государственной власти субъекта Федерации в организации местного самоуправления, это, во-первых, допускается, а во-вторых, является одним из вариантов, закрепленных в законе.

Таким образом, принцип вариативности в организации местного самоуправления имеет достаточно широкий спектр проявления как в действующем законе, так и в предлагаемом новом проекте. Однако следует обратить внимание научной общественности на задачу формирования концептуальных подходов к вопросу реализации этого принципа в целях оптимальной организации местного самоуправления, направленного прежде всего на защиту прав и законных интересов населения муниципального образования.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112210031 (дата обращения: 02.09.2022).

2. Закон республики Саха (Якутия) «О местном самоуправлении в республике Саха (Якутия)» от 30.11.2004 г. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/423845502 (дата обращения: 02.09.2022).

3. Постановление Конституционного Суда от 30.11.2000 г. № 15 «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года ”О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области”» [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30112000-n (дата обращения: 02.09.2022).

4. Тимофеев Н.С. Местное самоуправление России с точки зрения мифологической аранжировки // Местное право. 2018. № 4. С. 9–18.

5. Султанов Е.Б. Конституционные основы единства публичной власти в российской Федерации // Ученые записка Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 2. С. 9–16.

6. Старостина И.А. Новое в российской практике правового регулирования взаимодействия органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления // Законодательство. 2022. № 2. С. 27–36.

7. Муниципальное право России: учеб. / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Проспект, 2009. 430 с.

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, заведующая кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

VARIABILITY OF FORMS OF IMPLEMENTATION AS A PRINCIPLE OF THE ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

N.A. Antonova

Tver State University, Tver

The essence of the principle of variability in the organization and activities of local self-government is considered, its main manifestations in modern local self-government are determined.

Keywords: *local self-government; principles of local self-government.*

About author:

ANTONOVA Nana – the doctor of jurisprudence, the manager Faculty of the constitutional, administrative and customs right of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Вариативность форм осуществления как принцип организации местного самоуправления // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 40–46.

УДК 342.3
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.047

О НЕОБХОДИМОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В.П. Бауэр[1], А.Н. Сухарев[2], Е.В. Чайкина[3]

[1] АО «Институт региональных экономических исследований», г. Москва
[2] ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь
[3] ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Поставлена проблема необходимости согласования решений в системе государственного управления, которая позволит повысить качество и эффективность принятия решений в области государственного управления. Данный механизм должен включать в себя, в том числе принцип «двух ключей».

Ключевые слова: *государственное управление, принцип «двух ключей», Государственный Совет РФ, делегирование полномочий, государственные программы, согласование решений.*

Проект закона о государственном управлении определяет, что принцип его эффективности соответствует современному трактованию категории «эффективность» [10], основанному на понятии издержек. В настоящее время минимизация издержек граждан РФ решается государством за счет информатизации общественно полезных услуг [8, 12]. Авторы исследуют вопрос о том, как можно в системе государственного управления с позиции конституционной экономики минимизировать издержки организаций и публично-правовых образований в части их ресурсов (финансовых, кадровых, материально-технических и др.).

Как показывает зарубежный [3, 9] и отечественный [7] опыт государственного управления, минимизацию издержек в указанных случаях можно снизить за счет обеспечения лучшей согласованности решений, принимаемых субъектами государственного управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях власти в интересах этих организаций и образований, например, при реализации национальных проектов и программ [1]. При конституционном доминировании Государственного Совета РФ в процессах государственного управления для решения данной проблемы должна не только осуществляться координация деятельности федеральных субъектов управления с иными субъектами власти, но и существовать согласованная взаимная ответственность за результативность управления этих субъектов друг перед другом. Данные меры будут способствовать стабилизации системы государственного управления,

© Бауэр В.П., Сухарев А.Н., Чайкина Е.А., 2022

позволят избавить ее от «шатаний» и «неопределенностей» в условиях роста числа управленческих кризисов [2] и нестабильности мирового порядка [11], а наличие конституционного единовластия Президента РФ позволит государству осуществить постепенный переход к конституционному (государственно-плановому) управлению экономикой в процессе ее массовой цифровизации [5, 6]. В этом плане необходимо совершенствование системы государственного стратегического планирования в Российской Федерации. Принятый в 2014 г. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» сформировал общие подходы к сбалансированному социально-экономическому и техническому развитию страны, определил документы стратегического планирования, которые должны приниматься в рамках него. В частности, к документам стратегического планирования отнесены прогнозы, программы, стратегии, схемы, планы и прочее. Например: ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, Стратегия пространственного развития Российской Федерации, Стратегия социально-экономического развития макрорегионов, Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации, Стратегический прогноз Российской Федерации и др.

Рассмотрим подход к согласованию решений и обеспечению взаимной ответственности субъектов разного уровня государственного управления при реализации национальных проектов и программ. В указанных целях предлагается изменить распределение сфер ответственности и полномочий между различными уровнями системы государственного управления. Изменения предполагают повышение ответственности кураторов государственных программ и руководителей федеральных и ведомственных проектов с одновременным расширением их полномочий. Предлагается выделить три основных уровня принятия решений в конституционной системе государственного управления: Правительство РФ, Экспертный совет государственной программы (далее – Экспертный совет) и Рабочий комитет федерального проекта (далее – Рабочий комитет).

Правительство РФ должно утверждать перечень государственных программ (их ключевые параметры) и паспорт каждой государственной программы; назначать кураторов государственных программ из числа заместителей Председателя Правительства РФ; регулярно рассматриватть и оценивать ход реализации государственных программ.

В целях обеспечения управления реализацией соответствующей программы куратор государственной программы должен формировать Экспертный совет, а также определять руководителей федеральных

проектов (из числа федеральных министров) либо принимать решение о непосредственном руководстве отдельными федеральными проектами.

Руководитель федерального проекта должен формировать Рабочий комитет для управления федеральным проектом. Допускается формирование руководителем федеральных проектов Рабочего комитета для управления несколькими федеральными проектами в рамках одной государственной программы.

Экспертный совет должен утверждать целевые показатели и ключевые результаты федеральных проектов, распределение бюджетных ассигнований федерального бюджета между структурными элементами государственной программы.

Рабочий комитет должен утверждать результаты федерального проекта и их значения по годам его реализации (с учетом ключевых результатов, установленных Экспертным советом); распределение бюджетных ассигнований федерального бюджета между результатами федерального проекта в пределах общего объема бюджетных ассигнований на реализацию федерального проекта.

В состав Экспертного совета должны включаться заместители Председателя Правительства РФ, к сфере ответственности которых относятся структурные элементы государственной программы; руководитель соответствующей проектной группы Государственного Совета РФ; руководители структурных элементов государственной программы; представители иных федеральных органов исполнительной власти и организаций в статусе не ниже заместителя министра.

В состав Рабочего комитета должны входить представители федеральных органов исполнительной власти, организаций, которые являются ответственными за достижение отдельных результатов федерального проекта; представители иных федеральных органов исполнительной власти и организаций в статусе не ниже директора департамента.

В целях обеспечения требуемого уровня качества и оперативности принятия решений Экспертные советы и Рабочие комитеты принимают решения с учетом результатов стратегической, финансовой и технологической экспертизы. Стратегическая экспертиза содержит оценку целесообразности реализации структурных элементов государственных программ с точки зрения влияния на ключевые показатели, оценку обеспеченности целей результатами мероприятий. Финансовая экспертиза содержит оценку ресурсной обеспеченности и бюджетной эффективности планируемых к реализации мероприятий. Технологическая экспертиза содержит оценку использования технологических решений. Заключения по результатам экспертиз готовятся соответствующими компетентными органами.

Решения Экспертного совета или Рабочего комитета должны приниматься с использованием принципа «двух ключей», который

законодательно введен в российскую практику корпоративного управления в целях придания ему большей гибкости.

На уровне Экспертного совета принцип «двух ключей» действует в том случае, когда рассматриваемый вопрос относится к сфере ответственности двух и более заместителей Председателя Правительства РФ.

На уровне Рабочего комитета принцип «двух ключей» действует в том случае, когда рассматриваемый вопрос относится к сфере ответственности двух или более федеральных органов исполнительной власти.

При принятии решений действует следующий механизм делегирования полномочий по исключению разногласий. В случае, если принятое руководителем Экспертного совета или Рабочего комитета решение не согласовано одним из заинтересованных федеральных органов исполнительной власти (в том числе противоречит результатам стратегической, финансовой или технологической экспертиз), член Экспертного совета или Рабочего комитета от соответствующего органа (заместитель министра) докладывает о возникших разногласиях руководителю соответствующего федерального органа исполнительной власти, который с учетом важности разногласий вправе поставить вопрос о блокировке принятого решения на уровне Экспертного совета. В случае отсутствия согласованной позиции при рассмотрении решения Экспертным советом необходимо переправить вопрос урегулирования разногласий через курирующего заместителя Председателя Правительства Председателю Правительства РФ.

Для обеспечения синхронизации государственной политики на федеральном и региональном уровнях цели, показатели государственных программ, а также планируемые показатели и результаты федеральных и ведомственных проектов и обеспечивающих программ распределяются по субъектам РФ. Показатели и результаты должны оформляться в виде программ субъектов РФ (далее – региональные программы) в различных сферах хозяйствования. Региональные программы должны включать декомпозированные для соответствующего субъекта РФ показатели и результаты федеральных и ведомственных проектов и обеспечивающих программ, а также иные показатели и результаты, реализуемые исключительно на уровне субъекта РФ и не связанные с государственными программами РФ. В структуре региональных программ указанные показатели и результаты (по аналогии с федеральным уровнем) должны отражаться в составе региональных проектов, ведомственных проектов и обеспечивающих программ. Совокупный портфель региональных программ должен представлять собой единую программу развития региона.

В целях координации работ по различным направлениям социально-экономической политики, в том числе с федеральными органами

исполнительной власти, высшее должностное лицо субъекта РФ создает Экспертный совет портфеля региональных программ и соответствующий Рабочий комитет.

Предлагаемый подход к развитию принципа обеспечения эффективности государственного управления позволит минимизировать временные и ресурсные издержки организаций и публично-правовых образований за счет делегирования и последующего перераспределения между органами государственного управления процесса принятия решений до их полного согласования. В результате это позволит улучшить качество принимаемых решений, повысить оперативность их принятия на всех трех уровнях власти, что приведет в совокупности к последовательному росту эффективности государственного управления в планомерно развивающейся системе электронного правительства РФ [5].

При реализации национальных проектов и государственных программ должны обеспечиваться взаимная увязка целей с ресурсами (финансовыми, материальными, трудовыми), а также оцениваться воздействие данных проектов и программ на различные регионы страны. Следует учитывать то, что Российская Федерация является самым большим в мире государством по площади, составляющей более 17 млн квадратных километров. Только Республика Саха (Якутия) расположена в трех часовых поясах. Перед государственным управлением стоит важная задача – обеспечить максимально сбалансированное развитие территорий субъектов Российской Федерации. Не должна происходить концентрация вложений финансовых и материальных ресурсов исключительно в нескольких субъектах Российской Федерации. Вместе с тем необходимо понимать, что в стране должны существовать крупные финансовые, промышленные и прочие центры, которые должны развиваться на приоритетной основе. В этом плане необходимо обеспечить баланс между централизацией и децентрализацией финансовых, материальных и трудовых ресурсов по территории страны.

Согласование решений в системе государственного управления должно учитывать региональные интересы, которые необходимо гармонично встроить в механизм принятия государственных решений. Это может быть основано на формировании соответствующей структуры экспертных советов, действующих в рамках Государственного Совета РФ, создании специализированных комитетов в Государственном Совете РФ, призванных решать региональные проблемы.

Решения в системе государственного управления имеют временной горизонт – период времени, в рамках которого они должны быть реализованы, т. е. предельный срок видения будущего. В России сегодня предельный срок достижения поставленных целей в виде стратегий составляет пятнадцать лет. В качестве примера можно привести утвержденную Постановлением Правительства РФ от 09.06.2020 г.

«Энергетическую стратегию развития Российской Федерации до 2035 года». Данный временной горизонт недостаточен для очерчивания контуров развития инфраструктурных проектов, призванных определять не только ближайшее, но и далекое будущее. Так, например, жизненный цикл атомных электростанций превышает 50 лет, а в ряде случаев может составлять 60–80 и более лет. Строительство АЭС составляет от 5 до 10 лет и еще минимум 30 лет работы до первого капитального ремонта. Учитывая, что ликвидация АЭС до степени «зеленой лужайки» весьма дорогостоящий проект, то представляется экономически целесообразным поддержание работы АЭС не менее 50 лет, а возможно и более ста лет. Понятно, что принятие решения о строительстве АЭС должно быть основано на прогнозе далекого будущего. К числу подобных проектов со сверхдлительным «жизненным циклом» относится строительство транспортных магистралей и т. п. Крупные компании обычно не могут иметь горизонт планирования шире горизонта государственного стратегического планирования, т. к. они не желают иметь избыточные стратегические риски. Удлинение временного горизонта государственного стратегического планирования позволит его увеличить и в области реализации инфраструктурных проектов.

Все это требует создания качественно новых подходов к формированию государственных решений в области стратегического планирования, разработке теории и методологии сверхдолгосрочного планирования, учитывающего вариантность решений и минимизацию стратегических рисков. Несомненно, к этому должны быть подключены особые специалисты, включая футурологов и визионеров. Мнения футурологов и визионеров должны быть основаны на научно обоснованных решениях. Сегодня в рамках международных форумов, проводимых в Сколково, принимают участие также футурологи и визионеры, т. к. без мнения таких специалистов трудно определить контуры будущего.

Следует отметить, что подход к сверхдолгосрочным государственным решениям должен быть особо ответственным, т. к. такие решения могут нести в себе стратегические риски, имеющие высокую стоимость в прямом и переносном значении. Это требует формирования особой системы принятия сверхдолгосрочных решений. Заметим, что сверхдолгосрочные и долгосрочные проблемы требуют решения в настоящем, т. к., чтобы их эффективно решить, необходимо действовать уже сегодня. Эти действия многим могут быть непонятны, т. к. отсутствует видение будущего и того, что необходимо делать сегодня, чтобы его достичь.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что в системе государственного управления должен быть сформирован механизм согласования решений, который позволит повысить качество и эффективность государственного управления. «Сбалансированные»

(«гармонизированные») государственные решения позволят учесть региональные и отраслевые интересы, что повысит действенность государственного управления.

Список литературы

1. Антонова Н.А. Особенности контрольно-процессуального отношения в условиях нового законодательства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3. С. 39–46.

2. Агаян Г.М., Григорян А.А., Шикин Е.В. Кризисы: комплексный управленческий анализ // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 67. С. 69–114.

3. Добролюбова Е.И. Государственное управление по результатам в эпоху цифровой трансформации: обзор зарубежного опыта и перспективы для России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4. С. 70–93.

4. Дрогобыцкий И.Н. Моделирование, планирование и контроль процессов цифровизации национальной экономики // Экономическая наука современной России. 2020. № 2 (89). С. 102–113.

5. Ерженин Р.В. Электронное правительство России: обзор научных публикаций и исследований // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 3. С. 205–228.

6. Захаров Г.Н. Конституционное будущее России сквозь призму социально-экономических прав и свобод человека // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2. С. 56–61.

7. Калмыкова А.В., Кабытов П.П. «Гибкие» структуры государственного управления // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 107–120.

8. Сидоренко Э.Л., Барциц И.Н., Хисамова З.И. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 93–114.

9. Стрижов С.А., Богатырева Т.Г., Богатырева Е.А. Трансформация государственного управления в условиях новых вызовов: монография. М.: ООО «Издательство Проспект», 2018. 156 с.

10. Хижа О.Н. Эволюция подходов к трактовке понятия «эффективность» в экономической науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 7 (417). С. 21–27.

11. Цыганков П.А. Исследования проблем миропорядка: теоретические трудности, расхождения трактовок // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 194–202.

12. Якимец В.Н. Новые форматы общественно-государственного управления в России // Государство и граждане в электронной среде. 2017. № 1. С. 123–135.

Об авторах:

БАУЭР Владимир Петрович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник АО «Институт региональных экономических исследований», г. Москва (119002, г. Москва, ул. Сивцев Вражек, 29/16), SPIN-код: 6833-1195, e-mail: bvp09@mail.ru

СУХАРЕВ Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru

ЧАЙКИНА Елена Васильевна – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Финансы» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь (299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), SPIN-код: 2416-1054, e-mail: lena_chaykina@list.ru

ON THE NEED TO COORDINATE DECISIONS IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM

V.P. Bauer[1], A.N. Sukharev[2], E.V. Chaikina[3]

[1] JSC Institute for Regional Economic Research, Moscow
[2] Tver State University, Tver
[3] Sevastopol State University, Sevastopol

The problem of the need to coordinate decisions in the public administration system, which will improve the quality and efficiency of decision-making in the field of public administration, is posed. This mechanism should include, among other things, the principle of "two keys".
Keywords: *public administration, the principle of "two keys", the State Council of the Russian Federation, delegation of authority, government programs, coordination of decisions.*

About authors:

BAUER Vladimir – Doctor of Economics, Chief Researcher of JSC "Institute for Regional Economic Research", Moscow (119002, Moscow, Sivtsev Vrachek St., 29/16), SPIN code: 6833-1195, e-mail: bvp09@mail.ru

SUCHAREV Alexander – Doctor of Economics, Professor of the Chair of Constitutional, Administrative and Customs Law of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru.

CHAIKINA Elena – Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Finance, Sevastopol State University, Sevastopol (299053, Sevastopol, Universitetskaya str., 33), SPIN-code: 2416-1054, e-mail: lena_chaykina@list.ru

Бауэр В.П., Сухарев А.Н., Чайкина Е.В. О необходимости согласования решений в системе государственного управления // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 47–54.

УДК 347.97
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.055

ЦЕРКОВНЫЙ СУД КАК КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Г.Н. Захаров, Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена вопросу о процедуре привлечения к дисциплинарной ответственности судей и адвокатов в сравнительном аспекте с церковными нормами и правилами о применении мер ответственности. Показано совпадение концептуальных основ деятельности церковных судов с процессуальными правилами, установленными в законодательстве, и корпоративными правилами привлечения к дисциплинарной ответственности. Общим является то, что соответствующие правила применяются только внутри соответствующей корпорации: судейского сообщества, адвокатуры и Русской Православной Церкви, поэтому использован неофициальный термин «корпоративное судопроизводство». Помимо чисто познавательного момента, позволяющего узнать о системе церковных судов, приведены положения, которые заслуживают теоретического осмысления и внимания законодателей.

Ключевые слова: *дисциплинарная ответственность судей, квалификационные коллегии судей, советы судей, дисциплинарная ответственность адвокатов, квалификационные комиссии, советы адвокатских палат, церковный суд, лица, участвующие в деле, доказательства, примирение.*

Конфликтные ситуации самого различного характера являются неизбежными при реализации различных правоотношений. К специфическим конфликтам относятся все виды правонарушений и процесс привлечения к ответственности. Главным способом разрешения всех конфликтных ситуаций в правовом государстве является судебный порядок, но при этом законодательство допускает и иные способы, включая самозащиту.

В зависимости от характера правонарушения закон регулирует специальный порядок его установления и привлечения к ответственности. Привлечение к уголовной, административной или гражданско-правовой ответственности осуществляется по общему правилу в судебном порядке, но по некоторым видам административных правонарушений ответственность наступает во внесудебном порядке, а проблему ответственности в сфере договорных правоотношений можно разрешить с помощью альтернативных средств, например, медиации или третейского разбирательства.

Привлечение лица к дисциплинарной ответственности не входит в компетенцию судебных органов, кроме привлечения к дисциплинарной ответственности военнослужащих в соответствии со специальным

© Захаров Г.Н.,
Туманова Л.В., 2022

законом. В трудовых отношениях это прерогатива работодателя. Но порядок привлечения к дисциплинарной ответственности судей и адвокатов происходит в особом порядке, урегулированном нормативными правовыми актами, и применительно к этому процессу появился неофициальный термин «корпоративное правосудие». Это обусловлено тем, что привлечение к дисциплинарной ответственности судей и адвокатов является прерогативой судейского или адвокатского сообщества соответственно, а порядок привлечения к ответственности хотя и не так подробно регламентирован как в процессуальных кодексах, но имеет много сходных с процессом правил.

Установление «корпоративного правосудия» для привлечения судей и адвокатов к дисциплинарной ответственности имеет целью обеспечить их независимость, которая является важнейшим принципом их деятельности, но при этом гарантировать право обжаловать в судебном порядке решения соответствующих органов судейского и адвокатского сообщества.

По целям и основным положениям процедуры принятия решений о привлечении к дисциплинарной ответственности судей и адвокатов во многом совпадают, но есть и существенные различия. Прежде всего это относится к содержанию дисциплинарного проступка. Так, согласно ч. 1 ст. 12.1 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 г. № 3132-1 (ред. от 16.04.2022 г.) «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей) дисциплинарным проступком судьи является виновное действие (или бездействие) как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебное время. В то же время ч. 2 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – Кодекс этики адвоката) дисциплинарным проступком признает только неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом обязанностей перед доверителем или решений органов адвокатской палаты [2]. Это связано с различным уровнем требований, которые предъявляет государство и общество к судьям и адвокатам в соответствии с возложенными на них функциями.

Интересно и решение вопроса о некоем иерархическом положении органов судейского и адвокатского сообщества при осуществлении дисциплинарных производств. Решение о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности относится к компетенции соответствующих квалификационных коллегий судей на основе представлений советов судей [6, с. 40–48]. А решения о наложении дисциплинарного взыскания на адвоката принимают Советы адвокатских палат на основе заключения квалификационной комиссии палаты.

Различия есть и в возможности обжалования решений о привлечении к дисциплинарной ответственности судей и адвокатов. Адвокат такое решение в соответствии с п. 2 ст. 25 Кодекса этики адвоката может

обжаловать в Федеральной палате адвокатов, которая будет принимать решение на основе заключения комиссии по этике и стандартам, призванной давать толкования по содержанию и применению этических норм для адвокатов, а также стандарты качества оказания квалифицированной юридической помощи [1, с. 220], т. е. той проблемы, которая часто и становится поводом для обращения клиента с жалобой. Очень важно, что такая возможность предоставлена всем, поскольку Федеральная палата адвокатов сама не принимает решения о привлечении к дисциплинарной ответственности. Судья имеет возможность обжаловать привлечение к дисциплинарной ответственности во внесудебном порядке только в случае наложения взыскания квалификационной коллегией судей субъекта Российской Федерации, а судьи, которые назначаются на основе рекомендации Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, а таких достаточно много, уже не имеют возможности внесудебного обжалования.

Относительно самого процесса привлечения к дисциплинарной ответственности судей и адвокатов – он во многом совпадает, но есть одно серьезное отличие: заседания квалификационных коллегий судей проходят по общему правилу в открытом режиме, только как исключение может применяться закрытый режим для обеспечения отдельных вопросов частной жизни, а заседания квалификационных комиссий и советов адвокатских палат, напротив, по общему правилу проходят в закрытом режиме и только в исключительных случаях открыто. Это правило связано с необходимостью обеспечения адвокатской тайны, которая определяет большинство запретов и ограничений, а также свидетельский иммунитет адвоката.

Наиболее значим вопрос о процедуре привлечения к дисциплинарной ответственности и возможности обжалования при принятии решения о прекращении полномочий судьи или адвоката. Разница в порядке судебного обжалования таких решений определяется особым статусом судьи как носителя судебной власти, поэтому для рассмотрения жалоб на решения квалификационных коллегий судей о досрочном прекращении полномочий судьи создана в составе Верховного Суда Российской Федерации Дисциплинарная коллегия.

Вопрос о «корпоративном правосудии» имеет значение для понимания порядка привлечения к ответственности священнослужителей. Как граждане Российской Федерации они имеют право на судебную защиту наравне с другими по всем правоотношениям, кроме внутрицерковных.

Согласно ст. 14 Конституции Российской Федерации наше государство является светским и религиозные организации отделены от него. Это означает, что все вопросы внутрицерковной жизни не должны решаться в государственных судах. Но поскольку необходима

система обеспечения соблюдения священных канонов и привлечение к ответственности тех священнослужителей, которые их нарушают Архирейский Собор Русской Православной Церкви в 2008 г. принял Положение о церковном суде Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) (далее – Положение о церковном суде) [3, 4].

Данное положение, если применять классификацию законов, является одновременно судоустройственным и процессуальным актом, что несколько непривычно для нашей юридической техники, но удобно для системы церковных судов. Как следует из ст. 2 Положения о церковном суде, судебная система Русской Православной Церкви имеет три основных инстанции: епархиальные суды, Высший общецерковный суд и Архирейский Собор Русской Православной Церкви. В Положении о церковном суде выделено шесть разделов: общие положения, где содержатся нормы о судебной структуре и общие нормы о составе суда, лицах, участвующих в суде, вызовы и доказательства; три раздела посвящены трем судебным инстанциям; пятый раздел регулирует порядок церковного судопроизводства; шестой – заключительные положения, в том числе текст присяги церковного судьи. Таким образом, в одном акте урегулированы все наиболее важные вопросы и при этом использована терминология процессуальных законов, что позволяет выявить как общие черты, так и различия.

Хотя в Положении о церковном суде используются привычные понятия, это все-таки «корпоративное правосудие», причем в абсолютном выражении, поскольку не имеет выхода за пределы юрисдикции Русской Православной Церкви. Если сравнивать его с рассмотренными ранее двумя формами «корпоративного правосудия», то главным отличием является более детальная процессуальная регламентация, чего нередко не хватает при рассмотрении дисциплинарных производств адвокатов и судей, а следовательно, применяются по аналогии процессуальные правила, что представляется не совсем оправданным. Анализ Положения о церковном суде позволяет сделать вывод, что урегулированная им процедура в определенных вопросах совпадает с предусмотренной Кодексом адвокатской этики. Представляется, что это в значительной степени обусловлено необходимостью обеспечения тайн, но поскольку тайна исповеди и свидетельский иммунитет на ее основе имеет более строгий запрет, то полного совпадения процедуры не может быть.

Общим по смыслу для всех дисциплинарных процедур, а также судебного порядка привлечения к уголовной и административной ответственности является необходимость учета личности лица, а также смягчающих и отягчающих обстоятельств. Почти полное совпадение правил дисциплинарного правосудия в отношении адвокатов и правил церковного судопроизводства относится к вопросу о примирении.

Разница состоит в том, что достижение примирения между адвокатом и заявителем сформулировано, как «принимаются меры для…», а церковный суд обязан провести примирительную процедуру, если придет к выводу об отсутствии церковного правонарушения. Такое правило целесообразно закрепить не только в нормах «корпоративного судопроизводства», но и по делам, рассматриваемым в суде, ведь важно не просто выяснить содержание правоотношения и правильно применить норму права, мирно урегулировать спорную ситуацию, а еще сохранить или восстановить добрые отношения между сторонами. Например, отказал суд в защите чести и достоинства или не признал неправомерными действия должностного лица, решение законно и обоснованно, но истец, скорее всего, уходит из суда с обидой на того, кто высказал о нем свое нелицеприятное мнение или отказал в удовлетворении какого-либо ходатайства, да и ответчик в душе клеймит истца как кляузника… Только бы еще разработать эффективную методику такого примирения.

Заслуживает внимания и подход в Положении о церковном суде к основаниям по отводу судьи. Процессуальные кодексы каждый по-своему закрепляют основание к отводу в связи с отношениями родства и свойства, даже используют разную терминологию, а здесь в с. 9 абсолютно конкретно: «является родственником (до 7 степени) или свойсвенником (до 4 степени) сторон». А так, иногда судья размышляет в процессе, предположим, двоюродный племянник – родственник или уже нет.

Состав лиц, участвующих в деле, в Положении о церковном суде определяется в точном соответствии с термином: все, кто участвует в деле, включая свидетелей. Надо признать, что это более правильное применение термина; юридически неосведомленным лицам трудно понять, почему к таким субъектам относятся только те, которые юридически заинтересованы в исходе дела, независимо от фактического участия в процессе. Сохранение традиций – важный фактор законотворчества, но иногда надо переходить к новациям, соответствующим современным условиям, а в отношении терминов – и языковым нормам.

С точки зрения средств доказывания и оценки доказательств почти полное совпадение с процессуальными кодексами, но есть интересное правило о том, что не может быть свидетелем лицо, осужденное церковным судом за заведомо ложный донос или лжесвидетельство.

Важным является правило обращения с заявлением о церковном правонарушении: его необходимо передать лично в епархиальное управление или отправить заказным письмом с уведомлением. Заслуживает внимания и перечень оснований для оставления без рассмотрения или прекращения производства по делу. Одним из таких

оснований является «очевидное отсутствие церковного правонарушения». Пока только в административном судопроизводстве есть похожее правило о том, что заявление о присуждении компенсации за нарушение разумных сроков судопроизводства возвращается, если указанный срок с очевидностью свидетельствует об отсутствии такого нарушения, а много других очевидных ситуаций отсутствия нарушения прав заявителя позволяют злоупотреблять правом на обращения в суд.

Интересно хоть и несколько техническое, но важное правило о необходимости составления в порядке подготовки дела к судебному разбирательству справки, содержащей анализ обстоятельств дела. Такую справку мог бы готовить помощник судьи и уже на ее основе проводить предварительное судебное заседание.

Правила о порядке проведения судебного заседания, неизменном составе суда, ведении протокола и последствиях неявки кого-либо на заседание
аналогичны соответствующим процессуальным нормам. Поскольку состав церковного суда по конкретному делу точно не урегулирован и может быть четное число судей, действует правило, что голос председательствующего является решающим. Существуют определенные ограничения по обжалованию решений в суде Архиерейского Собора.

Информационные технологии не имеют широкого применения, нет возможности электронного обращения, информирования участников процесса с использованием сети Интернет; поскольку заседания проходят в закрытом режиме, это исключает возможность использование web-конференций для их проведения, но решения в кратком изложении размещаются на соответствующих сайтах [3].

Положение о церковном суде содержит еще много правил, заслуживающих исследования, но в данном случае главным было подчеркнуть особенности, присущие именно такому виду «корпоративного правосудия». Чтобы показать сущность церковного судопроизводства и его совпадение с основными требованиями к судьям, можно привести один фрагмент присяги церковного судьи: «Участвуя в принятии судебных решений, обещаюсь иметь в мыслях не свою честь, интерес и выгоду, но славу Божию, благо Святой Русской Православной Церкви и спасение ближних, в чем да поможет мне Господь благодатию Своею, молитв ради Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых» [5]. Да, слова другие, чем в Законе о статусе судей и Кодексе судейской этики, но очевидны общие принципы

и правила: независимость, беспристрастность, защита прав и законных интересов и предотвращение конфликта интересов.

Список литературы

1. Бочаров Т.Ю., Моисеева Е.Н. Быть адвокатом в России:социологическое исследование профессии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. 278 с.

2. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (с изменениями и дополнениями, утв. X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2021 г.) // СПС «Гарант».

3. Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/document/3556033/ (дата обращения: 08.09.2022).

4. Положение о церковном суде Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) [Электрлнный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5082532.html (дата обращения: 08.09.2022).

5. Присяга церковного судьи [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/russkaya_cerkov/cerkovniy_sud/12 (дата обращения: 08.09.2022).

6. Туманова Л.В. Судебная власть в Российской Федерации: учебное пособие. М.: Проспект, 2020. 400 с.

Об авторах:

ЗАХАРОВ Георгий Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 5165-2974, AuthorID: 779405, e-mail: george7878@mail.ru

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735, e-mail: gpipd@tversu.ru

CHURCH COURT AS CORPORATE JUSTICE

G.N. Zakharov, L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the issue of the procedure for bringing judges and lawyers to disciplinary liability in a comparative aspect with church norms and rules on the application of liability measures. The coincidence of the conceptual foundations of the activities of church courts with the procedural rules established in the legislation and corporate rules for bringing to disciplinary responsibility is shown. The common thing is that the relevant rules apply only

within the relevant corporation: the judiciary, the bar and the Russian Orthodox Church, therefore, the unofficial term is used: "corporate litigation." understanding and attention of legislators.

Keywords: *disciplinary responsibility of judges, qualification boards of judges, councils of judges, disciplinary responsibility of lawyers, qualification commissions, councils of bar associations, church court, persons involved in the case, evidence, reconciliation.*

About authors:

ZAKHAROV Georgy – PhD in Law, associate professor of department of Theory of Law Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 5165-2974, AuthorID: 779405, e-mail: george7878@mail.ru

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735, e-mail: gpipd@tversu.ru

Захаров Г.Н., Туманова Л.В. Церковный суд как корпоративное правосудие // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 55–62.

УДК 347.77
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.063

ВЛИЯНИЕ «ЛИЧНОСТНОГО ЭЛЕМЕНТА» НА РЕАЛИЗАЦИЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ

М.В. Козлова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Анализируются проблемы, связанные с соотнесением «личностного элемента» как особой, неразрывной связи, существующей между автором и созданным им произведением, исключительно с предоставляемыми автору личными неимущественными правами. Обосновывается вывод о том, что «личностный элемент» должен также учитываться при рассмотрении вопросов имущественного характера, если они связаны с распоряжением правами на произведения, созданные авторами. Отмечается, что именно наличие «личностного элемента» позволяет логически обосновать необходимость учета мнения авторов и их наследников при реализации исключительных прав, иных имущественных прав или прав, вытекающих из заключенных с авторами лицензионных договоров.

Ключевые слова: *автор, авторское право, произведение, правообладатель, исключительное право, распоряжение авторским правом.*

Идея особой, неразрывной связи, существующей между автором и созданным им произведением, возникла и получила самое широкое распространение еще на первых этапах формирования современного авторского права.

Начиная с принятия первых законодательных актов об охране авторских прав во Франции (законы 1791 и 1793 гг.), в континентальном праве признается, что в произведении отражается творческая индивидуальность автора и оно является особым продолжением творческой личности автора, индивидуальность которого придает создаваемому им результату творческой деятельности оригинальность, достаточную для признания такого результата произведением – объектом, достойным правовой охраны. Представляя на рассмотрение первый декрет об авторском праве, депутат Ле Шапелье обосновывал необходимость охраны прав на «литературную и художественную собственность» именно доводом о том, что произведение «является самой сокровенной, самой неоспоримой и личностной из всех видов собственности» [6, с. 64].

В дальнейшем в законодательствах многих стран произошло разграничение прав авторов в качестве «первичных» правообладателей, в отношении которых к произведению всегда прослеживается определенный личностный элемент, и прав иных правообладателей,

© Козлова М.В., 2022

права которых являются «производными» от прав автора, возникают вследствие приобретения таких прав у авторов или в результате перехода по иным допускаемым законом основаниям, в том числе в рамках трудовых правоотношений.

Предполагается, что интересы правообладателей, не являющихся авторами или их наследниками, сосредоточены исключительно в имущественной сфере и направлены на извлечение дохода от использования произведения, контроль за его использованием [1, 2]. Поэтому необходимо закрепление исключительных прав, являющихся имущественными правами, которые возникают у автора и могут переходить от него к иным правообладателям: «Права на экономическое использование произведений, которое автор может осуществить сам либо передать третьей стороне» [5, с. 14].

В тех случаях, когда законодательство предусматривает возможность возникновения каких-либо иных имущественных прав в результате создания произведения, такие права также первоначально возникают у автора, создавшего произведение, включая право следования, право доступа, право на получение вознаграждения за создание произведения и другие (п. 3 ст. 1255 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)). В п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [8] было специально разъяснено, что согласно п. 5 ст. 1229 ГК РФ в состав исключительного права входит право на вознаграждение, при этом в случаях, установленных законом, такое право на вознаграждение сохраняется у автора, артиста-исполнителя или иного первоначального правообладателя даже если такой первоначальный правообладатель не обладает по каким-либо причинам исключительным правом на соответствующее произведение.

При этом признание особой связи между автором и его произведением в Российской Федерации, как и во многих других странах, нашло отражение в законодательстве путем закрепления особых личных неимущественных прав автора, призванных защищать его авторство, имя, неприкосновенность произведения [7]. Такие права признаются неотчуждаемыми и непередаваемыми, таким образом, совокупность прав, возникающих у автора в связи с созданием произведения, превосходит тот объем прав, который может передаваться другим правообладателям самим автором или переходить к другим правообладателям по основаниям, предусмотренным законом.

В результате такого в целом оправданного подхода, предусматривающего выделение имущественных и личных неимущественных прав, возникающих в связи с созданием произведения, произошло соотнесение «личностного элемента» как непременного

условия создания произведения с предоставляемыми автору личными неимущественными правами.

В большинстве случаев исключительные права позволяют автору определить юридическую судьбу созданного им произведения путем распоряжения такими правами. При этом, например, после отчуждения исключительного права в полном объеме, автор утрачивает возможность дальнейшего контроля за использованием произведения, сохраняя только личные неимущественные права в качестве гарантий признания его авторства и соблюдения иных гарантируемых ему законодательством правовых возможностей (требовать указания своего имени при использовании произведения, запрещать внесение несогласованных с автором изменений и т. д.).

Однако при таком подходе теряется возможность учета «личностного элемента», учета обоснованных и законных интересов автора при реализации исключительных прав на созданные им произведения, в том числе при последующем переходе исключительного права на произведение, изменениях, затрагивающих лицензиатов по лицензионным договорам, сублицензировании и т. д. Предполагается, что автор как первоначальный обладатель исключительного права на произведение может обеспечить реализацию своих интересов в отношении имущественных аспектов использования такого произведения путем распоряжения исключительным правом на него, прежде всего, путем установления соответствующих договорных условий.

Действительно, это возможно, но только в тех случаях, когда переход прав, изменение сторон договоров и преобразование их условий осуществляются исключительно на договорной основе, когда волеизъявление автора в полной мере соблюдается последующими правообладателями. Между тем сама по себе договорная связь, опосредующая использование произведения, может прерываться вследствие достаточно часто встречающихся на практике обстоятельств, которые не могут контролироваться автором и на возникновение которых он не может оказывать какого-либо влияния.

Такие последствия имеют место прежде всего в случаях ликвидации юридических лиц, являющихся сторонами заключаемых с авторами или их правопреемниками договоров, в том числе в случае несостоятельности (банкротства) таких юридических лиц. При традиционном подходе, основанном на признании комплекса личных неимущественных прав автора достаточным для защиты его интересов как творческой личности во всех случаях, такие неподконтрольные автору ситуации перехода исключительных прав или прав и обязанностей, вытекающих из лицензионных договоров, не признаются относящимися к сфере правовых интересов авторов произведений.

Однако данный вывод вступает в противоречие с общими принципами континентального и отечественного авторского права, в соответствии с которыми именно у автора возникает первоначально вся совокупность прав на произведение, в том числе исключительное право на произведение (п. 3 ст. 1228 ГК РФ). При этом обстоятельства, связанные с гражданством, страной проживания или биографией автора, могут существенным образом влиять на особенности правовой охраны произведения, включая сроки такой охраны, возможность ее получения в определенных странах, условия защиты прав и т. д., т. е. на связанные с произведениями имущественные аспекты.

В связи с этим представляется обоснованным вывод о том, что «личностный элемент» должен учитываться при рассмотрении вопросов имущественного характера, если они связаны с распоряжением правами на произведения, созданные авторами.

Автор, даже предоставив права (лицензию) на использование своего произведения, может быть заинтересован в том, чтобы использование осуществлялось именно выбранным им лицом (издательством, киностудией и т. д.), чтобы права не переходили к неизвестному ему лицу, чтобы он мог участвовать в принятии наиболее важных решений, связанных с использованием его произведений. Следовательно, основываясь на имущественных правах, автор или его наследник должны иметь возможность реализовывать свои интересы, не имеющие имущественной оценки, но относящиеся именно к использованию произведений, а не только к осуществлению и защите личных неимущественных прав их авторов.

Так, в случае, если лицензионным договором или договором об отчуждении исключительного права предусматриваются положения о согласовании с автором редакций, переводов, обработок, иллюстраций, выбора обложки, осуществляемых постановок, подготовленных сценариев, кандидатур привлекаемых режиссеров, артистов, других авторов, то данного рода условия накладывают ограничения на последующее распоряжение предоставленными правами и реализацию таких прав [3, 4].

Основанные на подобных договорных положениях отношения требуют личного участия автора либо обеспечивают для него возможность принятия определенного рода решений неимущественного характера, не связанных непосредственным образом с получением вознаграждения, но при этом влияющих на реализацию исключительных прав на произведение.

Именно наличие «личностного элемента» позволяет логически обосновывать необходимость учета мнения авторов и их наследников при реализации исключительных прав, иных имущественных прав или прав, вытекающих из заключенных с авторами лицензионных договоров.

Список литературы

1. Козлова М.В. Авторы и их наследники как особые категории правообладателей // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2019. № 6. С. 67–71.

2. Козлова М.В. Авторы и их наследники как участники правоотношений при несостоятельности (банкротстве) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 160–163.

3. Козлова М.В. Проблемы охраны прав авторов при несостоятельности (банкротстве) // Вопросы российского и международного права. 2020. № 12. С. 73–77.

4. Козлова М. В. Правовое регулирование вопросов обращения взыскания на исключительные права на произведения и права на их использование // Евразийская адвокатура. Международный журнал. 2019. № 5. С. 70–74.

5. Липцик Д. Авторское право и смежные права / Пер. с фр.; предисловие М. Федотова. М.: Ладомир; Издательство ЮНЕСКО, 2002. 794 с.

6. Матвеев А.Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: дис. … д-ра юрид. наук. М.: РГАИС, 2016. 462 с.

7. Овчинников И.В. Личные неимущественные права автора на произведения науки, литературы и искусства: правовая природа и содержание: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 199 с.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // РГ. 2019. № 96.

Об авторе:

КОЗЛОВА Мария Вячеславовна – младший научный сотрудник научно-образовательного центра «Цивилист» кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, Курск, ул. 50 лет октября, д. 94); e-mail: Mano173318@yandex.ru

THE IMPACT OF THE «PERSONAL ELEMENT» ON THE REALIZATION OF EXCLUSIVE RIGHTS TO WORKS

M.V. Kozlova

Southwest State University, Kursk

The author analyzes the problems associated with the correlation of the "personal element" as a special, inseparable connection that exists between the author and the work created by him, exclusively with the personal non-property rights granted to the author. The article substantiates the conclusion that the "personal element" should also be taken into account when considering the issues of property nature, if they are associated with the disposal of rights to works created by authors. It is noted that it is the presence of the "personal element" that allows to logically justify the need to take into account the opinion of the authors and their heirs in the implementation of exclusive rights, other property rights or rights arising from licensing agreements concluded with the authors.

Keywords: *author, copyright, work, copyright holder, exclusive right, disposition of copyright.*

About author:

Kozlova Mariia – junior researcher of the Scientific and Educational Center "Civilist" of the Southwest State University, Kursk (50 years of October street, 94, Kursk, 305040, Russian Federation), e-mail: Mano173318@yandex.ru

Козлова М.В. Влияние «личностного элемента» на реализацию исключительных прав на произведения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 63–68.

УДК 339.543
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.069

СУБЪЕКТИВНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОСТАВНЫХ ТОВАРОВ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю.Б. Субботин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается вопрос неформализованного подхода к интерпретации составных товаров для таможенных целей. Отсутствие граничных критериев при классификации товаров в соответствии с товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД) может привести к различным результатам идентификации товара разными субъектами таможенных правоотношений и, как следствие, к разным мерам тарифного и нетарифного регулирования по товару.

Ключевые слова: *классификация, интерпретация товара, составной товар, основное свойство товара.*

Классификация товаров для таможенных целей в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности (далее – ТН ВЭД) является одним из ключевых моментов в рамках их идентификации [1]. Известно, что код товара определяет применение к нему тех или иных мер таможенного регулирования. Несмотря на то, что ТН ВЭД в известной мере регулируются основные подходы к интерпретации товара, тем не менее порой возникают определенные сложности в его классификации. Это связано с отсутствием возможности чётко формализовать правила идентификации отдельных составных товаров. Данный вопрос регулируется правилами интерпретации 2б и 3б ТН ВЭД, однако применение данных правил разными субъектами таможенных правоотношений иногда приводит к неоднозначным результатам определения кода товара [2].

Известно, что в большинстве случаев мы имеем дело со сложными товарами по составу, материалу и способу изготовления отдельных компонентов. При идентификации товара по данным критериям правило интерпретации 2б регламентирует любую ссылку в ТН ВЭД на какой-либо материал или компонент как ссылку на соединение этого материала (компонента) с другими материалами (компонентами), а правило интерпретации 3б позволяет пренебречь отдельными несущественными элементами товара, выполненными из материала иного, чем его основной компонент, и классифицировать товар в целом по материалу, определяющему его основное свойство. Например, товар «хлопчатобумажная рубашка с пластмассовыми пуговицами» для таможенных целей будет рассмотрена как в целом выполненная из хлопка. Это означает, что на весовую и стоимостную часть, имеющую отношение к пластмассовым пуговицам, в силу допущения для

© Субботин Ю.Б., 2022

таможенных целей в рамках правил интерпретации 2б и 3б ТН ВЭД, будут распространены меры таможенного регулирования как на часть, изготовленную из хлопка. При этом в силу данного допущения, например, уплата таможенных платежей может отличаться от своего истинного значения в ту или иную сторону в случае различных ставок ввозных таможенных пошлин по рассматриваемым материалам.

Подобным же образом можно смоделировать работу данного допущения и в части применения мер нетарифного регулирования. Например, продовольственные товары пищевой промышленности в большинстве своем имеют сложный состав ингредиентов, некоторые из которых могут оказывать влияние на идентификацию товаров для таможенных целей, а иными можно пренебречь. Так, наличие консервантов, стабилизаторов, эмульгаторов, пищевых красителей, соли и сахара в основном продукте в отдельных случаях не оказывают влияние на классификацию товара. Вместе с тем наличие молочного или яичного белка, жиров часто идентифицирует тот же товар с иным классификационным кодом.

В условиях применения ответных мер на санкционную политику недружественных государств – наложения эмбарго на ввоз отдельных продовольственных товаров в нашу страну – определение состава товара становится существенным, хотя вопросы учета отдельных ингредиентов для классификации товара могут быть решены по-разному. Для единообразного подхода в этих вопросах для наиболее часто встречаемых товаров используются пояснения к ТН ВЭД, в иных случаях – экспертные заключения.

Рассмотренный пример достаточно прост для понимания. Однако в практике таможенной деятельности существуют более сложные для интерпретации товары.

Например, товар «стул с металлическими ножками и сиденьем из дерева» может рассматриваться для классификации как в равной степени по материалу, так и по материалу, характеризующему его основное свойство в зависимости от конкретного случая. Здесь возникает проблема понятия «основное свойство». Под основным свойством можно понимать превалирующее процентное содержание составляющих материалов по массе или стоимости, основное функциональное назначение или превалирующее органолептическое восприятие размеров отдельных компонентов. Данное понятие, к сожалению, юридически не закреплено должным образом. Наличие пояснений к ТН ВЭД не решает проблемы для каждого конкретного случая. Слагаемые основного свойства можно рассматривать как по приоритету, так и в комплексе. Однако четкого алгоритма не имеется. Действительно, в рассматриваемом примере товар можно классифицировать «по металлу», как по более дорогостоящему и весомому материалу, либо по «дереву», считая деревянный компонент товара основным, хотя несущую нагрузку

несет на себе металлическая составляющая изделия. Определяющими факторами могут являться порода дерева либо вид металла: дорогостоящие породы дерева или драгоценный вид металла могут оказать решающее влияние на выбор классификационного кода товара в целом, исходя из стоимости каждого из этих компонентов. Кроме того, конструктивное исполнение товара может быть различным, исходя из размеров визуального восприятия рассматриваемых компонентов, независимо от их массы и стоимости.

Можно приводить много подобных примеров составного товара. В случаях отсутствия конкретных примечаний в ТН ВЭД по подобным товарам порой возникает множество мнений у участников таможенных правоотношений по поводу идентификации товара в целом и его последующей классификации.

К очередному ряду подобных примеров, встречающихся в практике, можно отнести такие составные товары как «часы-зеркало-термометр», «часы-картина», «часы-водопад». Решение вопроса о классификации данных товаров, о выделении основного компонента может требовать привлечения экспертов для определения стоимости или массы составляющих элементов товара. Однако окончательные решения по классификации товара принимаются декларантом и инспектором таможенного органа, мнения которых могут различаться. Вместе с тем, квалифицируя, например, товар как «часы», можно столкнуться не только с разницей в таможенных платежах, но и с ограничениями по ввозу часов из рассматриваемой страны.

Следует упомянуть частный случай применения правила интерпретации 3б ТН ВЭД при классификации наборов товаров для розничной продажи.

Выбрать основной элемент набора, используя упомянутые выше критерии основного свойства товара, бывает достаточно сложно, т. к. здесь может добавляться еще и количественный фактор однородных элементов набора.

Например, рассматривая товар «чертёжный набор, состоящий из линейки, ластика, точилки и 10 карандашей», основной элемент набора может быть определен как «линейка, точилка или карандаш» – все зависит от удельного веса и значений факторов массы (количества), стоимости и функционального назначения составляющих набора.

Оценка этих факторов во многом субъективна и может приводить к судебным спорам.

Таким образом, в условиях невозможности полной формализации процесса классификации товара всегда будет присутствовать человеческий фактор, зависящий от кругозора мышления. Парадоксально, но принятие решений по классификации отдельных составных товаров, от которых зависят меры тарифного и нетарифного регулирования по товарам, не может быть защищено юридическими

нормами в полной мере. Классификация подобных товаров всегда будет основываться на устоявшейся практике декларирования, а также практике судебной.

Список литературы

1. Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности [Электронный ресурс]. URL: https://www.alta.ru/tnved/ (дата обращения: 25.08.2022).

2. Основные правила интерпретации ТН ВЭД [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/directions_files/221/221421cb54562d37038e1002e38383c3.pdf (дата обращения: 25.08.2022).

Об авторе:

СУББОТИН Юрий Борисович – кандидат технических наук; доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, 33), eLIBRARY ID: 18106652, e-mail: SubbotinYB@yandex.ru

SUBJECTIVENESS OF INTERPRETATION OF COMPOSITE GOODS IN FOREIGN ECONOMIC ACTIVITIES

Y.B. Subbotin

Tver State University, Tver

The issue of a non-formalized approach to the interpretation of composite goods for customs purposes is considered. The absence of boundary criteria in the classification of goods in accordance with the commodity nomenclature of foreign economic activity (TN VED) can lead to different results of product identification by different subjects of customs legal relations and, as a result, to different measures of tariff and non-tariff regulation of the product.

Keywords: *classification, interpretation of goods, composite goods, main property of the goods.*

About author:

SUBBOTIN Yuriy – a candidate of the technical sciences; the assistant professor of the pulpit to constitutional, administrative and customs right of Tver State University (170100, Russia, Tver, Zheljabova st., 33), eLIBRARY ID: 18106652, e-mail: SubbotinYB@yandex.ru

Субботин Ю.Б. Субъективность интерпретации составных товаров во внешнеэкономической деятельности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 69–72.

УДК 347.9
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.073

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Н.Г. Яковлева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Затрагиваются вопросы, связанные с назначением и производством экспертизы культурных ценностей, анализируются проблемы, связанные с экспертным анализом и оценкой произведений на подлинность, определением их историко-культурной и материальной ценности, исследуются вопросы, связанные с правовым положением лица, которое может быть привлечено для дачи заключения по вопросам отнесения предмета к культурным ценностям. Особое внимание уделено особенностям постановки вопросов эксперту, которые формулируются следователем в постановлении о назначении экспертизы культурных ценностей.

Ключевые слова: *культурные ценности, оценка произведений на подлинность, экспертиза культурных ценностей, определение стоимости предмета исследования, требования, предъявляемые к эксперту.*

Культурное наследие России насчитывает огромное количество предметов и документов, чья историческая, научная, художественная и культурная ценность признана во всем мире. Такие предметы пользуются огромной популярностью у частных коллекционеров, их рады видеть во многих музеях мира. Однако способы пополнения коллекций далеко не всегда легальны. Учитывая высокую стоимость такого рода объектов, интерес представителей криминального мира к ним остается традиционно высоким.

Особенности выявления и расследования преступлений, предусмотренных ст. 164 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], связаны со спецификой предмета преступного посягательства. В литературе выделяют следующие признаки такого рода предметов:

1) уникальность, т. е. во внимание принимается единственный и неповторимый в своем роде предмет, исключительный по своим художественным и другим качествам, являющийся большой редкостью (изготовлен ручным способом, в индивидуальном порядке);

2) старина – особую ценность имеют предметы, изготовленные не менее 70 лет назад, т. е. в прошедшую эпоху;

3) общественная, государственная значимость;

4) потребительская стоимость;

© Яковлева Н.Г., 2022

5) культурная ценность [10, с. 18–19].

Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (в ред. от 08.12.2020 г. № 429-ФЗ) [2], регламентирующий вопросы сохранения культурного наследия народов Российской Федерации и защиты культурных ценностей от незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на них, определяет, что культурные ценности – это движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение [2].

Вопрос о том, какой предмет материального мира может быть отнесен к вышеназванной категории, решается на основании соответствующего экспертного исследования. Только эксперт на основе своих знаний и в процессе проводимого им специального исследования может сделать вывод о наличии или отсутствии признаков, по которым тот или иной предмет или документ может быть отнесен (либо не отнесен) к предметам (документам), обладающим культурной ценностью.

Экспертиза решает комплекс задач, связанных с анализом и оценкой произведений на подлинность, определением их историко-культурной и материальной ценности, и заключается во всестороннем изучении произведения искусства, которое наряду с экспертом по культурным ценностям проводят реставраторы, рентгенологи, химики, технологи, графологи и представители иных точных или естественных наук с привлечением соответствующих технологий [9, с. 6–7].

Закон предъявляет достаточно специфические требования к лицу, которое выступает экспертом. Им может быть «любое лицо, обладающее необходимыми специальными познаниями в науке, технике, искусстве или ремесле, необходимыми для решения вопросов, возникающих в сфере уголовного судопроизводства. Термин «специальные знания» используется законодателем в диспозициях ст. 57, 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), определяющих процессуальное положение сведущих лиц (эксперта и специалиста); в ч. 4 ст. 80 УПК РФ упоминаются уже специальные познания, а в ст. 9 Федерального закона «О государственной экспертной деятельности в Российской Федерации» [3] указывается, что судебная экспертиза проводится по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, ремесла или искусства» [8, с. 164].

Таким образом, правовое положение лица, которое может быть привлечено для дачи заключения по вопросам отнесения предмета к культурным ценностям, фактически состоит из следующих обязательных признаков: 1) соответствие квалификационным требованиям; 2) соответствие профессиональным требованиям.

На наш взгляд, справедливо отмечено, что «процессуальное положение эксперта, обладающего специальными знаниями, включает совокупность прав и обязанностей, закрепленных в нормах уголовно-процессуального закона, а также ответственность и обстоятельства, исключающие его участие в уголовном судопроизводстве» [8, с. 166].

Кроме того, экспертиза культурных ценностей проводится на основании специальных правил, утвержденных постановлением Правительства РФ от 14.09.2020 г. № 425 [6]. Указанные правила предъявляют ряд дополнительных требований к лицу, которое вправе проводить экспертизу данного вида. Согласно п. 3. вышеназванных правил «экспертиза проводится экспертами по культурным ценностям, аттестованными Министерством культуры Российской Федерации в порядке, установленном Правилами аттестации экспертов по культурным ценностям, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 198 “Об утверждении Правил аттестации экспертов по культурным ценностям”, в соответствии с их специализацией» [5].

Экспертиза культурных ценностей, будучи весьма специфичной, отличается от многих исследований, но тем не менее должна отвечать общим принципам производства судебной экспертизы. Отмечено, что «основными принципами экспертизы произведений искусства являются: независимость эксперта; достаточность; всесторонность; достоверность. При проведении экспертизы эксперт должен быть независимым и давать заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими компетенциями ... Эксперт не может проводить экспертизу, если имеются обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично прямо или косвенно заинтересован в результатах экспертизы» [9, с. 20–21].

Особое внимание следует уделять и формулированию вопросов эксперту. Так как экспертиза культурных ценностей обладает соответствующей спецификой, следователь должен ставить вопросы, ответы на которые эксперт сможет дать достаточно четко.

Как правило, вопросы, на которые должен ответить эксперт, связаны с тем, чем является представленный на исследование предмет, когда и где он был изготовлен, обладает ли он особой культурной ценностью. Полагаем, что прежде чем назначить экспертизу культурных ценностей, следователь должен определить (думается, в этом случае необходима предварительная консультация со специалистом), какого рода перед ним объект. К примеру, особую трудность вызывает историко-искусствоведческая экспертиза советских орденов и медалей, изготовленных во второй половине XX в. Из-за многомиллионных тиражей юбилейных медалей второй половины XX в. они не обладают исторической и культурной ценностью (за исключением случаев принадлежности наград выдающимся историческим деятелям). При этом

необходимо помнить, что данный объект исследования подпадает под категорию «государственные награды СССР, РСФСР, РФ» и регламентируется ст. 17.11 КоАП РФ, ст. 347 УК РФ и Положением о государственных наградах Российской Федерации [4].

Еще одной важной составляющей экспертизы культурных ценностей является определение стоимости предмета исследования. Как правило, оно осуществляется на основе анализа рыночных цен на антиквариат. На наш взгляд, такой анализ может быть не вполне объективен, т. к. похищенные предметы не всегда могут быть объектом рыночных отношений. Поэтому при их оценивании необходимо руководствоваться специальными нормативными актами, например Информационным письмом Федерального центра судебной экспертизы при Минюсте РФ от 23 июня 2006 г. «О производстве судебно-товароведческих экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации при исследовании произведений живописи и предметов прикладного искусства», согласно которому «определение стоимости произведений живописи и предметов прикладного искусства по уголовным, гражданским, арбитражным делам и делам об административных правонарушениях проводится в рамках судебно-товароведческой экспертизы на основании положений Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ “О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации” и в соответствии с программой подготовки экспертов по экспертной специальности 19.1 «Исследование промышленных (непродовольственных) товаров, в том числе с целью проведения их оценки» [7].

Подводя итог, можно констатировать, что проблема назначения и производства экспертизы культурных ценностей на сегодняшний день демонстрирует свою многоаспектность, поэтому нами затронуты лишь отдельные вопросы, касающиеся отнесения объекта хищения к культурным ценностям. Анализ нормативно-правовых актов, регулирующих назначение и производство искусствоведческих экспертиз, позволяет говорить о том, что данные акты нуждаются в серьезной конкретизации и обновлении. Многие из существующих уже не отвечают реалиям сегодняшнего дня. Полагаем, надо активнее внедрять авторские методики исследования отдельных видов ценностей, т. к. возможность их использования ограничивается законодателем, что, в свою очередь, усложняет процесс применения новых технологий в экспертном исследовании.

Список литературы

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 15.04.1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (в ред. от 08.12.2020 № 429-ФЗ) // СПС «Гарант».

3. Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

4. Указ Президента РФ от 07.09.2010 г. № 1099 (ред. от 19.11.2021 г.) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» (вместе с «Положением о государственных наградах Российской Федерации», «Статутами орденов Российской Федерации, положениями о знаке отличия ордена Святого Георгия – Георгиевском Кресте, медалях Российской Федерации, знаке отличия «За безупречную службу», почетных званиях Российской Федерации, описаниями названных государственных наград Российской Федерации и нагрудных знаков к почетным званиям Российской Федерации») // СПС «Гарант».

5. Постановление Правительства РФ от 28.02.2019 г. № 198 «Об утверждении Правил аттестации экспертов по культурным ценностям» // СПС «Гарант».

6. Постановление Правительства РФ от 14.09.2020 г. № 1425 «Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей и направления экспертом экспертного заключения в Министерство культуры Российской Федерации, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение» // СПС «Гарант».

7. Информационное письмо Федерального центра судебной экспертизы при Минюсте РФ от 23.06.2006 г. «О производстве судебно-товароведческих экспертиз
в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации при исследовании произведений живописи и предметов прикладного искусства» [Электронный ресурс]. URL: https://rulaws.ru/acts/Informatsionnoe-pismo-Federalnogo-tsentra-sudebnoy-ekspertizy-pri-Minyuste-RF-ot-23.06.2006/ (дата обращения: 05.04.2022).

8. Кудрявцева А.В., Семенцов В.А. Судебная экспертиза в отечественном уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2021. 304 с.

9. Михайлова Т.Б. Экспертиза культурных ценностей: учебно-методическое пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 156 с

10. Мукашев Л.К. Проблемы уголовной ответственности за хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 30 с.

Об авторе:

ЯКОВЛЕВА Наталья Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1403-9892; e-mail: yakovlevang@yandex.ru

TO THE QUESTION OF THE FEATURES OF THE APPOINTMENT AND THE EXAMINATION OF CULTURAL VALUES IN THE CRIMINAL PROCESS

N.G. Yakovleva

Tver State University, Tver

The article touches upon issues related to the appointment and production of expertise of cultural values, analyzes the problems associated with expert analysis and evaluation of works for authenticity, determination of their historical, cultural and material value, examines issues related to the legal status of a person who may be involved in giving an opinion on the attribution of an object to cultural values. Special attention is paid to the specifics of asking questions to the expert, which are formulated by the investigator in the resolution on the appointment of an examination of cultural values.

Keywords: *cultural values, evaluation of works for authenticity, examination of cultural values, determination of the value of the subject of research, requirements for an expert.*

About author:

YAKOVLEVA Natalia – PhD in Law, associate professor of department of Criminal Law and Procedure Tver State University, (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 1403-9892; e-mail: yakovlevang@yandex.ru

Яковлева Н.Г. К вопросу об особенностях назначения и производства экспертизы культурных ценностей в уголовном процессе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 73–78.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 347.9
DOI: 10.26456/vtpravo/2020.3.079

СУБЪЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРУППЫ ЛИЦ: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

А.В. Афтахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу терминов, определяющих субъектов искового производства по делам о защите прав и законных интересов группы лиц в рамках гражданского судопроизводства. Автор формулирует предложения по изменению нормативно-правового регулирования в части классификации субъектов искового производства по делам о защите прав и законных интересов группы лиц.

Ключевые слова: *защита прав группы лиц, групповой (коллективный) иск, субъекты, члены группы лиц, лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц.*

Глава 22.3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [1] вводит в гражданский процесс целый ряд новых терминов, большинство из которых связаны с наименованием новых субъектов гражданского процесса, отличающихся от других специфическими правами и обязанностями. Специфика данных субъектов, прежде всего, связана с характером дел о защите прав и законных интересов группы лиц, в рамках которых формируется группа лиц на стороне истца, а защите подлежат не только коллективные, но и индивидуальные интересы каждого из членов данной группы.

Так, новыми субъектами гражданского процесса в связи с включением в ГПК РФ норм о порядке рассмотрения дел, связанных с защитой прав и законных интересов группы лиц, можно назвать членов группы лиц, а также лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц. При этом следует отметить, что члены группы лиц, согласно нормам рассматриваемой главы ГПК РФ, также подразделяются на две категории, упоминаемые в разных статьях:

1) члены группы лиц – граждане и организации, отвечающие совокупности условий, указанных в ч. 1 ст. 244.20 ГПК РФ, независимо от присоединения их к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц (ч. 2 ст. 244.20 ГПК РФ);

2) члены группы лиц, присоединившиеся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц. Исходя из общей логики, к данной группе должны относиться лица, которые не участвовали в

© Афтахова А.В., 2022

изначальной подготовке искового заявления, а присоединились к уже заявленному требованию позже, когда группа лиц из 20 участников была сформирована и обратилась в суд с групповым (коллективным) иском.

Однако рассматриваемая глава ГПК РФ содержит целый ряд норм, которые специально посвящены именно лицам, присоединившимся к требованию о защите интересов группы лиц. Так, согласно п. 3 ч. 1 ст. 244.21 ГПК РФ в исковом заявлении, подаваемом в защиту прав и законных интересов группы лиц, помимо общих сведений, характерных для всех исковых заявлений, указываются фамилии, имена и отчества лиц, присоединившихся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, место их жительства или пребывания, дата и место рождения, место работы или дата и место государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (при их наличии), а в случае, если лицом, присоединившимся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, является организация, ее наименование и адрес. Следовательно, в данном контексте предполагается, что члены группы лиц, присоединившиеся к заявленному требованию, присоединяются к нему еще до направления искового заявления в суд.

В рамках подготовки дела к судебному разбирательству суд обязан обеспечить возможность для присоединения дополнительных членов группы лиц, права и законные интересы которых также могут быть защищены в рамках соответствующего производства, путем наложения на лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, обязанности по информированию о соответствующем групповом (коллективном) иске.

Важно отметить, что ст. 244.23 ГПК РФ закрепляет права лица, присоединившегося к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, которые, по смыслу законодательства, являются идентичными по отношению к правам члена группы лиц. Важной особенностью соответствующих процессуальных конструкций является то, что по всему тексту гл. 22.3 ГПК РФ используется термин «лица, присоединившиеся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц», что предполагает, очевидно, наличие правового основания для подобного присоединения. В качестве данного основания выступает соответствующее заявление о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц.

Рассматриваемые нормы в их совокупности трактуются судами однозначно: для того, чтобы лицо выступало в качестве члена группы лиц, оно должно подать заявление о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц. Поэтому норма о том, что членами группы лиц являются граждане и организации, независимо от присоединения к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц (ч. 2 ст. 244.20 ГПК РФ), на практике не применяется, поскольку каждый член группы лиц должен предъявить в суд

соответствующее заявление, подтверждающее его присоединение к требованию, заявляемому в защиту коллективных интересов. Именно такое заявление принимается судами как основание для начала проверки принадлежности лица к данной группе.

Полагаем, что в целях обеспечения единообразного применения требований процессуального законодательства, касающихся членов группы лиц, которые принимают участие в групповом (коллективном) иске, заявляя требования о защите прав и законных интересов группы, данных лиц как субъектов гражданского процесса следует подразделить на три самостоятельные категории, закрепив для каждой определенный порядок подтверждения участия в группе, а также определенные права и обязанности.

Первой самостоятельной категорией должны являться собственно члены группы лиц, т. е. лица, которые изначально сформировали соответствующую группу лиц, обеспечивали ее численный состав (на момент обращения в суд группа должна состоять не менее чем из двадцати лиц), принимали участие в разработке процессуальной позиции, формулировке требований, сборе доказательств, оформлении и подаче искового заявления в суд и совершали иные действия, необходимые для обращения в суд с иском в защиту прав и законных интересов группы лиц. Из данной группы по общему правилу должно выбираться лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц. Исключением из этого правила является случай, когда данное лицо не является членом группы лиц, а ведет дело в интересах группы лиц в силу прямого указания, закрепленного в федеральном законе.

Для подтверждения права участия в группе лиц необходимо отнесение к членам группы лиц. Данные лица должны быть перечислены в исковом заявлении, подаваемом в защиту прав и законных интересов группы лиц (которое подписывает лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, а не все члены группы лиц). Дополнительным обоснованием членства в конкретной группе лиц является приложение к исковому заявлению документов, подтверждающих совокупность условий, которые позволяют отнести данное лицо к членам группы лиц (документы, которые подтверждают наличие правоотношения между членом группы лиц и ответчиком, сходного с правоотношениями, возникшими между другими членами группы лиц и ответчиком, и других обстоятельств).

Второй субъектной категорией по делам о защите прав и законных интересов группы лиц должны являться члены группы лиц, которые присоединились к требованию о защите интересов группы лиц. Данные лица присоединяются к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц в процессе судебного разбирательства посредством направления заявления о присоединении в суд, который рассматривает дело, или лицу, которое ведет дело в защиту интересов группы лиц. К

данному заявлению должны быть также приложены документы, подтверждающие совокупность условий, которые позволяют отнести данное лицо к членам группы (документы, которые подтверждают наличие правоотношения между членом группы и ответчиком, сходного с правоотношениями, возникшими между другими членами группы и ответчиком и другие обстоятельства).

При этом по смыслу положений ГПК РФ лицо, которое присоединилось к требованию группы лиц, приобретает свой статус с момента подачи такого заявления. После проверки судом всех фактов, на которые ссылается данное лицо, никаких специальных процессуальных действий по включению лица в число членов группы лиц не совершается. Однако, очевидно, будет изменен размер требований, предъявляемых к ответчику, поскольку меняется количественный состав группы лиц, имеющих соответствующие претензии.

Целесообразным представляется включить в нормы гл. 22.3 ГПК РФ совокупное наименование членов группы лиц, когда речь идет обо всех членах группы лиц (тех, кто являлся инициатором группового (коллективного) иска, и тех, кто присоединился к заявленным требованиям в процессе судебного разбирательства). Именно последняя категория, на наш взгляд, в содержательном аспекте должна употребляться по тексту гл. 22.3 ГПК РФ в тех случаях, когда речь идет о правах, обязанностях и порядке их реализации членами группы лиц.

Необходимо отметить, что последнее предложение, несмотря на его целесообразность и необходимость унификации терминологии гл. 22.3 ГПК РФ в целях единообразного толкования, потребует также внесения изменений в абз. 3 ч. 1 ст. 244.22 ГПК РФ относительно подтверждения полномочий лица, которое ведет дело в интересах группы лиц. В действующей редакции данной статьи указано, что лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, действует от имени группы лиц без доверенности на основании заявления о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц.

Как мы отметили выше, предполагаем, что данное лицо, во всяком случае на этапе подготовки, подписания и направления в суд искового заявления, выбирается из числа первоначальных членов группы лиц, заявление о присоединении к требованию в защиту интересов группы лиц для которых, по смыслу предлагаемых изменений, не требуется. Представляется необходимым более четко сформулировать в ГПК РФ основания возникновения полномочий лица, которое ведет дело в интересах группы лиц. Такими основаниями могут быть:

– общее собрание членов группы лиц, результат которого будет оформлен соответствующим протоколом;

– заключение соглашения группы лиц (оформляется в нотариальной форме), в котором группа лиц может закрепить кандидатуру лица,

которое будет вести дело в интересах группы лиц, а также его права и обязанности.

В рамках рассмотрения и разрешения дел о защите прав и законных интересов группы лиц суды испытывают некоторые проблемы при определении процессуального статуса членов группы лиц, не всегда пытаясь разобраться в отличиях группового (коллективного) иска от процессуального соучастия – и тот, и другой институт предполагает возникновение множественности лиц на стороне истцов. Так, например, по делу, рассмотренному Торжокским городским судом Тверской области от 25.04.2019 г. была сформирована группа граждан, которые выступали в качестве соистцов по делу о взыскании денежных средств в качестве неосновательного обогащения. Количество соистцов – 25, что соответствует численному требованию о признании данных граждан группой лиц. При этом суд рассмотрел дело по правилам простого искового производства, без учета особенностей, предусмотренных для дел о защите прав и законных интересов группы лиц, указывая, что данные граждане представляют собой множественность лиц на стороне истца.

Вместе с тем, рассматривая вопрос о взыскании судебных расходов, суд отмечает, что подан «иск о защите прав и законных интересов группы лиц (истцов)», в рамках которого судебные расходы в виде уплаты государственной пошлины понесло определенное лицо [3].

Анализируя материалы судебной практики, можно сделать вывод, что в настоящее время не все суды ознакомлены с особенностями производства по делам, связанным с защитой прав и законных интересов группы лиц, в частности, не достаточно корректно используют установленные законодателем термины. Так, некоторые суды называют членов группы лиц истцами или «остальными истцами» [2], что, безусловно, не влияет на правильность принятого решения и соответствие последнего требованиям действующего законодательства, но не отражает в полной мере процессуального статуса членов группы лиц по смыслу гл. 22.3 ГПК РФ. В соответствующих процессуальных документах, которые издаются судом, даже при проверке явки в суд участников процесса целесообразно употреблять термин «члены группы лиц», а не «истцы» или «остальные истцы».

Важно обратить внимание на то, что зачастую суды в решениях по делам о защите прав и законных интересов группы лиц пренебрегают терминологией, предложенной законодателем при формулировании соответствующих правовых норм. Так, некоторые суды называют лицо, которое ведет дело в защиту интересов группы лиц, истцом, что является грубой ошибкой и может повлечь нарушения в определении правового статуса данного субъекта гражданского процесса. В некоторых судебных решениях указывается, что лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, является представителем группы лиц, что также не верно.

Безусловно, лексически сложная конструкция «лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц» гораздо сложнее и непривычнее обычного «истца» или «представителя». Поэтому допускаем, что практическое значение имеет введение в ГПК РФ особого, более лаконичного наименования такого лица. Некоторые специалисты-практики используют при определении лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, формулировку «истец-представитель». Суды, как правило, называют такое лицо просто «истец», что не в полной мере, по нашему мнению, отражает характер правоотношений, возникших между лицом, которое ведет дело в интересах группы лиц, и членами данной группы лиц.

Таким образом, исходя из анализа теоретической конструкции субъектов-участников гражданского процесса по делам о защите прав и законных интересов группы лиц, с учетом практического применения рассматриваемых норм, можно сделать вывод о том, что предложенные законодателем термины и определения нуждаются в доработке, а механизмы формирования группы лиц и выбора лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, - в конкретизации и дополнении. Дальнейшее совершенствование процессуального законодательства в рассматриваемой сфере позволит сделать институт групповых (коллективных) исков более понятным и прозрачным, что будет способствовать его распространению и применению на практике в целях обеспечения защиты прав и законных интересов широкого круга граждан и юридических лиц.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // СПС «ГАРАНТ».

2. Решение Дмитровского городского суда Московской области от 17.12.2019 г. по делу № 2-3832/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/srMNM (дата обращения: 31.08.2022).

3. Решение Торжокского городского суда Тверской области от 25.04.2019 г. по делу № 2-288/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 31.08.2022).

Об авторе:

АФТАХОВА Александра Васильевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 5140-5804, AuthorID: 32672457, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

SUBJECTS OF PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGAL INTERESTS OF A GROUP OF PERSONS: ISSUES OF TERMINOLOGY

A.V. Aftakhova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the analysis of the terms that define the subjects of action proceedings in cases on the protection of the rights and legitimate interests of a group of persons in the framework of civil proceedings. The author formulates proposals for changing the legal regulation in terms of classifying the subjects of action proceedings in cases of protecting the rights and legitimate interests of a group of persons.

Keywords: *protection of the rights of a group of persons, group (collective) action, subjects, members of a group of persons, a person who conducts a case in the interests of a group of persons.*

About author:

AFTAKHOVA Alexandra – PhD of philosophical sciences, Associate Professor, Department of Environmental Law and Legal Support of Professional Activities of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 5140-5804, AuthorID: 32672457, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

Афтахова А.В. Субъекты защиты прав и законных интересов группы лиц: вопросы терминологии // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 79–85.

УДК 340.13
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.086

О СТРУКТУРЕ ОХРАНИТЕЛЬНЫХ НОРМ ПРАВА

А.Г. Безверхов, М.А. Никищенкова

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева», г. Самара

Анализируются основные подходы к определению структуры охранительных норм с позиций выделения логических норм права и норм-предписаний. Используется формально-юридический метод, позволяющий рассмотреть структуру охранительной нормы права с учетом действия механизма правового регулирования и особенностей юридической техники. Структура охранительных норм анализируется на основе математического приема формальной логики путем проверки истинности правовых высказываний.

Ключевые слова: *охранительные нормы права, структура правовой нормы, элементы нормы права, механизм правового регулирования.*

Рассмотрение обозначенного в названии настоящей статьи вопроса начнем с определения назначения правовой нормы. Традиционным в теоретической и отраслевой юриспруденции является подход, согласно которому норма права призвана регулировать общественные отношения [5, 9, 13]. При этом эффективность правового регулирования напрямую зависит от правильности абстрактного выражения содержания регулируемого общественного отношения в норме права, т. е. внутренняя структура права носит объективный характер, поскольку отражает реально существующую систему общественных отношений. Вместе с тем научная дискуссия о структуре нормы права свидетельствует о сложности определения ее объективного характера. Более пристальное рассмотрение позволяет выделить большое многообразие точек зрения на определение элементов нормы права и их законодательное расположение в статьях нормативных правовых актов.

В классификациях правовых норм выделяются нормы охранительные, назначение которых – охрана наиболее значимых общественных отношений. Они создаются как реакция государства на отклоняющее (вредоносное и/или опасное) поведение и содержат в себе санкции, в которых устанавливается юридическая ответственность за правонарушение.

По вопросу о структуре охранительных норм права было высказано множество научных суждений и дополняющих друг друга идей. Между тем, обобщая основные подходы к определению структуры данных правовых норм, можно выделить два концептуально различных направления: двухэлементное строение и трехэлементное строение норм права.

© Безверхов А.Г.,
Никищенкова М.А., 2022

Согласно первому из них, всякая правовая норма состоит из двух элементов: гипотезы и диспозиции, или гипотезы и санкции, или диспозиции и санкции. Основанием такого подхода выступает законодательная практика, в рамках которой статьи, закрепляющие охранительные нормы, чаще всего строятся по вышеуказанной схеме. Особенность его в том, что это исторически первая из разработанных теоретических моделей структуры нормы права. Так, дореволюционные отечественные ученые-юристы [3, 12] в определении двухэлементной структуры охранительных норм уголовного права исходили из анализа строения закона и его статей, содержащих две части: определение запрещенного деяния (диспозицию) и меру ответственности за его совершение (санкцию).

Данная тенденция сохранилась и в XX в. В.Г. Смирнов [11, с. 34] также говорил о двухэлементной структуре уголовно-правовой нормы, состоящей из гипотезы и санкции, которую он определял как диспозицию нормы, обращенной к органам власти, определяющим вид конкретного наказания за совершение преступления. По мнению Н.Д. Дурманова [4, с. 182], двухчленная структура уголовно-правовой нормы изменчива и зависти от того, к кому она адресована. Так, если норма закрепляет запрет на совершение определенных действий, т. е. обращена к отдельным гражданам, то в ее структуре обнаруживаются диспозиция и санкция, а при несоблюдении данного запрета диспозиция такой нормы становится гипотезой, т. е. элементом нормы права, определяющим условие для действия правоприменителя. Подобное определение адресата уголовно-правовой нормы предполагает обсуждение целей и характера уголовно-правового регулирования.

В соответствии с другой системой взглядов на строение правовой нормы, последняя состоит из трех структурных частей или элементов, именуемых гипотезой, диспозицией и санкцией. Данный подход, получивший широкое распространение в общей теоретической юриспруденции [2, 6, 15], лучше всего может быть выражен следующим образом: «Не может быть норм права, лишенных правил, условий их применения и не обеспеченных государственной охраной» [15, с. 48]. Основание рассмотрения двухэлементной структуры правовой нормы Л.С. Явич видел в смешении вопроса логической структуры правового предписания и его словесного выражения в статье нормативного правового акта. Вместе с тем однозначная позиция, высказанная Л.С. Явичем относительно логической структуры правовой нормы и ее словесного выражения, послужила основанием для развития дискуссии по данному вопросу. Так, С.С. Алексеев [1, с. 31] предложил различать категории «логическая норма» и «норма-предписание». Здесь первая выступает в качестве модели, образца желаемого, допустимого или запрещенного поведения, и поэтому должна определять условия реализации правила (гипотезу), суть самого правового предписания

(диспозицию) и последствия, меры, применяемые к нарушителю нормы (санкцию). Вторая, норма-предписание, рассматривается как элементарное нормативное государственно-властное веление, выраженное в статье нормативно-правового акта. Данное правило не домысливается, не выводится логическим путем, при этом норма-предписание соответствует какому-либо подразделению нормативно-правового акта: статье, части статьи, абзацу, пункту, отдельному предложению или даже его части. Структура нормы-предписания может быть выражена только двумя элементами: гипотезой и диспозицией или диспозицией и санкцией. В первом случае норма-предписание определяет, при каких условиях могут или должны быть совершены определенные деяния либо когда необходимо отказаться от определенного поведения. Во втором случае норма-предписание содержит описание признаков поведения, от которого субъект обязан воздержаться под угрозой применения наказания. И действительно, если обратиться к статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), то в них мы чаще всего обнаружим прямое законодательное изложение только двух структурных составляющих – диспозиции и санкции. При этом, как уже отмечалось ранее, ряд ученых-юристов считает, что двухэлементные нормы-предписания, закрепленные в Особенной части УК РФ, представлены не диспозицией и санкцией, а гипотезой и диспозицией. В этом случае адресатом правового предписания выступают правоохранительные органы, и диспозиция такой нормы выступает основанием реализации закрепленной в ней санкции. По нашему мнению, запрет, установленный охранительной нормой, не стоит отождествлять с нормой, которая устанавливает право или обязанность соответствующего государственного органа или должностного лица, поскольку цель уголовно-правового регулирования прежде всего не привлечь лицо к ответственности за совершенное противоправное деяние, но сформировать положительную модель правомерного поведения участников общественных отношений. В этом смысле последнее утверждение относительно структуры охранительной нормы не учитывает специфики уголовно-правового регулирования общественных отношений. Уголовно-правовые нормы, устанавливающие запрет на совершение определенного действия, осуществляют регулятивную функцию, поскольку для определения модели позитивного поведения достаточно соблюдения установленного запрета. Так, по мнению А.В. Малько, «запрещение определенного действия эквивалентно обязанности несовершения определенного действия» [7, с. 5], т. е. запрет выступает как обязанность пассивного воздержания от того или иного поведения. В этом смысле запрет на совершение определенного деяния выступает как разновидность обязанности, выраженной в пассивной форме, и формирует модель желательного или допустимого поведения

субъектов. Следовательно, анализируемая структура представлена запрещающей диспозицией и санкцией, а не гипотезой и диспозицией.

Заявленная позиция о двухэлементном составе охранительных норм, основанная на анализе статей Особенной части УК РФ, представляется недостаточно полной, т. к. ограничивается лишь формой выражения правого предписания. Соотношение нормы права и ее структурных элементов со статьей нормативного правового акта определяется на уровне категорий «содержание» и «форма», а потому и не предполагает абсолютного совпадения их объемов. В этом смысле структурные элементы нормы права, нашедшие свое выражение в нескольких статьях одного нормативного правового акта или различных нормативных правовых актах, сохраняют свое логическое единство в силу системного характера правового регулирования. К примеру, в уголовном праве системный характер норм наиболее очевиден, в смысле размещения их элементов в разных статьях уголовного законодательства. Так, широко распространенный, но не единственно возможный способ закрепления гипотезы уголовно-правовой нормы – в статьях Общей части УК РФ, определяющих деликтоспособность лица, форму вины, состояние необходимой обороны, крайней необходимости и иные условия и обстоятельства, при наличии или отсутствии которых диспозиция уголовно-правовой нормы может быть реализована. Использование ссылочного и бланкетного приема законодательной юридической техники исключает излишнюю перегруженность норм Особенной части уголовного закона и необходимость повторения общих условий действия уголовно-правовых норм. Однако представленный способ изложения гипотезы уголовно-правовой нормы права не является исключительным. Гипотеза не может быть единой для всех уголовно-правовых норм, поскольку различаются возраст уголовной ответственности, условия правомерности необходимой обороны в зависимости от характера посягательства и т. п. В отдельных случаях специфика уголовно-правовой нормы (наличие специальных условий ее действия) не исключает закрепление гипотез и в статье Особенной части УК РФ. Более того, по мнению отдельных исследователей, гипотеза уголовно-правовой нормы – это «перечень условий наступления уголовной ответственности за совершение преступления» [14, с. 49], «положение об основании уголовной ответственности, сформулированное в ст. 8 УК РФ» [8, с. 97].

Закрепление в структуре одной статьи Особенной части УК РФ гипотез и диспозиций разноотраслевых норм (например, ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств») также должно быть рассмотрено в качестве приема юридической техники, но не в контексте определения структурных элементов правовой нормы.

Таким образом, охранительная норма права представляет собой конструкцию механизма правового регулирования и не всегда может

быть представлена в одной статье нормативного правового акта или даже в одном и том же нормативном правовом акте. Тем не менее она обязательно должна быть отражена в единстве всех трех своих компонентов в системе действующего законодательства.

Вопрос о структуре правовых норм также может быть рассмотрен с позиций формальной логики и математических методов в юриспруденции. Нормы, в структуре которых выделяют либо гипотезу и диспозицию, либо диспозицию и санкцию, в виде математической формулы должны быть представлены следующим образом: Г → Д (если (гипотеза) – то (диспозиция) либо Д → С (то (диспозиция) – иначе). А трехэлементные нормы приобретают следующую форму логического суждения: (Г → Д) ∧ (¬Д → С), где (Г → Д) означает «если (гипотеза) – то (диспозиция)», ∧ – либо (или), (¬Д → С) означает «невыполнение диспозиции (нарушение предписаний) – санкция». Представленная формула не означает выделения в структуре нормы четырех элементов или рассмотрения нескольких двухэлементных норм в их взаимосвязи. Речь идет не об изменении смыслового содержания диспозиции, а о форме закрепления одного и того же правила (в виде закрепления желаемого варианта поведения – нормы управомочивающие и нормы обязывающие, либо в форме установления запрета на совершение нежелательного варианта поведения – нормы запрещающие). Так, в первой части данного утверждения речь идет о желаемом, социально значимом поведении, соответствующем правовому предписанию (Г → Д), а во второй части логического высказывания мы имеем дело уже с нарушением правового предписания, поведением субъекта, несоответствующим желаемой модели, и потому с неизбежностью вызывающем наступление правовых последствий (санкции) (¬Д → С). Сохранение в математической формуле только одного варианта выражения диспозиции привело бы к невозможности регулирования общественного отношения, т. к. допускало бы наступление санкции за выбор правомерного поведения субъекта: Г → Д → С.

Использование формы логического суждения для определения структурных элементов логической нормы права предполагает проверку истинности суждения. В своей работе «К вопросу о логической структуре нормы права» А.Э. Саак, И.Г. Иванов и Н.Б. Ельчанинова [10] приводят таблицы истинности для приведенных формул по правилам логики высказываний. В соответствии с данными правилами, отсутствующие элементы приобретают значение «0», или являются ложными, а элементы, которые присутствуют, – значение «1», или истинное. Так, с позиций формальной логики в качестве истинного мы должны признать высказывание (Г → Д = 1), при котором отсутствует гипотеза (Г = 0), но выполнена диспозиция нормы (Д = 1), что является либо невозможным с точки зрения реализации правовой нормы (нет гипотезы, а следовательно, не может быть осуществления диспозиции), либо

противоправным – лицо совершает действия, не имея на то оснований. Проверка истинности высказываний, включающих все три элемента (Г → Д) ∧ (ꓬД → С), также показывает несовпадение оценки с позиций формальной логики и механизма правового регулирования. Например, если Г = 0, т. е. отсутствует (ложно), то Д = 1, т. е. присутствует (истинно), а ꓬД = 0 (отрицание Д дает обратное логическое значение – 0), С = 0, т. е. отсутствует (ложно), то все высказывание истинно (1).

(Г	→	Д)	∧	(ꓬД	→	С)	= (Г → Д) ∧ (ꓬД → С)
(0	→	1)	∧	(0	→	0)	= 1

Однако с позиции механизма правового регулирования отсутствие гипотезы не может привести в действие диспозицию нормы права (Г → Д), а невыполнение диспозиции (ꓬД =0) с необходимостью приводит к реализации санкции (С = 1).

Используемая методика формальной логики и рассмотренные примеры доказывают, что единственным способом проверки истинности логического высказывания в праве может служить механизм правового регулирования. Именно его действие должно выступать в качестве критерия оценки структуры правовой нормы и эффективности ее реализации.

Таким образом, рассмотрение структуры охранительной нормы права позволяет сделать следующие выводы:

– структура логической нормы права представлена в единстве трех ее элементов, обеспечивающих эффективность механизма правового регулирования;

– норма права и статья нормативного правового акта должны быть рассмотрены в контексте категорий «содержание» и «форма», т. е. они тесно взаимодействуют друг с другом, но не совпадают;

– три элемента логической нормы права могут быть закреплены в одной статье нормативного правового акта, в различных статьях, а также одна статья нормативного правового акта может содержать несколько норм права.

Если структура охранительной нормы права утрачивает один из элементов, она утрачивает правовой характер. Она превращается либо в декларацию, либо в приказ. Чтобы норма имела правовой характер, могла регулировать общественные отношения, она должна иметь все три элемента. Уголовно-правовая норма, как любая правовая норма, являющаяся видом нормы социальной, без определения условия ее применения не может регулировать общественные отношения. И без санкции правовая норма, особенно уголовно-правовая, не может обеспечить эффективность правового регулирования.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.

2. Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М., 1998. 127 с.

3. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1. Общая часть. Киев: Университетская типография, 1875. 413 с.

4. Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 1. Уголовный закон. М.: Наука, 1970. 312 с.

5. Лазарев, В.В. Теория государства и права: учебник для вузов/ В.В.Лазарев, С.В. Липень. 5-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 521 с. [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/448912

6. Лившиц Р.З. Теория права: Учебник. М., 1994. 224 с.

7. Малько А.В. Правовые ограничения как принудительные средства // Атриум. Сер. «Юриспруденция». Тольятти, 1997. Вып.2. С. 5–10.

8. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. 560 с.

9. Протасов, В.Н. Теория государства и права: учебное пособие для вузов / В.Н.Протасов. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 192 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-02593-4. Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/468300.

10. Саак А.Э., Иванов И.Г., Ельчанинова Н.Б. К вопросу о логической структуре нормы права // Известия ТРТУ.- Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1998. № 1(7). С.291-295.

11. Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. Л.: Изд-во Ленинградск ун-та, 1965. 86 с.

12. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 800 с.

13. Теория государства и права: учебник для вузов / В.К. Бабаев [и др.]; под редакцией В.К. Бабаева. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 582 с. [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/468434.

14. Энциклопедия уголовного права. Т. 2. Уголовный закон. СПб: Издание профессора Малинина, 2009. 882 с.

15. Явич Л.С. Социализм: право и общественный прогресс. М., 1990. 271 с.

Об авторах:

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (443011, г. Самара, ул. академика Павлова, 1, корпус 24 Юридический институт), SPIN-код: 6357-7118; e-mail: bezverkhov-artur@yandex.ru

НИКИЩЕНКОВА Мария Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права

юридического института ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (443011, г. Самара, ул. академика Павлова, 1, корпус 24 Юридический институт), SPIN-код: 9980-2827; e-mail: nikishchenkova@yandex.ru

ON THE STRUCTURE OF PROTECTIVE NORMS OF LAW

A.G. Bezverkhov, M.A. Nikischenkova

Samara National Research University, Samara

The article analyzes the main approaches to the definition of the structure protection regulation from the standpoint of the allocation of the logical rules of law and rules, regulations; use formal legal method, which allows to consider the structure of the enforcement of the law based on the mechanism of legal regulation and characteristics of legal technology; structure protection regulation is analyzed on the basis of mathematical receiving formal logic by checking the validity of legal statements.

Keywords: *protective norms of law, structure of a legal norm, elements of a legal norm, mechanism of legal regulation.*

About authors:

BEZVERKHOV Artur – the doctor of law, professor, head of the department of theory and history of state and law and international law of the law institute of the Samara National Research University (443011, Samara, Akademika Pavlova st., 1, building 24, Law Institute), SPIN-code: 6357-7118; e-mail: bezverkhov-artur@yandex.ru

NIKISCHENKOVA Mariia – PhD in Law, associate professor of the department of theory and history of state and law and international law of the law institute of the Samara National Research University (443011, Samara, Akademika Pavlova st.,1, building 24, Law Institute), SPIN-code: 9980-2827; e-mail: nikishchenkova@yandex.ru

Безверхов А.Г., Никищенкова М.А. О структуре охранительных норм права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 86–93.

УДК 347.9
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.094

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ГРАЖДАНАМ, ИМЕЮЩИМ ТРЕХ И БОЛЕЕ ДЕТЕЙ

Ю.В. Васильчук, О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассмотрены особенности судебной защиты права на предоставление земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей. Проанализированы процессуальные особенности рассмотрения дел данной категории, участие прокурора в земельных спорах, связанных с обжалованием решений, действий (бездействия) органов местного самоуправления, выявлены основные проблемы, возникающие при исполнении судебных решений.

Ключевые слова: *рассмотрение судами отдельных категорий дел, судебная защита, право на предоставление земельных участков.*

Земельное законодательство РФ закрепляет предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, гражданам, имеющим трех и более детей, в случае и в порядке, которые установлены органами государственной власти субъектов РФ (подп. 6 ст. 39^5 Земельного кодекса РФ) [3].

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ [9] предоставление земельного участка в этих случаях выступает в качестве меры социальной поддержки, предполагает недопустимость возложения на самих граждан бремени несения дополнительных финансовых затрат, связанных с инфраструктурным оснащением предоставленных земельных участков. Земельные участки, по возможности, уже на момент их предоставления гражданам (или в течение определенного разумного срока после такого предоставления) должны быть снабжены необходимой коммунальной, транспортной и иной инфраструктурой.

Эта правовая позиция Конституционного Суда РФ актуальна и при решении вопросов, связанных с объективной невозможностью органов местного самоуправления за счет собственных финансовых средств обеспечить в полной мере соблюдение требований, предъявляемых к наличию объектов необходимой инфраструктуры на земельных участках. В законодательном порядке могут быть установлены конкретные формы финансового покрытия таких расходов в рамках межбюджетных отношений.

Субъектам РФ необходимо определить случаи и порядок предоставления земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей, в том числе определить цели, условия и порядок предоставления, размеры предоставляемых земельных участков и т. д. Соответствующие

© Васильчук Ю.В.,
Жукова О.В., 2022

правовые нормы были приняты в большинстве субъектов РФ. Например, в Тверской области действует Закон от 7 декабря 2011 г. № 75-ЗО «О бесплатном предоставлении гражданам, имеющим трех и более детей, земельных участков на территории Тверской области» [4].

С момента принятия региональных актов стала складываться достаточно противоречивая правоприменительная практика, обусловленная отсутствием требований к предоставляемым земельным участкам. Многодетные семьи были вынуждены отказываться от земельных участков по причине удаленности от места их проживания, из-за отсутствия технических возможностей подключения к инженерным сетям, транспортной инфраструктуры, социальных объектов. Это привело к неиспользованию земельных участков по целевому назначению, их продаже либо размещению объектов незавершенного строительства. Так, согласно докладу о результатах мониторинга правоприменения нормативных правовых актов в Тверской области за 2017 г. из 5 223 земельных участков, предоставленных многодетным семьям, только 8 % использовались по целевому назначению [5, с. 123].

Очевидно, что использование земельных участков для индивидуального жилищного строительства при отсутствии коммунальной, транспортной и иной инфраструктуры невозможно. В связи с этим получила распространение практика обращения прокуроров в суд с требованиями о признании незаконным бездействия органов местного самоуправления, выраженного в непринятии мер по обеспечению инженерно-техническими коммуникациями земельных участков в интересах неопределенного круга лиц либо в защиту интересов конкретной многодетной семьи.

Так, например, Серпуховский городской прокурор обратился в суд в защиту прав и интересов неопределенного круга лиц о признании незаконным бездействия администрации муниципального образования, выразившегося в том, что администрация в течение длительного времени после предоставления земельных участков многодетным семьям не обеспечила их инженерной и транспортной инфраструктурой, не построила автомобильную дорогу, обеспечивающую подъезд к земельным участкам, не организовала уличное освещение земельных участков, газоснабжение, водоснабжение и водоотведение земельных участков. Судебным решением требования прокурора были удовлетворены, на администрацию возложена обязанность в течение 6 месяцев со дня вступления решения в законную силу организовать инженерную и транспортную инфраструктуру земельных участков [12].

Интересным представляется судебное решение по иску Осташковского межрайонного прокурора в интересах многодетной семьи к администрации муниципального образования об обязании организовать строительство объектов инженерной инфраструктуры к земельному участку для индивидуально-жилищного строительства [13].

Требования прокурора были удовлетворены в полном объеме, администрацию муниципального образования обязали в определенный срок обеспечить строительство объектов инженерной инфраструктуры. Обращение прокурора было рассмотрено по правилам гражданского процессуального законодательства, поскольку прокурор, по мнению суда, обратился с иском, который относится к делам в защиту социальных прав многодетной семьи.

Вместе с тем в судебной практике можно встретить решения, в которых заявителю (многодетной семье) отказано в удовлетворении требований об обеспечении земельного участка инженерной инфраструктурой [14]. Заявитель первоначально обращался в прокуратуру, которая не нашла оснований для принятия мер прокурорского реагирования, посчитав, что в действиях администрации нет нарушений законодательства, поскольку принимаются меры для исполнения полномочий по подведению инфраструктуры к земельным участкам, предоставляемым многодетным семьям. В суде было заявлено требование о признании незаконным и необоснованным решения прокуратуры (ответа на обращение). Администрация муниципального образования была привлечена не административным ответчиком, а в качестве заинтересованного лица. В судебном решении было указано, что заявитель может повторно обратиться в суд с такими же требованиями к администрации муниципального образования.

Анализ судебной практики по данной категории дел показал, что судебная защита права на предоставление земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей, осуществляется в рамках административного судопроизводства, а именно гл. 22 Кодекса административного судопроизводства РФ [1], закрепляющей процессуальный порядок оспаривания решений, действий (бездействия) органов местного самоуправления, либо искового производства в соответствии со ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ [2] как требования в защиту социальных прав многодетной семьи. В большинстве случаев органы местного самоуправления, выступающие в качестве ответчиков по делу, указывают на невозможность обеспечения земельных участков инженерно-техническими коммуникациями, обосновывая это ограниченным размером бюджета муниципального образования [11].

С одной стороны, как утверждал М.К. Треушников, «функция суда сводится к тому, чтобы в процессе рассмотрения и разрешения каждого дела достичь верного знания о фактических обстоятельствах, характерных для спорного правоотношения, и точно применить к установленным юридическим фактам норму или ряд норм материального права, т. е. оказать судебным решением как результатом процесса защиту существующим до процесса субъективным правам, либо отказать в такой защите, если установлено отсутствие субъективного права» [7, с. 13–14].

С другой стороны, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, решение суда должно служить средством эффективной защиты нарушенного права и соответствовать принципу исполнимости судебного решения [10].

Безусловно, эффективность судебной защиты права на предоставление земельных участков многодетным семьям обусловлена, прежде всего, исполнением судебных решений по данной категории дел, что в свою очередь требует осуществления целого ряда правовых, управленческих, организационных, а главное, финансовых мер, которые позволят обеспечить рациональное использование предоставленных земельных участков. Для этого необходимо внесение изменений в законодательство субъектов РФ, определяющих условия и порядок предоставления земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей, закрепление требований к земельным участкам в части обеспечения их инженерно-техническими коммуникациями, а также определение источников финансирования расходов муниципального бюджета.

Согласимся с мнением Л.В. Тумановой о том, что важно исследовать особенности судебной защиты прав и охраняемых законом интересов во взаимосвязи материального и процессуального [6, с. 7]. Изучение специфики отдельных категорий дел помогает понять, в каком направлении следует развивать процессуальное законодательство, и одновременно выявить пробелы в материально-правовом регулировании. Судебная практика позволяет выработать подходы в применении оценочных категорий, содержащихся в правовых нормах.

Интересным является подход, реализуемый в Тульской, Новосибирской, Оренбургской областях и ряде других субъектов РФ, в которых вместо предоставления земельного участка многодетные семьи вправе получить единовременную денежную выплату или, как установлено в Ленинградской области, «земельный капитал» [8, с. 14–17].

Таким образом, многодетные семьи получают социальную поддержку на приобретение земельных участков для индивидуального жилищного строительства либо ведения личного подсобного хозяйства. В этом случае не будет поставлена под сомнение эффективность защиты их права на предоставление земельных участков.

Список литературы

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.06.2022 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

4. Закон Тверской области от 7.12.2011 г. № 75-ЗО (ред. от 29.12.2016) «О бесплатном предоставлении гражданам, имеющим трех и более детей, земельных участков на территории Тверской области» // Тверские ведомости. 2011. № 49.

5. Васильчук Ю.В. К вопросу о реализации и мониторинге правоприменения в Тверской области закона Тверской области от 7.12.2011 г. № 75-ЗО «О бесплатном предоставлении гражданам, имеющим трех и более детей, земельных участков на территории Тверской области» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 2. С. 123.

6. Судебная защита: новеллы и традиции в теории, законодательстве и правоприменении: монография / под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2021. С. 7.

7. Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. С. 13–14.

8. Харьков В.Н. Социально-монетарные формы обеспечения рационального и эффективного использования и охраны земель: региональный аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 10. С. 14–17.

9. Определение Конституционного Суда РФ от 9.11.2017 г. № 2516-О «По жалобе администрации города Барнаула на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 4 и 5 части 1 статьи 16 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.09.2022).

10. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 26.08.2020 г. № 19-КА20-4 // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.09.2022).

11. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 3.03.2020 г. по делу № 8а-3423/2020 // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.09.2022).

12. Решение Пущинского городского суда Московской области от 27.01.2020 г. по делу № 2а-36/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 01.09.2022).

13. Решение Осташковского городского суда Тверской области от 23.05.2018 г. по делу № 2-191/2018 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 01.09.2022).

14. Решение Бологовского городского суда Тверской области от 21.07.2017 г. по делу № 2а-544/2017 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 01.09.2022).

Об авторах:

ВАСИЛЬЧУК Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2840-5509; e-mail: Vasilchuk.YV@tversu.ru

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

ABOUT SOME ISSUES OF JUDICIAL PROTECTION OF LAW FOR THE PROVISION OF LAND PLOTS FOR CITIZENS WITH THREE OR MORE CHILDREN

Yu.V. Vasilchuk, O.V. Zhukova

Tver State University, Tver

The article considers the features of judicial protection of the right to grant land plots to citizens with three or more children. The authors analyzed the procedural features of the consideration of cases of this category, the participation of the prosecutor in land disputes related to the appeal of decisions, actions (inaction) of local self-government bodies, identified the main problems arising in the execution of court decisions.

Keywords: *consideration by courts of certain categories of cases, judicial protection, the right to grant land plots.*

About authors:

VASILCHUK Yulia – PhD in Law, associate professor, head of the department of environmental law and legal support of professional activity Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 2840-5509; e-mail: Vasilchuk.YV@tversu.ru

ZHUKOVA Olesya – PhD in Law, associate professor, head of the department of judicial power and law enforcement Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Васильчук Ю.В., Жукова О.В. О некоторых вопросах судебной защиты права на предоставление земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 94–99.

УДК 339.194
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.100

НАПРАВЛЕНИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

А.Б. Вобликов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются актуальные проблемы уголовного законодательства в сфере таможенного дела, направления его совершенствования. Анализируются нормы законодательства, определяющие параметры определения крупного и особо крупного ущерба, причиненного таможенными преступлениями, необходимость их изменения.

Ключевые слова: *преступления в сфере таможенного дела, таможенные преступления, ущерб, причиненный преступлением, крупный и особо крупный ущерб, параметры определения крупного и особо крупного ущерба.*

Президент РФ В.В. Путин, выступая на Петербургском международном экономическом форуме 17 июня 2022 г., указал на необходимость устранения несоответствия норм уголовного законодательства жизненным реалиям. Такое несоответствие содержится в параметрах определения крупного и особо крупного ущерба по экономическим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1]. Данные параметры подлежат пересмотру с учетом 50 % накопленной инфляции.

Уголовное законодательство содержит нормы, предусматривающие ответственность за две существенно различающиеся между собой группы таможенных преступлений [5]. Первая группа связана с нарушениями, выявленными таможенными органами в ходе осуществления возложенных на них видов государственного контроля (таможенного, радиационного, валютного, экспортного, транспортного). Это все виды контрабанды (ст. 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ), незаконный экспорт из РФ или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ст. 189 УК РФ), невозвращение на территорию РФ культурных ценностей (ст. 190 УК РФ), уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ), совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193.1 УК РФ) и уклонение

 © Вобликов А.Б., 2022

от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ). Вторая группа непосредственно не связана с нарушениями таможенных правил и относится к экономическим преступлениям (незаконное использование товарного знака, незаконное предпринимательство, легализация имущества, полученного преступным путем), сюда относятся взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, т. е. должностные преступления, а также такие преступления, как незаконный оборот оружия, наркотиков, организация преступного сообщества.

Определение крупного и особо крупного ущерба по статьям УК РФ о преступлениях в сфере таможенного дела, безусловно, нуждается в совершенствовании.

Статья 174 УК РФ предусматривает ответственность за легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем в крупном размере (ч. 2), в особо крупном размере (ч. 4). В соответствии с примечанием к данной статье совершенными в крупном размере финансовые операции и другие сделки признаются, если они произведены на сумму, превышающую один миллион пятьсот тысяч рублей, а в особо крупном размере – шесть миллионов рублей [1]. Эти параметры применяются и к ст. 174-1 УК РФ об ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления.

Уголовная ответственность предусмотрена за уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ) в крупном размере. Квалифицирующий признак – совершение деяния в особо крупном размере. При этом крупный размер – сумма, превышающая шесть миллионов рублей невозвращенных денежных средств по однократно или неоднократно проведенным в течение одного года валютным операциям. Особо крупный размер – сумма, превышающая тридцать миллионов рублей невозвращенных денежных средств по однократно или неоднократно проведенным в течение одного года валютным операциям.

Таможенным преступлением является незаконный перевод денежных средств за рубеж, сопровождаемый заключением мнимых сделок и предоставлением подложных документов – нарушение валютного законодательства (ст. 193.1 УК РФ). Оно выявляется таможенными органами при осуществлении валютного контроля [3]. Таможенные органы наделены процессуальным правом возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, и проведения неотложных следственных действий [2]. По ч. 2 ст. 193.1 УК РФ квалифицируется данное деяние, совершенное

в крупном размере, а по ч. 3 ст. 193.1 УК РФ – совершенное в особо крупном размере.

Совершенными в крупном размере деяния признаются при незаконном переводе денежных средств на сумму, превышающую шесть миллионов рублей однократно или неоднократно по валютным операциям, проведенным в течение одного года. Особо крупным размером признается незаконный перевод денежных средств на сумму, превышающую тридцать миллионов рублей.

Диспозицией ст. 194 УК РФ предусмотрен крупный размер суммы неуплаченных таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица. Крупный размер – превышающая один миллион рублей сумма неуплаченных таможенных платежей за перемещенные через таможенную границу товары в одной или нескольких товарных партиях. Квалифицирующим обстоятельством является особо крупный размер – превышающая три миллиона рублей сумма неуплаченных таможенных платежей за перемещенные через таможенную границу товары в одной или нескольких товарных партиях.

Уголовная ответственность за контрабанду наличных денежных средств (ст. 200.1 УК РФ) предусмотрена за незаконное перемещение через таможенную границу наличных денежных средств и денежных инструментов в крупном размере, а квалифицированный состав – в особо крупном размере (ч. 2 ст. 200.1 УК РФ). Установление крупного и особо крупного размера регламентировано Примечаниями к ст. 200.1 УК РФ. Крупным признается перемещение денежных средств, превышающих двукратный размер не подлежащей письменному декларированию суммы (в настоящее время это сумма эквивалентная 10 000 долларов США). Особо крупный размер – пятикратное превышение суммы, которая не подлежит письменному декларированию при перемещении наличных денежных средств через таможенную границу. Исчисление производится с вычетом суммы, не подлежащей письменному декларированию, а также наличных денежных средств (инструментов), указанных в декларации.

Уголовно наказуемой признается контрабанда алкогольной продукции и табачных изделий в крупных размерах – стоимость предмета контрабанды превышает 250 000 рублей (приложение к ст. 200.2 УК РФ). В стоимость не включается задекларированный товар или товар в количестве не обязательном для письменного декларирования (в настоящее время, например, это 3 литра алкогольной продукции или 200 сигарет, ввозимых для личного пользования).

При исследовании содержания ст. 226.1 УК РФ о контрабанде, с точки зрения необходимости корректировки параметров крупного и особо крупного ущерба, следует выделить такие предметы контрабанды, как стратегически важные товары, стратегически важные ресурсы, стратегически важные ресурсы флоры и фауны, а также культурные

ценности. Стоимость иных предметов контрабанды для квалификации деяния по ст. 226.1 УК РФ значения не имеет. Стратегически важные товары в соответствии с Постановлением Правительства РФ – это спирт, драгоценные металлы, изделия из них, изделия из драгоценных камней и природного жемчуга, черные и цветные металлы и их отходы, вещества, разрушающие озоновый слой и содержащая их продукция [4]. К стратегически важным ресурсам отнесены мясо, рыба, уголь, нефть, газ, пушнина, драгоценные камни. Экспорт из России стратегически важных товаров и ресурсов без контроля и ограничений может послужить причиной возникновения угрозы экономической безопасности страны. Контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов, стоимость которых превышает один миллион рублей, признается совершенной в крупном размере. Несколько иначе определяется крупный размер при незаконном перемещении отдельных видов дикой фауны и флоры (например, медведь бурый, медведь гималайский, медведь белогрудый, кабарга), а также некоторых видов лесоматериалов. Крупным размером для этих предметов контрабанды является их стоимость, превышающая сто тысяч рублей [5]. Незаконное трансграничное перемещение культурных ценностей может быть квалифицировано как контрабанда культурных ценностей в крупном размере, если их стоимость превышает 100 000 рублей. Необходимость и обоснованность экономического признака стоимости культурных ценностей с момента его введения в законодательство о контрабанде вызывает сомнения [4]. Культурные ценности являются бесценными для духовной безопасности общества. Определение стоимости культурных ценностей зачастую невозможно ввиду их уникальности и отсутствия рыночных аналогов.

Параметры определения крупного и особо крупного размера ущерба, причиненного преступлениями в сфере таможенного дела (таможенными преступлениями), должны быть пересмотрены в соответствии с жизненными реалиями. Однако представляется необходимым не только не увеличивать, но и полностью исключить для квалификации контрабанды признак крупного размера незаконно перемещаемых культурных ценностей и незаконного перемещения отдельных видов дикой фауны и флоры, поскольку их значимость не должна оцениваться в денежном эквиваленте. Актуализация уголовного законодательства о преступлениях в сфере таможенного дела должна быть осуществлена не только корректировкой параметров определения крупного и особо крупного размера ущерба причиненного преступлениями, но и пересмотром в сторону увеличения сумм штрафов, предусмотренных санкциями за совершение таможенных преступлений.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Правительства РФ от 13.09.2012 г. № 923 (ред. от 26.04.2022) «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Вобликов А.Б., Никольская А.Г. Основы квалификации преступлений в сфере таможенного дела: учебное пособие. СПб.: Троицкий мост, 2017. 256 с.

Об авторе:

ВОБЛИКОВ Андрей Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь ул. Желябова, 33); SPIN-код:7021-8090; e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

DIRECTIONS OF UPDATING THE CRIMINAL LEGISLATION ON CRIMES IN THE FIELD OF CUSTOMS AFFAIRS

A.B. Voblikov

Tver State University, Tver

The current problems of criminal legislation in the field of customs affairs, the directions of its improvement are considered. The article analyzes the norms of legislation defining the parameters for determining large and especially large damage caused by customs crimes, the need to change them.

Keywords: *crimes in the field of customs, customs crimes, damage caused by a crime, large and especially large damage, parameters for determining large and especially large damage.*

About author:

VOBLIKOV Andrey – PhD of philosophy, associate Professor, Department of constitutional, administrative and customs law, Tver state University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100); SPIN-код:7021-8090, e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru.

Вобликов А.Б. Направления актуализации уголовного законодательства о преступлениях в сфере таможенного дела // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 100–104.

УДК 343.2/.7
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.105

ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СУДОМ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА МЕНЕЕ ТЯЖКУЮ (АНАЛИЗ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ)

Ю.А. Дронова, Н.О. Огаркова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются цели включения в 2011 г. в УК РФ ч. 6 ст. 15, предоставляющей суду полномочие по изменению категории преступления на менее тяжкую. Указывается на соответствие данного дополнения УК тенденции гуманизации российского уголовного законодательства . Проводятся параллели с таким уголовно-правовым институтом в США как «сделка со следствием», а именно, с той ее разновидностью, которая предполагает изменение объема обвинения или квалификацию деяния по норме, предусматривающей иное менее тяжкое преступление. Далее приводятся статистические данные о практике применения ч. 6 ст. 15 УК РФ за последние 5 лет и дается их количественный анализ в динамике в привязке к обозначенным целям рассматриваемого положения УК РФ.

Ключевые слова: *категория преступления, изменение категории, гуманизация уголовного законодательства, правоприменительная практика, смягчение наказания.*

Уже в начале двухтысячных российское уголовное законодательство стало активно реформироваться, несмотря на то, что на тот момент Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) 1996 г. (вступивший в силу с 01.01.1997 г.) с полным основанием еще называли новым УК, соотнося его в этом смысле с Уголовным кодексом РСФСР 1960 г. Изменения и дополнения в него вносились как точечные, так и имеющие характер целого «пакета». Например, известный Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ [1]. Основные векторы этого реформирования являются разнонаправленными, но, безусловно, одним из них выступает вектор гуманизации российской уголовной политики и уголовного законодательства.

Так, в 2009 г. в УК РФ были включены нормы о возможности смягчения наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Специалисты связали эту новеллу с использованием зарубежного опыта нашим законодателем, в частности, много писали об аналогии между американским понятием «сделка с правосудием» или «сделка со следствием» и российским понятием «досудебное соглашение

© Дронова Ю.А.,
Огаркова Н.О., 2022

о сотрудничестве». В специальной литературе отмечается, что в американском правосудии существует два вида сделок со следствием. Первая разновидность – это такие сделки, которые имеют своей целью достижение договоренности относительно смягчения наказания. Второй вид – это сделки, которые имеют своей целью договоренность относительно выдвинутых обвинений. В ряде случаев последствием сделки может стать изменение объема обвинения и даже квалификация деяния по той норме, которая предусматривает иное менее тяжкое преступление, нежели то, которое фактически совершило лицо.

Когда в российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство были внесены дополнения, связанные с возможностью заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, специалистами это было сопоставлено именно с той разновидностью американской сделки со следствием, которая имеет своей целью договоренность относительно применимого наказания, поскольку согласно ст. 62 УК РФ в случае заключения соглашения о сотрудничестве максимальный предел наказания понижается относительно того максимального предела, который указан в санкции соответствующей статьи особенной части УК РФ.

А вот когда в 2011 г. ст. 15 УК РФ была дополнена ч. 6, согласно которой суд получал право изменить категорию преступления на одну ступень вниз, специалисты увидели в этом параллели и со вторым видом сделок со следствием в американском законодательстве, последствием которых может стать изменение даже объема обвинения. Безусловно, это не прямая аналогия, поскольку все же квалификация деяния по иной статье Особенной части УК РФ, нежели та, которая действительно предусматривает ответственность за совершенное лицом преступление, по российскому уголовному законодательству невозможна. И это представляется совершенно правильным. Такая возможность была бы в российских правовых реалиях совершенно неестественной и неоправданной, даже с учетом целей компромисса и гуманизации в уголовном законе.

Однако, изменение категории преступления на менее тяжкую порождает изменение столь значительного количества уголовно-правовых последствий, что действительно определенные параллели с американским вариантом были уместны. При этом, ч. 6 ст. 15 УК РФ напрямую не связывает возможность изменения судом категории преступления с сотрудничеством обвиняемого со следствием, однако устанавливает, что это возможно при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих его обстоятельств.

Когда появились первые публикации относительно планирования данного изменения в УК РФ, среди специалистов это вызвало бурные обсуждения. Одним из основных акцентов в них были опасения по поводу коррупциогенного характера этой нормы, как и в любом случае,

когда норма предусматривает дискреционные полномочия суда, тем более влекущие столь серьезные последствия, поскольку изменение категории, как уже упоминалось, оказывает влияние на решение весьма значительного количества вопросов, имеющих уголовно правовое значение.

Текст пояснительной записки к соответствующему законопроекту, прямо скажем, не особенно детально раскрывал замысел законодателя. Указывалось, что в целом законопроект направлен на дальнейшую гуманизацию уголовного законодательства. А собственно исследуемое изменение обосновывалось следующим образом: «Изучение судебной практики показало, что суды во многих случаях за преступления средней тяжести с учетом обстоятельств дела и личности осужденного назначают наказание в виде лишения свободы, не превышающего двух лет. В то же время считается, что такой осужденный совершил преступление средней тяжести, и для него наступают соответствующие правовые последствия. В связи с этим в целях индивидуализации наказания и вынесения справедливых приговоров предлагается наделить суд полномочием при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления» [3]. Не вполне понятно, почему авторы законопроекта в обосновании ограничились лишь указанием на один вариант изменения категории преступления со средней тяжести на небольшой тяжести, но тренд на гуманизацию ими был прямо обозначен.

Публикация текста законопроекта несколько охладила пыл дискуссий о возможной коррупционной составляющей планируемой ко введению нормы УК РФ. Стало понятно, что суд будет принимать решение об изменении категории преступления только тогда, когда определит размер наказания.

Тем не менее, наличие подобной нормы в уголовном законодательстве РФ до сих пор достаточно активно критикуется в специальной литературе. В качестве аргументов приводятся как соображения о том, что подобное полномочие суда дает основание для излишне широкого судейского усмотрения и является коррупциогенным, так и то, что при наличии в уголовном законе абсолютно четких критериев для определения категории преступления наделять суд подобным полномочием нецелесообразно, поскольку при его реализации происходит по сути изменение судебными органами правил, которые установлены органом законодательной власти.

Однако, как бы то ни было, норма появилась в уголовном законе и правоприменителю надлежало осмыслить правила ее применения. Сразу возникли проблемы с ее реализацией, как и во многих других случаях связанные со сложностями толкования уголовного закона. Как отмечается в публикациях, «условия изменения категории преступления

изложены законодателем достаточно поверхностно» [4, с. 54–59]. Несмотря на то, что в 2018 г. Пленум Верховного Суда РФ (далее – ПВС РФ) принимает специальное постановление, посвященное данному вопросу [2], где разъясняет судам определенные моменты, связанные с применением этой нормы, и указывает на необходимость рассматривать вопрос об изменении категории преступления по каждому уголовному делу, это не сняло всех проблем и сложностей.

Вопросы, связанные с необходимостью уточнения как в законе, так и в указанном Постановлении ПВС РФ условий и правил применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, продолжают широко дискутироваться в юридической литературе. Однако, с учетом названия настоящей публикации хотелось бы остановиться на вопросах соотношения того, каким было целеполагание при включении данной нормы в УК РФ, и каким образом формируется практика ее применения вплоть до настоящего времени с учетом того что она существует в российском УК уже 10 лет.

Статистические данные, которые публикуются на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, дают возможность определить, к какому количеству лиц ежегодно применяется данная норма [6]. Причем это возможно сделать как просто в разрезе общих цифр за каждый год, так и по отдельным видам преступлений. Для большей иллюстративности, а также чтобы иметь возможность проследить динамику применения ч. 6 ст. 15 УК РФ до и после принятия указанного выше постановления ПВС РФ, возьмем цифры за последние 5 лет (таблица и рис. 1).

Таблица

Количество осужденных, в отношении которых судом была изменена категория тяжести совершенного преступления (ч. 6 ст. 15 УК РФ) за период с 2017 г. по 2021 г.

Виды преступлений	Статья УК РФ	1 полугодие 2021 года	1 полугодие 2020 года	1 полугодие 2019 года	1 полугодие 2018 года	1 полугодие 2017 года
всего осуждено лиц		601148	247322	307351	338930	1865304
		Изменение судом категории тяжести, совершенного преступления (по числу лиц) (ч. 6 ст. 15 УК РФ)				
ВСЕГО		6 987	1 942	2 197	1 539	4549
Убийство без смягчающих обстоятельств	105	11	7	10	7	11
Иные посягательства на жизнь человека	106-110.2	8	1	2	9	16

Умышленное причинение тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью	111, 112	177	62	99	95	66
Иное причинение тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью и истязания	113, 114, 117, 118	13	8	2	16	26
Изнасилование	131	3	6	4	8	3
Иные посягательства против половой неприкосновенности и половой свободы личности	132-135	54	27	29	18	22
Кража	158	4 758	954	937	469	218
Мелкое хищение	158.1	0	0	0	0	1
Мошенничество	159, 159.1-159.6	260	98	127	92	44
Присвоение или растрата	160	150	52	61	46	32
Грабеж	161	181	106	125	122	73
Разбой	162	36	17	38	27	15
Вымогательство	163	26	3	15	18	18
Неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения	166	220	97	106	63	33
Преступления в сфере экономики	169-200.6	56	22	34	26	22
Коммерческий подкуп	204	4	0	1	1	0
Террористический акт	205	0	0	0	0	0
Содействие террористической деятельности, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, захват заложника	205.1-205.6, 206	5	4	1	2	1
Заведомо ложное сообщение об акте терроризма	207	0	1	1	1	0

Бандитизм, организация незаконных формирований, банд и преступных организаций или участие в них	208-210.1	2	0	3	0	0
Хулиганство	213	5	0	0	3	0
Незаконные действия с оружием	222-226.1	59	34	46	50	30
Нарушение правил охраны труда и безопасного производства работ	143, 215, 216-219	0	0	0	1	0
Незаконные действия с наркотическими средствами и психотропными веществами	228-234.1	527	277	321	228	129
Экологические преступления	246-262	67	42	32	20	6
Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта	263-271.1	26	13	11	5	10
Преступления экстремистской направленности	280, 280.1, 282-282.3	1	0	1	1	2
Незаконное участие в предпринимательской деятельности	289	0	0	0	0	0
Получение взятки	290	14	5	7	13	10
Дача взятки	291	46	6	6	2	3
Мелкое взяточничество	291.2	0	0	1	0	61
Другие преступления против интересов службы в органах власти и местного самоуправления	285-288, 291.1, 292-293	116	40	68	82	2
Преступления против лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, других представителей власти	294-298.1, 317-321	15	3	5	11	0

Рис. 1. Динамика изменения судом категории тяжести совершенного преступления (по числу лиц)

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что после принятия постановления ПВС РФ в 2018 г. существенно снизилось количество лиц, по уголовным делам в отношении которых суды изменили категорию преступления. Основанием для этого, вероятно, явилась определенная дополнительная формализация Пленумом условий применения ч. 6 ст. 15 УК РФ. Вместе с тем, в 2021 г. отмечается существенный рост количества таких лиц с 1 942 за первое полугодие 2020 г. до 6 987 за аналогичный период 2021 г. Анализ по видам преступлений позволяет однозначно утверждать, что произошедший скачок практически в полной мере обусловлен применением ч. 6 ст.15 УК по уголовным делам о кражах. За первое полугодие 2020 г. суды изменили категорию преступления на менее тяжкую в отношении 954 лиц, совершивших кражи, а за аналогичный период 2021 г. – в отношении 4 758, т. е. произошло увеличение почти в пять раз. Этот факт можно констатировать, однако, четко определить его возможные причины на сегодняшний день достаточно сложно.

Безусловно, одним из наиболее иллюстративных аспектов, которые можно продемонстрировать с помощью статистических данных, является удельный вес количества лиц, к которым суды посчитали обоснованным применение ч. 6 ст. 15 УК РФ, в общем количестве лиц, в отношении которых судами были рассмотрены уголовные дела (рис. 2).

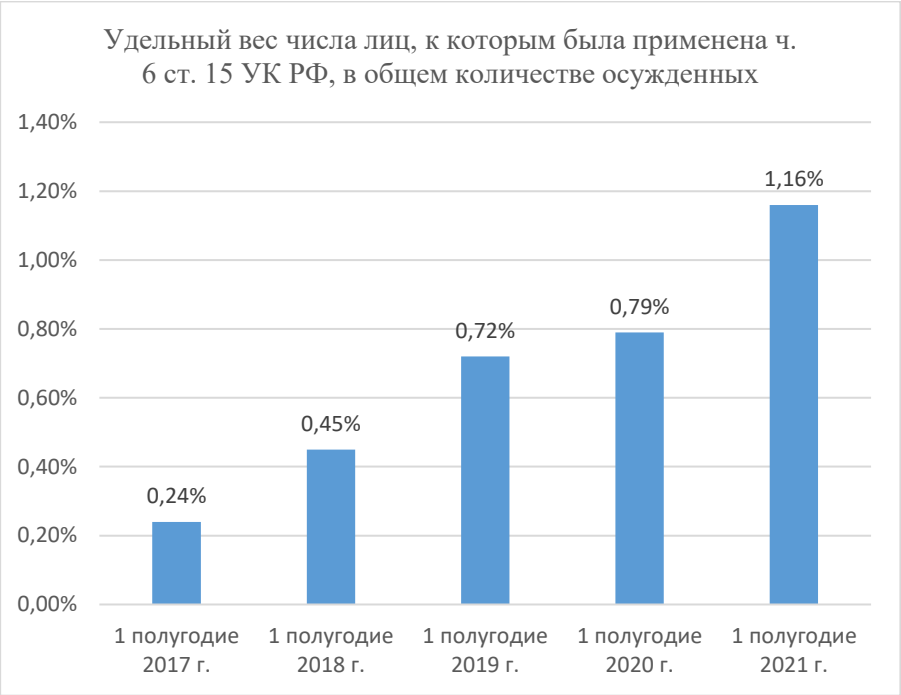

Рис. 2. Удельный вес осужденных, которым судом была изменена категория совершенного преступления, в общем количестве осужденных за период с 2017 по 2021 гг.

Кроме удельного веса интересным показателем представляется частота применения исследуемой нормы при обработке массива судебных решений, размещённых на специальных ресурсах. Для наглядности посмотрим на этот вопрос в региональном разрезе. Так, анализ судебных актов, вынесенных судами Тверской области и размещенных на ресурсе СудАкт.ру в 2021–2022 гг. [5], свидетельствует о том, что при обработке сплошного массива в 500 уголовных дел ни в одном из случаев суд не нашел оснований для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, т. е. посчитал что изменение категории преступления на менее тяжкую не является обоснованным.

Таким образом, статистические данные и их анализ, которые приведены в настоящей публикации, позволяют сделать вывод о том, что применение нормы УК РФ об изменении судом категории преступления на менее тяжкую является крайне редким явлением в практике рассмотрения российскими судами уголовных дел. Представляется, что с учетом рассмотренных в начале статьи целей включения данной нормы в УК РФ можно констатировать определенный диссонанс между ними и сформировавшийся практикой применения ч. 6 ст. 15 УК РФ. Возможно, рост количества случаев применения данной нормы, который произошел

в 2021 г., сохранится как тенденция, но, в целом, представляется, что решения законодателя, направленные на гуманизацию уголовного закона, при условии их тщательной проработки и взвешенного принятия должны находить больший отклик в деятельности правоприменителя, поскольку в противном случае их целесообразность можно подвергнуть обоснованным сомнениям.

Список литературы

1. Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011 г.) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Пояснительная записка к законопроекту № 559740-5 (Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству) [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/559740-5 (дата обращения: 15.09.2022).

4. Ермакова О.В. Изменение судом категории преступления: сущность правомочия и обоснованность его закрепления в свете существования концепции общественной опасности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2 (88). С. 54–59.

5. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 15.09.2022).

6. Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 15.09.2022).

Об авторах:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

ОГАРКОВА Наталья Олеговна – старший преподаватель кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33); SPIN-код: 3865-1541; e-mail: Ogarkova.NO@tversu.ru

PROBLEMS OF COMPLIANCE WITH GOAL-SETTING AND THE PRACTICE OF APPLICATION OF THE NORMS OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON CHANGE OF THE CATEGORY OF CRIME TO A LESS SEVERE BY THE COURT (ANALYSIS USING STATISTICAL DATA)

Yu.A. Dronova, N.O. Ogarkova

Tver State University, Tver

The article analyzes the goals of inclusion in 2011 in the Criminal Code of the Russian Federation, part 6 of Art. 15, which gives the court the power to change the category of crime to a less serious one. It is indicated that this addition to the Criminal Code corresponds to the trend of humanization of Russian criminal legislation. Parallels are drawn with such a criminal law institution in the United States as a "deal with the investigation", namely, with its variety, which involves a change in the scope of the charge or the qualification of an act according to a norm providing for a different less serious crime. The following are statistical data on the practice of applying Part 6 of Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation for the last 5 years and their quantitative analysis is given in dynamics in relation to the designated goals of the provision of the Criminal Code of the Russian Federation under consideration.

Keywords: *category of crime, category change, humanization of criminal legislation, law enforcement practice, mitigation of punishment.*

About authors:

DRONOVA Julia – PhD in Law, associate professor of the department of criminal law and procedure of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

OGARKOVA Natalya – senior lecturer of the department of in environmental law and legal support of professional activity of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33); SPIN-code: 3865-1541; AuthorID: 1065615; e-mail: ogarkova_n@mail.ru

Дронова Ю.А., Огаркова Н.О. Проблемы соответствия целеполагания и практики применения нормы Уголовного кодекса Российской Федерации об изменении судом категории преступления на менее тяжкую (анализ с использованием статистических данных) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 105–114.

УДК 34.06
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.115

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ О ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ[1]

Н.Н. Тарусина

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

Предлагаются размышления об этической некорректности, психологической дискомфортности либо небрежности, допускаемых российским законодателем при конструировании нормативно-правовых предписаний (при использовании терминов, терминологических конструкций, попытках дефинирования понятий). Образцы подобного рода обнаружены, в силу строго определенных научных интересов автора, в законодательстве социальной сферы – в широком ее значении (семейном, трудовом, страховом, медицинском). Среди прочего обращается внимание на своеобразные проявления при терминологическом обеспечении текстов гендерных стереотипов и неточностей.

Ключевые слова: *термины, российское законодательство, этика, гендер, психологический дискомфорт, некорректность смыслов.*

«Casus belli» к предлагаемым размышлениям явились несколько предпосылок. Первая: интеллектуальный и эмоциональный протест относительно гендерной дискриминации в терминологическом поле. Вторая: контрэтический подход к некоторым терминологическим смыслам. Третья, сугубо факультативная: ироничная подача проблемы гендерного филологического равенства в книге Барнса «Как все было»[2]. В статье, что следует уже из ее названия, мы не преследуем цели систематизации терминологических «неурядиц» и вариантов их преодоления – мы лишь акцентируем внимание на некоторых аспектах проблемы.

Очевидно, что юридический мир, мир законодательства и правоприменительной практики не имеет невербальной формы существования: слово пронизывает пространство права, придавая ему реальность бытия, формируя положительные (или отрицательные) векторы правосознания российских граждан – профессионалов и не профессионалов.

При этом российское законодательство в своем терминологическом и онтологическом бытии унаследовало немало обыкновений

[1] Исследование выполнено в рамках Программы развития ЯрГУ, проект № П2-К-1-Г-2/2021.

[2] «Стюарт внес предложение: поскольку мужской род звучит неточно, или оскорбительно, или и то и другое, а употреблять обе формы с союзом «или» громоздко и непривычно, напрашивается решение – пользоваться в таких случаях множественным числом: «Кто-нибудь подумали», «Никого не пришли» [9, с. 18].

© Тарусина Н.Н., 2022

законодательства советского периода. Сама по себе подобная рецепция, преемственность составляет одну из закономерностей эволюции права. Однако очевидно, что не всякая рецепция является для правовой системы благом. Так, например, результат анализа терминологических решений российского законодателя свидетельствует о его преемственности в вопросе активного использования нравственных конструктов, придания им юридического, хотя нередко и сугубо декларативного значения, – при одновременном внедрении в нормативную ткань этически сомнительных терминов.

Для нашего законодателя также характерно безразличное отношение, хотя и не тотальное, к гендерному смыслу слов и словосочетаний. Наконец, в пространстве филологии права встречаются конструкции, способствующие если не подрыву, то, по крайней мере, ослаблению целеполагания правовых норм. В этом смысле особая дискомфортность наблюдается в сфере законодательства (на уровне отрасли права или отдельных ее правовых институтов) социальной направленности – социально-обеспечительном, трудовом, семейном, наследственном, медицинском. При этом означенные проблемы обновляются усилиями и современных российских творцов нормативных правовых актов.

Первое конкретное размышление – об этичности и психологической комфортности (собственно, дискомфортности) некоторых юридических терминов именно в социальной сфере. Так, в норме ст. 4 Федерального закона «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [6] употребляется формулировка «срок дожития». Согласитесь, что циничнее словосочетания придумать сложно. В противовес означенной терминологической конструкции в Постановлении Правительства РФ от 02.06.2015 г. № 531 «Об утверждении методики оценки ожидаемого периода выплаты накопительной пенсии» (в редакции от 26.03.2020 г.) [9] используется вполне корректное словосочетание (хотя, возможно, и не идеальное): «ожидаемая продолжительность предстоящей жизни». Конечно, прямая и публичная констатация, что человек не вечен, не всем приятна (несмотря на ее очевидность). Однако при этом Правительство все же избегло явного филологического цинизма и равнодушия. Разумеется, можно предположить, что законодатель в первом образце руководствовался соображением технико-юридической целесообразности, однако последняя далеко не всегда должна находиться в приоритете – в юридической и социальной практике в целом представлены и другие ценности.

Еще один «иллюстрант» предлагается гражданским (наследственным) законодательством: в норме ст. 1150 Гражданского кодекса РФ [1] сообщается о правах «пережившего супруга». Ни единого раза не встретила в цивилистической литературе сомнения относительно этичности и комфортности означенной конструкции. А ведь и внешне, и по смыслу она выглядит страшновато, в духе Хичкока…

Почти ни у кого не вызывает сомнений и правомерность использования словосочетаний «одинокая женщина» и «одинокая мать» (вариация – «мать-одиночка»), данного нам, в порядке преемственности [19, с. 72], законодательством 40-х годов XX века[3]. В частности, первое активно употребляется в нормах ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [7]: «Одинокая женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий…» (п. 3; см. также п. 9). (В Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) предлагается другая филологическая конструкция: «В случае рождения ребенка у матери, не состоящей в браке…» – п. 3 ст. 51.) Второе прописано в трудовом законодательстве (ст. 261, 263 Трудового кодекса РФ). Видимо, законодатель (а также и политики со времен означенного указа) подсознательно выстроил данную терминологическую формулу на основе квазитрадиционных представлений об «одиночестве» женщины вне брака – в отличии от мужчин, в отношении которых термин «одинокий» не употребляется (и, предполагаем, не мыслится) [17, с. 142].

В связи с этим следует также подчеркнуть, что метафоричность юридических терминов – и зло, и благо [13, с. 11–19]. При этом скорее благо, если она используется в сфере юридической науки[4] и практики (до известных пределов), и скорее зло, когда метафора проникает (а иногда даже диктует смыслы) на территории правотворчества.

По-прежнему вызывает оторопь (по крайней мере у автора статьи) термин «суррогатная мать» (ст. 55 уже упоминавшегося ФЗ и др.). Целевая направленность предлагаемого текста не позволяет (скорее не предполагает) высказаться по существу самого института – об этом немало «сломано копий» как в юридической науке, так и в прикладной юриспруденции, включая конституционное правосудие и законотворчество, однако филологический, этический и психологический контексты вопиют, по меньшей мере, к размышлению, а, в принципе, и к поиску замещающей терминологии, т. к. действующий вариант неукоснительно и с очевидностью вызывает ассоциацию с «инкубатором» и торговлей детьми. Кстати, в норме п. 4 ст. 51 СК РФ [3] равновесно используются две формулы – «суррогатная мать» и «женщина, родившая ребенка».

---

[3] В частности, см. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня”, учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» [8].

[4] Наша статья (и в целом стилистика автора) является в этом плане полем для дискуссии о допустимых пределах метафоричности, изобретения «новослов», устойчивости юриспруденции к «филологическим изыскам и фантазиям»…

Второе конкретное размышление касается гендерного аспекта терминологических предпочтений законодателя. О таковых предпочтениях законодателя в виде словосочетаний «одинокая женщина» и «одинокая мать» мы уже высказались в первой группе тезисов об этичности и психологической дискомфортности. Совершенно очевиден и их гендерный контекст. Несмотря на объявление в территориях политики [23, с. 74–93], юриспруденции и социальной практики идеи гендерного равенства, реальное воплощение означенной идеи пока весьма далеко не только от совершенства, но даже от качественного результата [16]. Это стратегическое заявление правомерно и для тактических аспектов правотворчества.

Так, повсеместно (на теоретическом, законодательном, правоприменительном, бытовом уровнях) применяется термин «усыновление» вместо пары «усыновление/удочерение». Последняя используется, например, только в названии соответствующей главы (гл. 19 СК РФ) и открывающей ее нормы ст. 124, далее применяется только «мужская» версия.

Своеобразием отличается «алфавитное» решение нормативно-правовых текстов. Например, с точки зрения таковой последовательности начальных букв юридических терминов следовало бы писать: «брак – союз женщины и мужчины», «бабушки и дедушки», «мачеха и отчим», «падчерица и пасынок», «удочерение/усыновление» и т. п. – в то время как мы имеем в тексте закона обратную последовательность. Для активных феминисток это дополнительная возможность «довооружения». Поскольку автор относит себя к «классическому типу» женщин, то ограничивается лишь констатацией означенного своеобразия законодательной техники и филологических традиций. При этом следует заметить, что в более позднем законе (по сравнению с СК РФ), ФЗ «Об опеке и попечительстве» [5], принята иная последовательность – «бабушки и дедушки» как кандидаты в опекуны/попечители. Было ли это осознанное решение законотворца или случайность – история умалчивает…

Не менее (если не более) ярко обсуждаемый контекст проявляется в наименовании должностей – даже в тех случаях, когда женский род вполне уместен. Например: заведующий/заведующая кафедрой. При этом, напротив, многие наименования, если предъявлять к ним аналогичное требование, будут выглядеть экзотически или анекдотично: швея-мотористка и швей-моторист, медсестра и медбрат, секретарь-машинистка и секретарь-машинист, декан и деканша, председатель и председательница/председательша и т. п. Поэтому и в данном вопросе сугубо феминистский взгляд в целом не имеет и не должен иметь шансов на реализацию – только лишь на корректировку в весьма редких (но оправданных) случаях.

Третье размышление, не вполне конкретное. Рядом с сугубо терминологическими аспектами актуализирована проблема законодательного дефинирования понятий как ключевых, так и институционального типа. Она, как правило, характерна для тех нормативных правовых актов, включая федеральные законы и их кодифицированные формы, которые были приняты более 20 лет назад[5].

Между тем «рай понятий» для юристов достигается тогда, «когда общему понятию придается постоянное значение не только при каждом применении правила, но и всякий раз, когда оно возникает в любом правиле правовой системы» [22, с. 129–133]. Универсальная, основанная на теоретическом и законотворческом конвенционном соглашении дефиниция является фактором стабилизации и конкретизации правовой регламентации, способом выражения ключевой идеи законодателя применительно к тому или иному объекту правового регулирования [10, с. 26–27].

К числу ярких «иллюстрантов» относится СК РФ. В нем представлены лишь несколько «дефиниций», сформулированных как бы «между делом», подчас весьма неточных. При этом подобные попытки строятся на основе неотдефинированных базовых понятий, что вызывает терминологическое движение по замкнутому кругу. Так, например, косвенное определение фиктивного брака (п. 1 ст. 27) опирается на понятие семьи: «… в случае заключения фиктивного брака, т. е. если супруги или один из них зарегистрировали брак без намерения создать семью». Между тем, нормативно-правовое определение семьи (с констатацией ее существенных признаков) в законодательстве отсутствует, а в цивилистике долгие годы продолжаются дискуссии о целесообразности (или же возможности) ее дефинирования – в то время как в ряде государств ближнего зарубежья вопрос решен положительно [21, с. 21–33], а предложенные определения не вызывают принципиальных возражений.

Другим, не менее ярким, образцом игнорирования потребностей социума и юридической практики, конечно же, является понятие брака. В связи с ним в цивилистике долгие годы велись споры, в которых в качестве одного из аргументов выводилось соображение о социальной сложности данного явления и понятия, его обозначающего (формализующего) [21, с. 24]. При этом «непреодолимые трудности» с легкостью устранялись в многочисленных вариантах дефиниций брачного союза, размещенных в статьях, монографиях и учебниках, сводившихся, за минусом различных этико-эмоциональных терминов о любви и уважении, к очевидным обязательным элементам: основан на

[5] В последние годы правотворческие технологии предполагают дефинирование используемых в нормативном правовом акте понятий в качестве обязательной компоненты, что, как правило, и соблюдается.

соглашении мужчины и женщины, соответствует условиям действительности, закреплен государственной регистрацией, преследует цель создания и поддержания семейных отношений, порождает личные и имущественные права и обязанности супругов.

Примером неудачной попытки определения понятия является нормативно-правовое представление о ребенке: «Ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия)». Какие юридические тонкости проигнорированы законодателем в этом заявлении, давно зафиксировано в доктрине [12, с. 149–152].

Законопроектные работы по преодолению означенного пробела в общей части Семейного кодекса РФ в целом завершены, соответствующие предложения представлены в обе палаты Федерального собрания, однако процесс принятия поправок явно затягивается (их уже более 10 лет обсуждают и редактируют профильные комитеты и экспертное сообщество – с активным участием известных семейноведов [14, с. 3–6; 15, с. 3–9]).

В законодательстве встречаются и специфические смысловые погрешности. Так, например, в норме ст. 49 Семейного кодекса РФ законодатель призывает суды при рассмотрении дел об установлении отцовства и вынесении решения принимать во внимание только доказательства, «с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица» [20, с. 52–62]. Мы при анализе проблем судейского усмотрения, гендерной дискриминации и др. [18, с. 254–273] неоднократно указывали на некорректность данной формулировки, т. к. ее действующая редакция по сути формально, хоть и опосредованно, разрешает судам по другим категориям дел выносить решения, основанные на недостоверных сведениях… При этом гражданско-процессуальные нормы общего типа (пп. 1–3 ст. 67 Гражданского процессуального кодекса РФ [2]) содержат универсальное указание о принятии доказательств по любому гражданскому делу в том числе на основе требований достоверности, а их оценке – с соблюдением принципа всестороннего и объективного их исследования. Возникает вопрос, чем же руководствовался законодатель в своем частном призыве? Ответ: необоснованной преемственностью прежних дискриминационных норм, запрещавших или (на очередном этапе) ограничивавших возможности суда при разрешении дел означенной категории [17, с. 139].

Подводя итог своим «юридико-филологическим» заметкам (почти на полях), с сожалением констатируем, что отношения между юриспруденцией и науками о русском языке далеко не всегда учитывают этические и логические смыслы слов и словосочетаний (а также и более пространных суждений), их психологические «заряды» и иные типы воздействия на субъектов пассивного исполнения и активной реализации норм российского законодательства. Достижение симфонии этих

смыслов и эмоций о них, конечно, предполагает непростую дорожную карту и долгий путь, но уточнять ее координаты и реперные точки – константа для юридической науки и законотворчества.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // СПС «Гарант».

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Закон РФ от 27.11.1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня”, учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Правительства РФ от 02.06.2015 г. № 531 «Об утверждении методики оценки ожидаемого периода выплаты накопительной пенсии» /// СПС «КонсультантПлюс».

10. Баранов В.М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические и практические проблемы / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивскго, Г.О. Матюшкина. Нижний Новгород, 2007. С. 24–66.

11. Барнс Дж. Как все было. Азбука, СПб., 2020. 318 с.

12. Величкова О.И. О понятии «ребенок» в свете положений Семейного кодекса РФ и Конвенции о правах ребенка // Материалы международной научно-практической конференции «Семейное право на рубеже XX-XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка. Казань: КФУ, 2011. С. 149–152.

13. Власенко Н.А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 11–19.

14. Ильина О.Ю. Концепция совершенствования семейного законодательства как инструмент гармонизации частных и публичных интересов // Семейное и жилищное право. 2015. № 6. С. 3–6.

15. Ильина О. Ю. Эволюция семейного права и законодательства: цели и маршрутизация процесса // Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития: сб. статей по итогам III Новосибирского международного юридического форума. В 2-х частях / под ред. О.Н. Шерстобоева, М.В. Громоздиной, М.С. Саламатовой. Новосибирск, 2021. С. 3–9.

16. Лушников А.М., Лушникова М.В., Тарусина Н.Н. Гендер в законе. М.: Проспект, 2015. 480 с.

17. Тарусина Н.Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica (Русский закон). 2022. Том 75. № 1. С. 131–146.

18. Тарусина Н.Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 19. № 9. С. 254–273.

19. Тарусина Н.Н. Негативная преемственность в семейном праве: несколько штрихов в стиле экспрессионизма // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 16. № 1. С. 70–81.

20. Тарусина Н.Н. Несколько тезисов о праве родиться // Lex Russica (Русский закон). 2021. Том 74. № 5 (174). С. 52–62.

21. Тарусина Н.Н. Семья как общеправовая конструкция // Lex Russica (Русский закон). 2020. Том 73. № 4 (161). С. 21–33.

22. Харт Г. л. А. Понятие прав. СПб: СПбГУ, 2007. 302 с.

23. Tarusina N., Isaeva E. Equalization of legal status with respect to gender // Russian Law Journal. 2016. Т. 4. № 3. С. 74–93.

Об авторе:

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», Заслуженный юрист РФ, SPIN-код: 5565-5523, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

SUBJECTIVE NOTES ON LEGAL TERMS

N.N. Tarusina

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl

The article offers reflections on ethical incorrectness, psychological discomfort or negligence allowed by the Russian legislator in the construction of legal regulations (when using terms, terminological constructions, attempts to define concepts). Samples of this kind were found, due to the strictly defined scientific interests of the author, in the legislation of the social sphere - in its broad meaning (family, labor, insurance, medical). Among other things, attention is drawn to the peculiar manifestations of gender stereotypes and inaccuracies in the terminological provision of texts.

Keywords: *terms, Russian legislation, ethics, gender, psychological discomfort, incorrectness of meanings.*

About author:

TARUSINA Nadezhda – PhD in Law, Professor, Head of the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Honored Lawyer of the RF, SPIN-code: 5565-5523, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Тарусина Н.Н. Субъективные заметки о юридических терминах // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 115–122.

Вопросы истории государства и права

УДК 347.97
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.123

СЛЕДСТВЕННЫЙ СУДЬЯ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА В СИСТЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.С. Любовенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Предлагается вернуться во времена великих преобразований второй половины XIX в. в Российской империи и подвергнуть анализу одну из интереснейших реформ – реформу следствия, изучить мнения уважаемых членов пореформенной комиссии. Безусловно, мы изучаем историю, чтобы использовать этот опыт для совершенствования современного законодательства.

Ключевые слова: *судебный следователь, реформа, преобразование судебной части.*

Великие реформы второй половины XIX в. в целом и судебная реформа 1864 г. в частности до сих пор будоражат умы ученых, их потенциал действительно невозможно переоценить [9, с. 147]. Сама реформа правоохранительной системы второй половины XIX в. началась гораздо раньше. Еще в 1860 г. 8 июня император издал Учреждение судебных следователей, Именной указ Правительствующему Сенату «Об отделении следственной части от полиции» [6], Наказ судебным следователям и Наказ полиции о производстве дознания по преступлениям и проступкам. Посредством этих правовых актов происходило распределение функций дознания и следствия между полицией и судебными следователями соответственно. Однако в определённых Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. случаях, не терпящих отлагательств, когда судебный следователь не прибыл на место происшествия, следственные действия (осмотр, освидетельствование, обыск и др.) могла осуществлять и полиция (ст. 258). Все материалы впоследствии передавались судебному следователю [11, с. 146]. При этом статус судебного следователя существенным образом отличался от статуса его предшественника – судебного пристава. Учреждением судебных следователей был установлен достаточно высокий образовательный ценз для кандидатуры судебного следователя, несоответствие которому могло быть компенсировано выдающимися практическими навыками претендента в области производства следственных действий и добросовестным подходом к проделанной работе (п. 3). Кандидатуры судебных следователей утверждал сам император по представлению министра юстиции [11, с. 54], они

 © Любовенко Е.С., 2022

относились к судебному ведомству и в этой связи пользовались судейской неприкосновенностью [11, с. 54]. Неприкосновенность выражалась прежде всего в том, что перевод следователя из одного участка в другой (в пределах одного судебного округа) мог быть осуществлен лишь с согласия общего собрания судейского состава окружного суда, утвержденного министром юстиции [11, с. 56].

Но, очевидно, такая независимость была неприемлемой на данном этапе исторического развития отечественной правовой системы. Как пишет А.Ф. Кони, после неудачного покушения на жизнь Александра II, совершённого Каракозовым, император подверг сомнению целесообразность проведенной судебной реформы. Эта политика прослеживается в том числе и в кадровых переменах, когда соратников государя сменяют люди консервативной направленности [8, с. 85]. Этим можно объяснить и изменения, которые затронули правоохранительную систему. Судебные следователи с присущей им независимостью от обвинительной системы постепенно вытеснялись чиновниками, причисленными к министерству юстиции и командированными министром к исправлению должности судебного следователя – с идентичным функционалом, но совершенно иной степенью подконтрольности. Как пишет известный юрист Б.Л. Бразоль, «в 1898 году из 1487 судебных следователей, состоявших по империи, только 154, т. е. около 10 %, пользовались судейской несменяемостью» [7, с. 59]. Такое положение вещей не устраивало лиц, занятых в судебном следствии, что подтверждает и Б.Л. Бразоль. В 1916 г. он напишет: «Однако как в прежнее время, так и теперь практика эта не встречала и не встречает сочувствия со стороны лиц, близко стоящих к следственному институту» [7, с. 59]. В этой связи чиновники, причисленные к исправлению должности судебного следователя, но не пользующиеся благами государственного служащего, чувствовали себя ненастоящими следователями, временно исполняющими вверенные полномочия [7, с. 59].

В 1880 г. на повестку встала реформа по пересмотру судебной части, в том числе напрямую затрагивался вопрос реформирования следствия. Председателем комиссии был назначен министр юстиции Н.В. Муравьёв.

Министром юстиции 25 мая был выпущен циркуляр, по которому аккумулировались предложения по реформированию следственной части. И если одни члены комиссии ратовали за возвращение судебным следователям их независимости в полом объёме, то большинство выступало за ликвидацию института судебных следователей, мировых судей и передачу их полномочий «участковым судьям». Последние должны быть ближе к народу и совмещать судебные и следственные функции. И только четыре члена комиссии, среди которых был А.Ф. Кони высказали кардинально иное предположение. Оно сводилось к губительности для судебного строя России отмены самостоятельности

судебных следователей. Более того, предлагалось учредить повсеместно следственных судей – как новый особый орган судебной власти, ответственный за производство всего предварительного следствия [7, с. 62]. Такая формулировка позволяет предположить, что речь шла именно о надзоре за предварительным следствием, легальной оценке возможности и эффективности тех или иных следственных действий с учётом соблюдения баланса неотъемлемых прав подозреваемого и раскрытием преступления. Кроме того, ссылка на уникальность этого органа власти также даёт основание полагать, что следственный судья, по задумке этих четырех членов комиссии, не должен был рассматривать дела по существу или в порядке пересмотра.

Однако решено было внедрить эксперимент, за который высказалось большинство членов комиссии. Преобразования проводились на окраинах страны: в Архангельской губернии, Сибири, Черноморской губернии, в Степных областях и Туркменском крае. Так 29 января 1886 г. были высочайше утверждены Временные Правила об устройстве судебной части и о порядке производства судебных дел в Архангельской губернии (далее – Временные правила) [5]. Положением п. 8 Временных правил обязанности Судебных Следователей в Архангельской губернии возлагались на Участковых и Добавочных Мировых Судей (орфография из текста ПСЗ) [5, с. 78]. Аналогичные Правила были приняты в отношении всех обозначенных территорий. Теперь эти должностные лица были больше судьями, нежели следователями. Вместе с тем совмещение несовместимых полномочий с позиции современного правопонимания так и осталось.

Некоторые исследователи того времени негативно оценивали смешение в одном лице обязанностей судьи с разыскными обязанностями следователя. Хотя возражения не были связаны с невозможностью объективной оценки судом доказательств, полученных при участии самого судьи. Так, А.А. Соколов видел в этом положении вещей причину слабости полиции и ссылался в подтверждение своей позиции на мнение обер-прокурора, предлагавшего изъять розыск из компетенции судебного следователя и передать его в полном объёме полиции [13].

Положение судебного следователя на основании Учреждения судебных установлений и Устава уголовного судопроизводства с точки зрения выполняемых функций соотносится с современными полномочиями следователей, занимающихся расследованием уголовных дел, поднадзорных Прокуратуре Российской Федерации.

Однако в полной мере развитию судебно-следственной реформы на территории страны помешали первая мировая война 1914 г., февральская и октябрьская революции 1917 г. Окончательную точку поставил Декрет № 1 «О суде» от 24.11.1917 г., упразднивший чины предварительного следствия [4]. Их заменили особые следственные комиссии при Советах.

Внимание к институту судебных следователей реформы XIX в. было привлечено в 2012 г. Так, в марте на круглом столе, посвященном проблемам судебной системы, советник Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор А.В. Смирнов представил свою концепцию «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе» (далее – Концепция).

В качестве одного из обоснований необходимости принятия концепции автор указал на неоспоримые достоинства судебной реформы 1864 г., которые, по его мнению, были отвергнуты при разработке современной системы уголовного правосудия. В частности, речь шла о «формировании судебных доказательств исключительно под эгидой судебной власти» [12].

Автор концепции предлагал ввести легальный термин «следственный судья», которого в законодательстве XIX в. не было, однако теоретические разработки существовали, о чем написано выше. Функционал следственного судьи, согласно Концепции, полностью соотносится с разработками XIX в.

Речь идет о досудебном контроле за законностью и обоснованностью уголовного преследования действительно независимым от обвинительной системы должностным лицом. Независимость в данном случае характеризуется отсутствием подчинённости и иным порядком финансирования, вывод этого должностного лица из обвинительной системы и включение его в систему власти судебной.

14 октября 2014 г. Президент поручил проработать внедрение этого института в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ). Согласно п. 10 поручения ответственным был назначен В.М. Лебедев, срок исполнения поручения определён 15.03.2015 г. [1]. В целях реализации поручения Президента Верховный Суд Российской Федерации запросил информацию о целях реформы, компетенции, сроках полномочий и порядке формирования следственных судей. 15 января в адрес Верховного Суда Российской Федерации поступили Предложения о компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации. Особого внимания заслуживает цель, обозначенная в Предложениях Постоянной комиссии по гражданскому участию в правовой реформе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека: «Цель создания института следственных судей в России состоит в коренной модернизации российского уголовного процесса с тем, чтобы в нем было полностью реализовано требование Конституции РФ о состязательном построении судопроизводства (ч. 3 ст. 123), а активное судебное участие и реальный судебный контроль распространились на все стадии уголовного процесса. Главный дефект нынешнего УПК РФ – господство на так

называемых досудебных стадиях процесса стороны обвинения и фактическое процессуальное неравноправие с ним стороны защиты, в результате чего судебные доказательства формируются, по сути, одним лишь публичным обвинителем (следователем, дознавателем), тогда как другая сторона – защита – такой возможностью не обладает» [2].

Однако приходится констатировать, что при всей полезности для отечественной системы законодательства этих предложений, изменения в УПК РФ до сих пор внесены не были. Вместе с тем институт следственных судей успешно внедрен в ряде государств СНГ. Так, например, в п. 18 ч. 1 ст. 3 Уголовного процессуального кодекса Украины от 14.04.2012 г. содержится определение понятия «следственный судья»: это судья суда первой инстанции, к полномочиям которого относится осуществление в порядке, предусмотренном Уголовным процессуальным кодексом Украины, судебного контроля за соблюдением прав, свобод и интересов лиц в уголовном производстве, и в случае, предусмотренном ст. 247 Уголовного процессуального кодекса Украины, – председатель или по его определению другой судья соответствующего апелляционного суда. Следственный судья (следственные судьи) в суде первой инстанции избирается собранием судей из состава судей этого суда [3].

Остается надеяться, что данная проблематика вновь попадёт в сферу внимания Президента Российской Федерации.

Список литературы

1. Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека от 14.10.2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/47174 (дата обращения: 02.07.2021).

2. Предложения Постоянной комиссии по гражданскому участию в правовой реформе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. URL: http://president-sovet.ru/documents/read/351/ (дата обращения: 02.07.2021).

3. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 г. № 4651-VI [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178#pos=194;-26 (дата обращения: 02.07.2021).

4. Декрет № 1 «О суде» от 24.11.1917 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_sude1.htm (дата обращения: 02.07.2022).

5. Временные Правила об устройстве судебной части и о порядке производства судебных дел в Архангельской губернии от 29.01.1986 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье Отделение I. От № 12355-13610 и дополнения. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1899. Т. XVI. С. 72–79 [Электронный ресурс].

URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=115252 (дата обращения: 02.07.2021).

6. Именной указ Правительствующему Сенату «Об отделении следственной части от полиции» от 08.06.1860 г. [Электронный ресурс]. URL: https://studref.com/452401/pravo/uchrezhdenie_sudebnyh_sledovateley_iyunya_i860#204 (дата обращения: 02.07.2021).

7. Бразоль Б.Л. Очерки по следственной части: История. Практика. Петроград: Гос. тип., 1916. 215 с.

8. Кони А.Ф. Избранное / под ред. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. М.: Сов. Россия, 1989. 496 с.

9. Пашенцев Д.А. Российские правовые традиции в социальной сфере (историко-правовой аспект) // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 2. С. 139–156.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье Отделение I. От № 12355–13610 и дополнения. СПб.: Государственная типография, 1899. Том XVI. [Электронный ресурс]. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=115252 (дата обращения: 02.07.2021).

11. Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти томах. Т. VIII. Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. 496 с.

12. Смирнов А.В. Концепция «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе» [Электронный ресурс]. URL: https://openpolice.ru/pages/reform/diskussiya-o-reforme-ugolovnogo-processa/vozrozhdenie-instituta-sledstvennyh-sudej-v-rossijskom-ugolovnom/ (дата обращения: 02.07.2021).

13. Соколов А.А. Практическое руководство для судебных следователей: [Т. 1-3] / сост. А. А. Соколов. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1891–1897. 618 с. [Электронный ресурс]. URL.: https://www.prlib.ru/item/438986 (дата обращения: 02.07.2021).

Об авторе:

ЛЮБОВЕНКО Елена Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), ORCID: 0000-0003-2215-6447, SPIN-код: 1744-9642, e-mail: liubovenko@mediation-rspp.ru

INVESTIGATIVE JUDGE: ORIGINS AND PROSPECTS OF IMPLEMENTATION INTO THE LEGISLATIVE SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

E.S. Lyubovenko

Tver State University, Tver

It is proposed to return to the times of great transformations of the second half of the 19th century. in the Russian Empire and analyze one of the most interesting reforms - the reform of the investigation, to study the opinions of respected members of the post-reform commission. Of course, we are studying history in order to use this experience to improve modern legislation.
Keywords: *judicial investigator, reform, transformation of the judicial part.*

About author:

LYUBOVENKO Elena – PhD in Law, assistant professor of the department of theory of law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), ORCID: 0000-0003-2215-6447, SPIN-код: 1744-9642, e-mail: liubovenko@mediation-rspp.ru

Любовенко Е.С. Следственный судья: истоки и перспективы внедрения правового института в систему законодательства Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 123–129.

УДК 34.043 : 378
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.130

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются характеристики системы образования России во второй половине XIX века как важного этапа в развитии отечественного образования в контексте его роли в качестве канала социальной мобильности.

Ключевые слова: *Российская система образования, XIX век, правовой статус человека, социальная мобильность.*

Исследование ключевых характеристик и значения того или иного периода в истории отечественного образования представляет не только теоретический, но и практический интерес. Такого рода исследования помогают науке выполнять организационно-управленческую функцию в части выработки рекомендаций по совершенствованию нормативной базы и практики функционирования тех или иных компонентов современной системы образования. Актуальность исследования объясняется и особенностями самого исторического периода, связанного с разработкой и апробацией новых моделей управления системой образования, новыми институциональными и функциональными характеристиками, санкционированными государственной властью России того времени.

Основным периодом, в рамках которого проводится исследование, является вторая половина XIX в. Эти годы входят в состав исторического периода, продолжавшегося столетие с начала XIX в. по начало XX в. (по нашей классификации). Учитывая специфику темы, материал рассмотрен в контексте отдельных характеристик отечественной системы образования предшествующего и последующего периодов вплоть до настоящего времени. В числе рассмотренных сюжетов находятся деятельность по образовательной поддержке талантливых обучающихся, взаимодействие высшего и общего образования и некоторые другие.

Исследование проведено на основе цивилизационного подхода в рамках историко-правовой науки.

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных и зарубежных философов, философов права, теоретиков и методологов образования.

Историография отечественной системы образования представлена трудами представителей педагогической, исторической и историко-правовой наук, а в ряде аспекто в – философии, социологии и экономики.

© Смирнов С.Н., 2022

В частности, проведены исследования, посвященные рассмотрению потенциала образования как канала социальной мобильности, как инструмента повышения индивидуального правового статуса человека.

В качестве примера можно назвать труды Р.Ф. Абдеева, А.В. Авруса, А.Ю. Андреева, Н.И. Асановой, Д.И. Багалея, В.Н. Бенда, Е.Р. Борисовой, Е.Ю. Жаровой, Н.П. Загоскина, П.А. Зайончковского, В.А. Змеева, В.Р. Иконникова, Г.В. Калашникова, В.Г. Капитурова, П.И. Касаткина, Н.Д. Кликунова, Н.М. Коркунова, Г.В. Кукушкиной, А.М. Ларионова, О.А. Логиновой, Т.И. Любиной, Б.Н. Миронова, В.В. Нурмухаметовой, Е.В Петухова, С.В. Рождественского, А.Н. Сазонова, И.Я. Селезнева, А.М. Феофанова, С.И. Черных и многих других исследователей.

Эмпирическую базу настоящей работы составляют нормативно-правовые акты, локальные акты ряда образовательных организаций.

С точки зрения функционирования образования России в качестве компонента механизма изменения индивидуального правового статуса человека девятнадцатое столетие, а, говоря точнее, время с начала XIX в. по начало XX в. составляет отдельный исторический период.

Мы должны констатировать следующее. Во-первых, в рамках указанного периода отечественная система образования прошла определенный путь развития, претерпев значительные изменения. Второе обстоятельство заключается в том, что система образования девятнадцатого столетия имеет по своим ключевым характеристикам существенные отличия как от предшествующего, так от последующего исторических периодов. Прежде всего мы имеем в виду характеристики образования как социального лифта.

Какую же роль сыграл девятнадцатый век в развитии системы образования России?

Прежде всего отметим, что государственная политика в сфере образования определялась целым комплексом факторов. В их числе мы можем назвать характер социальной системы, политического режима, перечень решаемых верховной государственной властью задач, требования к персоналу государственных органов, учреждений и предприятий, возможности экономики и др. Качественное состояние системы образования в известном смысле является производным от направления государственной политики и отражает свое историческое время.

С учетом вышесказанного попробуем дать некоторые обобщающие характеристики системы образования России в предшествующий девятнадцатому столетию исторический период в концептуальном, юридическом, организационном, кадровом аспектах.

В концептуальном плане отметим специализированный характер обучения практически во всех образовательных организациях, отсутствие ряда естественных для настоящего времени институтов и инструментов, таких, как институты по выявлению и развитию талантов

детей и молодежи на базе вузов, за исключением Академической гимназии при Московском университете. Прообразом такого рода институтов были частные пансионы, открывшиеся в нескольких городах империи. Весьма сдержанным было отношение правительства к развитию образования женщин.

В юридическом отношении отметим сословный характер образования, затрудненный доступ к образованию представителей сословий городских и сельских обывателей. В условиях государственной политики по сохранению сословного характера социальной системы страны данная позиция законодателя является естественной. В противном случае представителями непривилегированных сословий и субсословий образование могло быть использовано в качестве инструмента социальной мобильности, «который позволяет кардинально изменить аскриптивный социальный статус и превзойти социальный статус семьи, в которой родился индивид» [3, с. 91], несмотря на сословный характер системы стратификации.

В организационном плане отметим недостаточно густую сеть образовательных учреждений практически во всех регионах страны. Эта сеть в принципе не могла решить задачи по массовому обучению подданных. Соответствующим был и кадровый потенциал системы образования. Вплоть до начала XIX в. система образования Российской империи была рассчитана на обеспечение обучения, прежде всего, лиц высших сословий и отдельных социальных групп из непривилегированных сословий.

Во всех указанных аспектах в течение девятнадцатого столетия произошли существенные изменения. Еще в начале XIX в. российский законодатель предпринял практические меры по обеспечению доступа к системе образования с потенциальной возможностью повышения в дельнейшем индивидуального правового статуса представителям всех сословий, правда с сохранением запретов в отношении социальной группы крепостных людей. Еще в 1850-е гг. произошло существенное изменение позиции высших государственных органов в отношении женского образования.

Императорский Царскосельский лицей для детей дворян, открытый в 1811 г., с определенными оговорками можно считать институтом по выявлению и развитию способностей детей. Данную функцию выполняли и имевшие всесословный характер общеобразовательные учреждения (гимназии и училища), работавшие при университетах и появившихся позднее учительских институтах и учительских семинариях.

Была расширена сеть образовательных учреждений разного уровня. В несколько раз увеличилось число университетов, комплексных, универсальных по своей природе образовательных учреждений. В 1803–

1804 гг. император Александр I подписал новые университетские уставы [2].

Система образования России получила трехступенчатую структуру: начальное, среднее, высшее. Образовательные программы указанных ступеней были в большей или меньшей степени согласованы друг с другом. Другими словами, в правовом и организационном отношениях, была предусмотрена потенциальная возможность продвижения обучающихся по ступеням образования.

Наиболее значительные перемены произошли в ходе Великих реформ XIX в. Мы можем констатировать очевидный факт: модернизация системы образования России произошла хронологически вслед за политико-социальной модернизацией. Были сняты запреты (на общегосударственном уровне) на доступ к образованию всех категорий населения. При этом для большинства населения – крестьян – были установлены ограничения на уровне сельских обществ. Тем не менее, мы можем отметить явно проявившуюся тенденцию на демократизацию образования.

Обратим внимание также на увеличение числа каналов вертикальной социальной мобильности и на немаловажное обстоятельство, заключающееся в повышении роли образования. Доступ к указанным каналам был во многих случаях возможен лишь при наличии у человека образования определенного уровня.

На всех ступенях образования развивалась сеть образовательных учреждений как универсального, так и специализированного характера. Создание специализированных образовательных организаций вызывалось потребностями социальной сферы и экономики. В качестве примера можно привести организацию сети железнодорожных училищ.

Частные образовательные учреждения юридически, организационно и, если угодно, ментально стали полноправным компонентом сети образовательных организаций страны. Уже к 1864 г. в России насчитывалось 75 частных гимназий, 186 частных уездных училищ, около 600 частных начальных и приходских училищ [4, с. 459–460].

В числе перемен принципиального характера в государственной политике в сфере образования и, соответственно, в системе образования Российской империи можно отметить повышение значения педагогического образования и резкое расширение сети педагогических учебных заведений. Крайне незначительный вплоть до 1870-х гг. потенциал педагогического образования [4, с. 555] был значительно укреплен.

По сути этот тренд, при условии его сохранения, и мог позволить в исторической перспективе перейти к политике обеспечения всеобщего обучения. Мы полагаем, что внимание государства и общества к педагогическому образованию есть весьма заметный вклад девятнадцатого столетия в развитие отечественной системы образования

в двадцатом столетии. С некоторой долей преувеличения можно отметить, что тенденция развития отечественной педагогики, проявившаяся в XIX в., в значительной мере определила успехи в развитии отечественной системы образования, характерные для XX в.

В результате система образования России во второй половине XIX в. более эффективно, нежели в предшествующий период, и в более массовом масштабе стала выполнять функции канала вертикальной социальной мобильности, обеспечивающего возможность повышения индивидуального правового статуса человека.

В начале двадцатого столетия указанные выше тенденции не просто были продолжены, но и «переведены» государством на более высокий уровень. В первые годы XX в. российский законодатель на нормативном уровне отменил все сохранявшиеся к тому времени запреты и ограничения (наиболее существенные для категории бывших крепостных крестьян) в доступе к образованию всех сословий и внутрисословных социальных групп. Государственными органами была начата работа по организации в Российской империи всеобщего образования.

В полном объеме всеобщее образования было введено в советский период истории. При этом на несколько десятилетий была прекращена практика функционирования специализированных образовательных площадок при университетах и других учебных заведениях, рассчитанных на обучение высокомотивированных обучающихся. Эта практика была возобновлена лишь в 1960-х гг. с открытием в СССР школ-интернатов при нескольких крупных университетах [1].

Таким образом, девятнадцатое столетие является временем существенного изменения действовавших в стране тенденций развития системы образования. Именно в XIX в. государственная политика в сфере образования менялась в направлении обеспечения ответа на вставшие перед Россией вызовы. В определенной мере результаты модернизации системы образования в течение XIX в., особенно в его второй половине, внесли свой вклад в столь значительные достижения отечественной системы образования в XX в.

Список литературы

1. Постановление Совмина СССР от 23.08.1963 г. № 905 (с изм. от 17.08.1989) «Об организации специализированных школ-интернатов физико-математического и химико-биологического профиля» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Жарова Е.Ю. Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268–290.

3. Косинов С.С. Основные каналы социальной мобильности российской молодежи в современных условиях // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 4 (18) С. 91–97.

4. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802 – 1902 гг. СПб.: М-во нар. прос., 1902. 785 с.

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

THE EDUCATION SYSTEM OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: BETWEEN THE PAST AND THE FUTURE

S.N. Smirnov

Tver State University, Tver

The article deals with the peculiarities of the Russian education system in the second half of the 19th century as a significant period in the development of national education in the context of its role as a means of social mobility.
Keywords: *Russian education system, 19th century, legal status of a person, social mobility.*

About author:

SMIRNOV Sergey – PhD in Law, associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

Смирнов С.Н. Система образования России во второй половине XIX века: между прошлым и будущим // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 130–135.

Трибуна молодого ученого

УДК 347.6
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.136

ЧЛЕН СЕМЬИ КАК УЧАСТНИК СЕМЕЙНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ УЧАСТНИКОВ СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА

Д.А. Пономарев

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Отмечается, что основным квалифицирующим признаком семейного предпринимательства является наличие семейных или родственных связей между участниками хозяйственной деятельности. Обосновывается положение, что к числу участников семейного предпринимательства следует относить не только членов одной семьи, но и любых других лиц, связанных отношениями родства, свойства, состоящих в фактических брачных отношениях, иждивенцев и иных лиц, которые признают наличие между ними семейных, родственных или аналогичных отношений, в том числе с учетом фактического возникновения таких связей (фактические брачные отношения, совместное проживание и т. п.) или с учетом сложившихся в определенных регионах традиций.
Ключевые слова: *семья, член семьи, семейное предприятие, семейное предпринимательство.*

Ведение семейной предпринимательской деятельности может осуществляться ее участниками в различных формах, в том числе с различным распределением управленческих, хозяйственных и трудовых функций. При этом круг участников отношений, связанных с семейным предпринимательством, в настоящее время не определен, отсутствуют согласованные критерии, использование которых позволило бы выделить семейное предпринимательство в качестве особой формы предпринимательской деятельности.

При рассмотрении понятия «семейное предпринимательство», как правило, отмечается такой характерный признак, как участие в нем членов семьи. Так, по мнению И.В. Охременко, под семейным предпринимательством следует понимать деятельность, основанную на «использовании семейного капитала, включая физический, финансовый и интеллектуальный капитал членов семьи» [6, с. 73]. Наличие семейно-правовых связей между членами семьи – участниками семейного предприятия в качестве признака семейного предпринимательства отмечал А.Н. Левушкин [5, с. 7–8].

При разработке Минэкономразвития России проекта Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” для

© Пономарев Д.А., 2022

характеристики семейного предпринимательства предлагалось использовать понятие «семейное предприятие», под которым понимается «субъект малого и среднего предпринимательства, созданный и управляемый членами одной семьи» [8].

Круг таких членов семьи согласно ст. 2 Семейного кодекса Российской Федерации может быть очень широк. В семейном предпринимательстве могут также участвовать лица, имеющие различную степень родства. Так, Н.И. Баранец признавала возможность организации семейной предпринимательской деятельности с участием не только членов семьи, но и других родственников [1, с. 129–130]. К.М. Потий связывал семейное предпринимательство с индивидуальный трудовой деятельностью близких родственников [7, с. 28], однако возможная степень родства при этом никак не раскрывалась [3, 4]. Кроме того, по мере развития и роста семейного предприятия в его работу может вовлекаться все более широкий круг лиц [5].

Таким образом, основным квалифицирующим признаком семейного предпринимательства, в той или иной форме признаваемым всеми исследователями, является наличие семейных или родственных связей между участниками хозяйственной деятельности.

Именно наличие таких взаимообусловленных связей позволяет строить отношения с учетом высокого уровня доверия друг к другу, избегать их формализации, обеспечивая взаимную поддержку и особую устойчивость семейной предпринимательской деятельности по сравнению с другими формами малого предпринимательства. Основным квалифицирующим признаком (критерием) семейного предпринимательства является именно наличие семейных и (или) родственных связей между участниками предпринимательской деятельности, данный признак является определяющим для всех видов семейных предприятий и вариантов организации семейной предпринимательской деятельности.

Для обозначения круга участников семейной предпринимательской деятельности представляется важным ввести обобщенный термин «семейно-родственные отношения», под которыми предлагается понимать наличие между физическими лицами семейных и (или) родственных связей, обуславливающих высокий уровень доверия между такими лицами и возможность их взаимодействия на основе признаваемой ими общности интересов.

Так, при ведении семейной предпринимательской деятельности лицами, связанными семейно-родственными отношениями, могут признаваться в том числе граждане, не относящиеся к традиционному кругу семьи, предусматриваемому законодательством, но с учетом сложившихся обстоятельств или возможных традиций в рамках определенной культурной или национальной общности также признаваемые членами семьи, родственниками или свойственниками

участников семейной предпринимательской деятельности либо рассматриваемые другими участниками семейного предпринимательства в качестве членов семьи или родственников в самом широком значении этих понятий.

В частности, при определении возможности отнесения какой-либо деятельности к категории семейного предпринимательства следует исходить из наиболее широких критериев определения круга возможных участников такой деятельности, включая лиц, связанных отношениями родства, свойства, а также иждивенчества, как это имеет место быть, в частности, при определении очередей наследования по закону, определяемых ст. 1142–1145 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Кроме того, участниками семейной предпринимательской деятельности могут становиться лица, не находящиеся в родственных или семейных отношениях, например, состоящие в брачных отношениях, что соотносится с общей тенденцией отхода от формальных требований при определении состава семьи. Так, В.В. Богдан отмечает, что семья может включать лиц, не являющихся родственниками [2, с. 22].

Семейно-родственные правоотношения, как правило, предшествуют началу семейной предпринимательской деятельности, хотя при их рассмотрении представляется необходимым отнести к семейным правоотношениям также отношения, возникающие между членами семьи как социального явления даже при отсутствии официальной регистрации брака.

Ввиду отсутствия единого междисциплинарного определения понятия «член семьи» и отсутствия ограничений при определении круга участников семейного бизнеса представляется необходимым исходить из наиболее широкого понимания семьи и родственных связей, которое может быть разным в различных случаях в зависимости от целей и обстоятельств его использования. Так, отсутствие официальной регистрации брака не должно препятствовать возможности применения положений о семейном предпринимательстве к случаям совместного ведения предпринимательской деятельности лицами, состоящими в фактических брачных отношениях, ввиду наличия между ними фидуциарных отношений в силу их связи, хотя и не оформленной юридически, но сложившейся на эмоциональном и бытовом уровнях.

Таким образом, для обеспечения развития правового регулирования возможно определить понятие «семейное предпринимательство» как систематическую предпринимательскую деятельность, осуществляемую лицами, связанными между собой семейно-родственными отношениями. К числу последних могут быть отнесены любые отношения, характеризуемые наличием между физическими лицами семейных и (или) родственных связей, обуславливающих высокий уровень доверия

между ними и возможность их взаимодействия на основе признаваемой ими общности интересов.

При этом к лицам, связанным семейно-родственными отношениями, для целей определения круга участников семейного предпринимательства следует относить не только членов одной семьи, но и любых других лиц, связанных отношениями родства, свойства, состоящих в фактических брачных отношениях, иждивенцев и иных лиц, которые признают наличие между ними семейных, родственных или аналогичных отношений, в том числе с учетом фактического возникновения таких связей (фактические брачные отношения, совместное проживание и т. п.) или с учетом сложившихся в определенных регионах традиций.

Предлагаемый подход позволяет не ограничивать круг участников семейного предпринимательства только членами одной семьи или лицам, состоящими в определенной степени родства, создавая возможность для различного решения вопроса о наличии отношений семейного предпринимательства в зависимости от конкретной ситуации, в том числе с учетом сложившихся фактических отношений, традиций и иных обстоятельств.

Список литературы

1. Баранец Н.И. Преимущества и недостатки в развитии малого семейного предпринимательства // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 129–130.

2. Богдан В.В. Семейный бизнес в социальных сетях: эффект бабочки // В книге: Семейный бизнес & качество правовой среды: монография / Ершова И.В., Абдуллаев К.А., Левушкин А.Н. и др. М.: Проспект, 2022. С. 22–37.

3. Жук А.А., Потий К.М. Институт семейного предпринимательства в современной России // Journal of Economic Regulation. 2018. Т. 9. № 1. С. 50–60;

4. Жук А.А., Потий К.М. Семейное предпринимательство в Российской Федерации: теория, практика, перспективы развития: монография. Дюссельдорф, 2018. 66 с.

5. Левушкин А.Н. Гражданско-правовое регулирование и развитие семейного предпринимательства как вида социального предпринимательства в Российской Федерации // Гражданское право. 2019. № 2. С. 6–10.

6. Охременко И.В. Социальные функции семейного бизнеса в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 72–75.

7. Потий К.М. Отечественный опыт определения понятия «семейное предпринимательство» // Экономическая наука современной России. 2018. № 2 (81). С. 24–34.

8. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=98577 (дата обращения: 05.09.2022).

Об авторе:

ПОНОМАРЕВ Дмитрий Александрович – аспирант кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, Курск, ул. 50 лет октября, д. 94); e-mail: dm418@mail.ru

THE FAMILY MEMBER AS A PARTICIPANT IN A FAMILY BUSINESS: THE PROBLEM OF DETERMINING THE LIST OF PARTICIPANTS IN A FAMILY BUSINESS

D.A. Ponomarev

Southwestern State University, Kursk

It is noted that the main qualifying feature of family business is the presence of family or family ties between participants in economic activity. The article substantiates the position that the number of participants in family business should include not only members of the same family, but also any other persons related by kinship, properties, who are in actual marital relations, dependents and other persons who recognize the existence of family, relatives or similar between them. relations, including taking into account the actual occurrence of such ties (actual marital relations, cohabitation, etc.) or taking into account the traditions that have developed in certain regions.

Keywords: *family, family member, family enterprise, family entrepreneurship.*

About author:

Ponomarev Dmitrii – Post-Graduate Student of the Civil Law Department, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: dm418@mail.ru

Пономарев Д.А. Член семьи как участник семейного предприятия: к вопросу о составе участников семейного бизнеса // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 136–140.

УДК 343.45
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.141

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПЕРСОНАЛЬНЫМИ ДАННЫМИ[1]

Е.В. Хохлова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Рассматривается проблема социальной обусловленности уголовно-правового запрета посягательств в отношении персональных данных человека. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с установлением уголовной ответственности за нарушения неприкосновенности персональных данных человека, а его целью – выявление оснований их уголовно-правовой охраны. Для достижения указанной цели применялись формально-юридический, системно-структурный методы юридической науки. Автор развивает и углубляет теорию в части социально-правового и криминологического обоснования криминализации рассматриваемых деяний. Делается вывод об обоснованности уголовно-правовой охраны персональных данных в связи с высокими рисками «деаномизации» для фундаментальных прав человека.

Ключевые слова: *персональные данные человека, социальная обусловленность, общественная опасность, нарушение неприкосновенности частной жизни человека, виртуализация, информационно-коммуникационные технологии.*

С развитием информационных технологий и их глобальным внедрением значительно увеличилось количество электронных баз, содержащих персональные данные о человеке, доступ к которым многократно увеличил риск вторжения в чужую частную жизнь. Так, в отчете экспертно-аналитического центра компании InfoWatch говорится, что в I половине 2022 г. количество утечек персональной информации ограниченного доступа в России составило 305, что на 45,9 % больше, чем за тот же период 2021 г. Объем «утекшей» информации с персональными данными в нашей стране составил 187,6 млн записей, что превышает численность всего российского населения [3].

Для понимания глобальности проблемы незаконного оборота персональных данных человека как одного из видов тайны приведем статистику состояния защищенности неприкосновенности частной жизни. В этих целях укажем в скобках количество пользователей

[1] Работа подготовлена под научным руководством к.ю.н., доцента М.Н. Урда в рамках выполнения государственного задания на 2022 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

© Хохлова Е.В., 2022

различных приложений, плеймаркетов и прочих сервисов, чье право на анонимизацию частной жизни было нарушено. Среди допустивших попадание клиентской базы в открытые источники: Сбербанк (65 млн россиян), «Почта России» (10 млн данных отправителей и получателей), «ВымпелКом» («Билайн») (2 млн абонентов); Служба доставки «Экспресс-курьер» (25 млн пользователей) и др. В открытый доступ попали ФИО, дата рождения, гражданство, номера СНИЛС, ИНН, адреса места жительства, телефоны, фото, серии и номера паспорта, суммы дохода, электронная почта, пароли от аккаунтов, данные кредитных карт, банковские счета, авиа– и железнодорожные перелеты, сведения о недвижимости, о членах семьи и др. Беспрецедентное количество жертв позволяет говорить о гипертаргетированности этого вида преступности, т. е. нацеленности на значительное число потерпевших. Активность злоумышленников в отношении именно этих данных объясняется их коммерциализацией и ликвидностью на «черном рынке», поскольку существует спрос на базы данных о российских гражданах. Очевидно, что количество случившихся только в последние годы инцидентов с массовой утечкой в открытый доступ персональных данных миллионов граждан подтверждает социальную обусловленность уголовной ответственности за посягательства в отношении персональных данных человека. Она определяется, прежде всего, объективной потребностью в защите права человека как субъекта персональных данных на неприкосновенность частной жизни, которое гарантируется ст. 23 и 24 Конституции РФ, а также его информационными правами, в том числе правом на свободу информации.

При сохранении дискуссии об основаниях уголовного запрета (или уголовной ответственности) учеными не опровергается тезис об отнесении законодателем того или иного деяния к категории преступных на основе оценки общественной опасности, раскрывающей его социальную природу. Норма уголовного закона должна предусматривать те и только те деяния, которые действительно опасны для общества и с которыми вести борьбу можно только уголовно-правовыми средствами [9, с. 6]. В теории уголовного права доказано, что общественная опасность преступления обладает признаком причинения общественным отношениям неизбежного или максимально вероятного вреда правоохраняемым благам, а в случае с персональными данными еще и множественного.

Высокая степень общественной опасности противоправных деяний с чужими персональными данными, во-первых, обусловлена последующим их использованием для совершения новых преступлений, а потому причиняемый от незаконного доступа и распространения личной информации вред не может быть минимизирован административной ответственностью. По данным нашего опроса, представители правоохранительных органов выделили две самые

большие группы преступлений с персональными данными человека – против собственности (59,4%) и против конституционных прав и свобод человека и гражданина (31,8%). Как показывает следственно-судебная практика, после покупки на нелегальных сервисах в сети Интернет, занимающихся противоправным оборотом личной информации, конфиденциальные сведения о человеке (доходы, состояние здоровья, биометрия, генетика, собственность) используются для совершения правонарушений, в том числе преступлений.

Вред приобретает здесь иные качественно-количественные характеристики, что придает деяниям, связанным с персональными данными, свойство общественной опасности, отличающее его от административно-правовых нарушений. Он проявляется не только в самой «деаномизации», но и в увеличении риска наступления особой тяжести последствий для идентифицированного лица. В их числе дискредитация потерпевшего (опорочение чести и достоинства, деловой репутации), вымогательство денежных средств, а также мошеннические схемы с использованием личных данных о нем – получение микрозаймов по скан-копиям чужих паспортов, транзакции под «легендой» хищения с банкового счета денег злоумышленниками, оформление кредитов, в т.ч. с использованием методов социальной инженерии. Только в I квартале 2022 г. Банк России зафиксировал 258097 операций без согласия клиентов, объем которых составил 3 млн 294 тыс. руб. Доля социальной инженерии, т. е. психологического манипулирования людьми, как правило, с использованием персональных данных для совершения определенных действий или разглашения конфиденциальной информации, составила 52,5 % [10].

О других типичных способах использования расшифрованной личной информации свидетельствует обобщение следственно-судебной практики по делам, связанным с персональными данными человека. Среди них изготовление поддельных паспортов на чужое имя («кража личности»); создание «фирм-однодневок» для внесения в Единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице [16, с. 333]; создание электронных цифровых подписей и совершение юридически значимых действий (например, продажа квартиры); иные посягательства против собственности (покупки в интернет-магазинах, кражи с банковских счетов и др.). Как утверждают криминологи, личные данные жертвы создают анонимность для преступников и террористов и представляют угрозу как для национальной безопасности, так и для частных лиц [8, с. 437].

Во-вторых, социальный интерес в установлении уголовно-правового запрета на противоправный доступ к персональным данным человека и их незаконный оборот детерминирован не только массовостью и латентностью преступлений, а их организованным и профессиональным характером, трансграничными связями организованных групп и

использованием иностранного сегмента сети Интернет. Правоохранительные органы выявляют многочисленные случаи размещения баз с персональными данными российских граждан на территории иностранных государств. Примером является кибератака на внутренние ресурсы РЖД жителя г. Краснодара, специалиста в IT-сфере. Используя для авторизации незаконно добытые учетные записи работников ОАО «РЖД» и 96 уникальных IP-адресов, он скопировал несколько сотен тысяч фотографий и другие персональные данные 700 тыс. руководства и сотрудников, включая имена, даты рождения, адреса, номера СНИЛС, должности, фотографии и номера телефонов. Впоследствии он опубликовал эту информацию на хостинге интернет-ресурса, расположенного в ФРГ [5].

В-третьих, деяния, связанные с незаконным нарушением сохранности персональных данных человека, создают угрозу причинения ущерба и государственной безопасности в том случае, когда речь идет о лицах, ее обеспечивающих. Криминальная практика последних лет подтверждает факты незаконного сбора персональных данных сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, что создает угрозу не только их жизни, здоровью, а также личной безопасности их родных и близких. Так, в 2022 г. по сообщениям Центра общественных связей ФСБ РФ, спецслужба пресекла деятельность группы из четырех сотрудников частного сыска и налоговых органов, осуществлявших с 2019 г. в интересах третьих лиц, в том числе иностранных граждан, незаконный сбор персональной информации, позволяющей идентифицировать тридцать человек. Именно налоговики, имея доступ к базе данных «предоставляли через посредника информацию об источниках дохода физических лиц, счетах, открытых в кредитных организациях, адресах регистрации и имуществе, а также другие сведения, составляющие охраняемую законом тайну» [16].

В-четвертых, еще одним основанием для криминализации несанкционированного доступа к персональным данным человека, хранящимся на специальных ресурсах операторов, является материальный ущерб, который может быть причинен от их похищения. И речь идет не только об использовании конфиденциальной информации персонального характера для совершения новых преступлений, но о финансовых затратах, которые возникают при устранении последствий ее обнародования. Об этом на Петербургском международном экономическом форуме в 2022 г. заявил, в частности, зампред правления Сбербанка Станислав Кузнецов. В результате компрометации 13 млн банковских карт Сбербанк был вынужден осуществить перевыпуск 1 млн карт своих клиентов, ущерб от которого составил не менее 4,5 млрд рублей. Другие 12 млн карт принадлежат владельцам иных кредитных

организаций, что только подтверждает тяжесть последствий «большой утечки» для всей отрасли [14].

В-пятых, в качестве одного из социальных обоснований уголовной ответственности за преступления с персональными данными человека является ежегодная положительная динамика их совершения с использованием информационных технологий (прежде всего, хакерские атаки на информационные ресурсы посредством вирусных программ). Именно этот способ многократно повышает степень общественной опасности деяний, при совершении которых для неправомерного доступа к соответствующим объектам используются компьютерные системы или сети.

В-шестых, негативным следствием перехода общества в цифровую эпоху явилась все большая «миграция» преступлений, связанных с персональными данными, в киберпространство [13, с. 73]. Это способствовало массовому распространению в теневом сегменте Интернета анонимной информации о личности пользователей как своего рода «товара», кибер-сталкингу, когда персональные данные жертвы было получены с помощью кражи онлайн-личности (в соцсетях, на веб-сайтах и через поисковые системы), кибербуллингу, диффамации и др.

На процесс криминализации посягательств в отношении информации ограниченного доступа существенное влияние оказывают и социально-психологические основания, в том числе общественная психология и правосознание [7, с. 67]. О том, что россияне усматривают особую опасность в получении и использовании своих персональных данных третьими лицами, их передаче от одних компаний к другим в коммерческих и иных целях, подтверждают результаты опроса ВЦИОМ: 58% респондентов считают, что доступ третьих лиц к их данным может представлять для них личную угрозу [11].

Среди правовых оснований криминализации деяний, посягающих на безопасность персональных данных человека, особое значение приобретают положения международных актов. Мировым сообществом фундаментальное право на неприкосновенность частной жизни, включая право на защиту персональных данных человека, признается особо охраняемой категорией, о чем провозглашается в преамбуле Конвенции Совета Европы «О защите личности в связи с автоматизированной обработкой персональных данных» (Конвенция 108) [1]. Государства, ее подписавшие, подтверждают приверженность свободе информации, невзирая на границы, и признают необходимость уважения неприкосновенности частной жизни и свободного обмена информацией между народами. Как участница Конвенции с 2001 г. Российская Федерация, ратифицировавшая ее Федеральным законом от 19.12.2005 № 160-ФЗ, возложила на себя международно-правовые обязательства по принятию надлежащих санкций по защите личных данных в национальном праве.

Традиционно в научных исследованиях в качестве другого из социально-криминологических оснований общественной опасности приводится показатель распространённости (массовости) того или иного посягательства, однако подобный анализ исключен ввиду объективных причин. В государственной системе учета преступлений деяния, предметом которых являются персональные данные человека либо они используются для совершения других преступлений, не выделяются специально [6, с. 11]. Косвенно судить о состоянии с защитой персональных данных человека позволяет приведенная выше статистика, подтверждающая не только особую тяжесть последствий в виде причинения вреда (жизни, чести и достоинству, материального ущерба и др.), но и его множественность с огромным числом потерпевших.

При рассмотрении проблемы социальной обусловленности любого уголовно-правового запрета учеными-юристами обсуждается вопрос о том, достигает ли деяние той степени вредоносности, при которой можно говорить о совершении именно преступления, возможно ли эффективное противодействие деянию без применения уголовно-правовых средств иными, более мягкими мерами. О том, что только административно- и гражданско-правовыми мерами обеспечить защиту граждан от незаконного доступа и оборота их персональных данных невозможно, подтверждает неэффективность административных средств борьбы с правонарушениями в этой сфере. Имеющиеся в арсенале административного законодательства составы правонарушений не обладают достаточным превентивным потенциалом для предупреждения противоправных деяний, связанных с персональными данными, хотя бы потому, что применяемые размеры штрафов не способны обеспечить их надлежащую охрану. По ч. 6 ст. 13.11 КоАП РФ в случае необеспечения сохранности персональных данных, если это повлекло в том числе распространение либо иные неправомерные действия в отношении персональных данных, первый штраф для юридических лиц составляет от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей. Так, штраф, который назначил суд по ст. 13.11 КоАП РФ компании «Гемотест» за утечку 30 млн личных данных клиентов, составил всего 60 тыс. руб. [4].

Таким образом, масштабность проблемы защиты личной информации в России со всей очевидностью свидетельствует о необходимости и оправданности установления уголовно-правового запрета в отношении деяний, совершаемых с использованием персональных данных человека или против них. Обусловленность этого запрета определяется общественной опасностью этих преступлений, выраженной в общественной ценности нарушаемых прав и свобод человека (неприкосновенность частной жизни, жизнь, собственность, честь, достоинство), распространенностью, глобальной компьютеризированностью, виртуализацией, латентностью и социально вредными последствиями.

Список литературы

1. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Заключена в Страсбурге 28.01.1981 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

2. Афанасьева О.В. Право на неприкосновенность частной жизни. Укрепляет ли его закон о персональных данных? // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 76–88.

3. В России резко участились кражи персональных данных – число похищенных записей превысило население страны. Отчёт об утечках данных за I полугодие 2022 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/otchyot-ob-utechkakh-dannykh-za-1-polugodie-2022-goda (дата обращения: 09.08.2022).

4. «Гемотест» оштрафовали на 60 тыс. руб. за утечку персональных данных [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5480244 (дата обращения: 17.08.2022).

5. Жителю Краснодарского края предъявлено обвинение в совершении киберпреступлений [Электронный ресурс]. URL: https://zmsut.sledcom.ru/news/item/1417513 (дата обращения: 17.08.2022).

6. Капинус О.С. Безопасность персональных данных как один из важнейших объектов конституционно-правовой охраны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 10–15.

7. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы декриминализации и пенализации. Владивосток: Изд.-во Дальневост. ун-та, 1987. 268 с.

8. Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма-ИНФРА-М, 2022. 800 с.

9. Кудрявцев В.Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1981. С. 3–10.

10. Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/review_4q_2022/(дата обращения: 01.09.2022).

11. Персональные данные в интернете: угроза утечки и как с ней бороться [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-ugroza-utechki-i-kak-s-nei-borotsja (дата обращения: 17.08.2022).

12. Переписка и геоданные россиян могли утекать зарубежным мошенникам [Электронный ресурс]. URL:https://iz.ru/1385527/2022-08-26/perepiska-i-geodannye-rossiian-mogli-utekat-zarubezhnym-moshennikam (дата обращения: 17.08.2022).

13. Русскевич Е.А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 521 с.

14. Сбер оценивает ущерб от перевыпуска скомпрометированных в России карт в 4,5 млрд. рублей [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2022/06/16/17944346.shtml (дата обращения: 17.08.2022).

15. ФСБ РФ разоблачила сливавших иностранцам данные о военнослужащих [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1352429/2022-06-20/fsb-rf-razoblachila-slivavshikh-inostrantcam-dannye-o-voennosluzhashchikh (дата обращения: 23.08.2022).

16. Шутова А.А. Социальная обусловленность существования норм об уголовной ответственности за посягательства на персональные данные // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 332–335.

Об авторе:

ХОХЛОВА Елена Васильевна – аспирантка ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94), e-mail: khokhlova1975@bk.ru, ORCID 0000-0002-0743-4667

SOCIAL RESPONSIBILITY FOR PERSONAL DATA OFFENCES

E.V. Khokhlova

Southwest State University, Kursk

The problem of social conditionality of the criminal law prohibition of encroachments against personal data of a person is being considered. The object of the study is social relations arising in connection with the establishment of criminal liability for violations of the inviolability of personal data of a person, and its purpose is to identify the grounds for their criminal protection. For this purpose, formal-legal, system-structural methods of legal science were used. The author develops and deepens the theory in terms of socio-legal and criminological justification for the criminalization of the crimes in question. It is concluded that the criminal law protection of personal data is justified in connection with the high risks of «deanomization» for fundamental human rights.

Keywords: *personal human data, social conditioning, social danger, violation of human privacy, virtualization, information and communication technologies.*

About author:

KHOKHLOVA Elena – graduate student of the Southwest State University, 305040, Kursk, 50 years of October, 94 St., ORCID 0000-0002-0743-4667, e-mail: khokhlova1975@bk.ru

Хохлова Е.В. Социальная обусловленность уголовной ответственности за преступления, связанные с персональными данными // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 141–148.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право решением Президиума ВАК включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов в редакции 2015 года, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:
170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.
Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.
Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);
технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;
law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право *№ 3 (71), 2022*

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 20.09.2022. Выход в свет 26.09.2022.
Формат 70 x 108 $^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,04.
Тираж 500 экз. Заказ № 199.
Издатель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет».
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.
Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.
Тел.: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*